

БОРЬБА

КЛАССОВ

№ 5 **М А Й**
1936

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАССОВЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

6-й год издания

И. К. П.
Кабинет истории

Т. Рыскулов

ТУРКЕСТАН И КАЗАХСТАН

(1905—1907 годы)

Туркестан (территория нынешних Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана, Киргизии и Кара-Калпакии) и Казахстан (южная половина которого прежде входила в состав Туркестана) до революции представляли собой типичные колонии царской России. За годы господства царизма Туркестан и Казахстан были превращены в источник сырья и наживы для развивавшегося российского капитализма. Народы Туркестана и Казахстана (узбеки, казахи, туркмены, киргизы, таджики и др.) испытывали самые худшие формы угнетения и порабощения со стороны царской военно-феодальной деспотии.

В отличие от большинства европейских колоний (Индия, Китай и др.), далеко расположенных от своих метрополий, центр и национальные окраины России составляли сплошную территорию, тесно связанную всеми нитями хозяйственной жизни. Поэтому всякие изменения в хозяйственной и политической жизни России немедленно отражались на ее окраинах. Господствовавший в России помещичье-буржуазный класс тесно сплетался в своих интересах с эксплуататорскими элементами окраин. Но зато революционное движение в этих окраинах в

свою очередь тесно связывалось со всем революционным движением в России. Правильность этого положения доказала революция 1905 года и особенно Октябрьская социалистическая революция 1917 года, охватившая одновременно центр и окраины.

Троцкисты, меньшевики, эсеры и местные националисты стремились доказать, что революционное движение в национальных окраинах (в том числе в Туркестане и Казахстане) было оторвано от пролетарского движения в России. Несостоятельность этих утверждений совершенно очевидна. В действительности ход развития всего периода, предшествовавшего революции 1905 года в России, подготовил народы, населяющие окраины, к вовлечению их в общее русло буржуазно-демократической, а затем и пролетарской революции в России.

1

Национально-освободительное движение среди народов Туркестана и Казахстана до 1905 года совпадало с процессом завершения завоевания русским царизмом этих краев. Но народы, населяющие их, продолжали еще оказывать упорное сопротивление

ние завоевательному продвижению царизма и стремились восстановить потерянную независимость, устраивая ряд крупнейших восстаний.

К такого рода восстаниям относится мощное выступление казахских масс в младшей орде (казахи делились тогда на три орды: старшую, среднюю и младшую), восставших против царизма и его ставленников—казахских ханов и султанов—в 1784—1797 годах во главе с Срым-батырем (выходцем из народа). В результате этого восстания царское правительство вынуждено было упразднить звание ханства в младшей орде. Следующее такого же рода восстание народных масс произошло в Букеевской орде в 1835—1837 годах. Во главе его стоял Исатай Тайманов (тоже выходец из народа). Это восстание обездоленных масс носило такой же характер, как и пугачевское восстание, т. е. сопровождалось разгромом аулов и зимовок казахской аристократии и нападениями на царскую администрацию. Во время пугачевского восстания к нему примкнули казахи Табынского и Таминского родов во главе с султаном Досалиевым.

Следующее крупное восстание казахов средней орды произошло в 1840—1845 годах во главе с султаном Кенесары Касымовым. В 1856 го-

ду в Сыр-Дарьинской области, около Ак-Мечети (ныне Кызыл-Орда), через 3 года после занятия ее русскими войсками произошло восстание казахов во главе с Джан-Ходжа Нурмухамедовым. В 1857 году восставшие были разбиты русскими войсками.

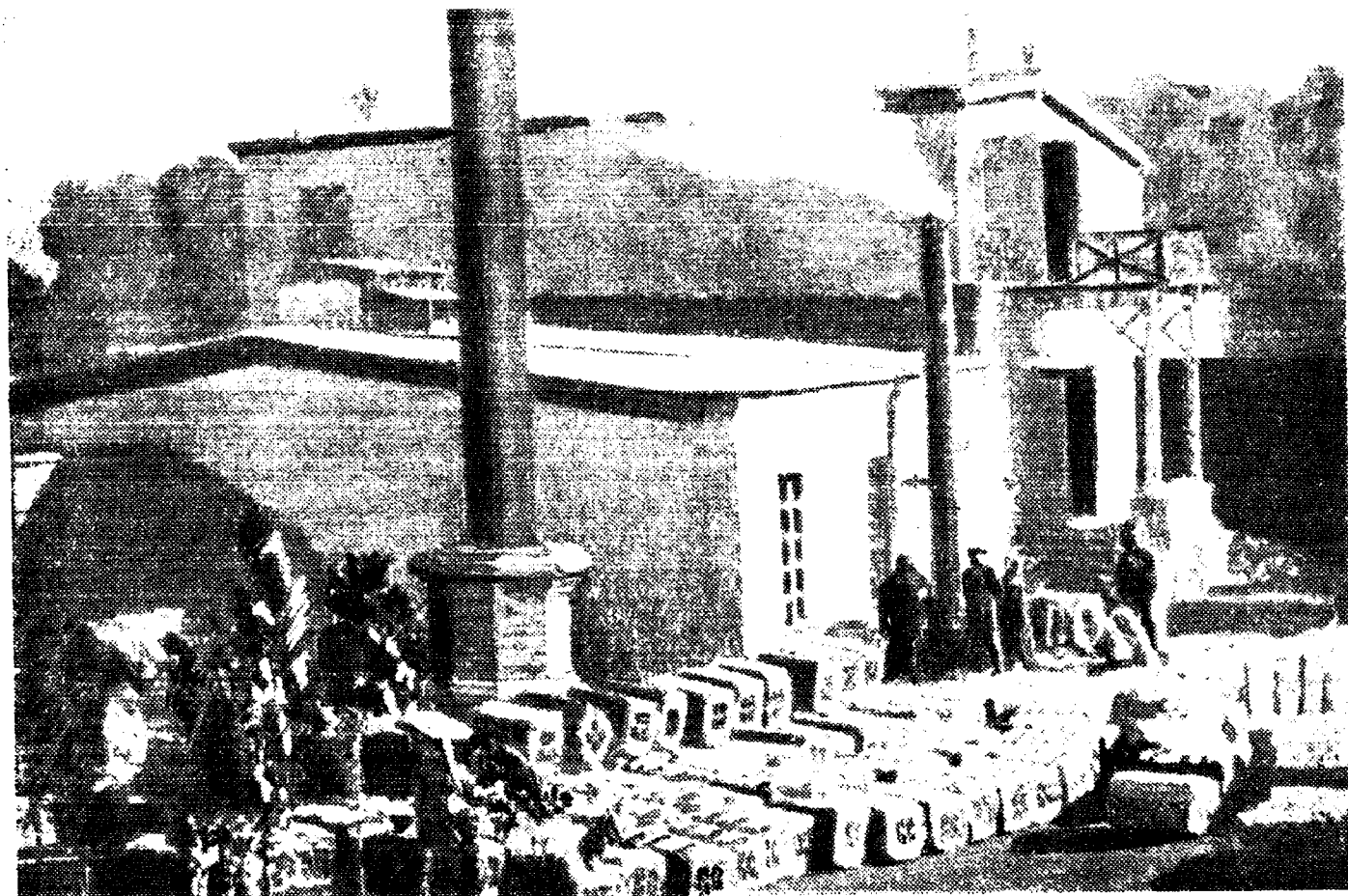
В связи с введением царским правительством нового порядка административного управления, ущемлением интересов родовых общин и увеличением размеров налогов и повинностей, в 1869—1870 годах снова происходят большие волнения казахских масс, в частности восстание адаевских казахов на Мангышлакском полуострове, во время которого убиты были пристав Рукин и 13 человек из его отряда. Против адаевцев было послано целое войско во главе с кавказским наместником Меликовым. Адаевцы потерпели поражение.

Ряд волнений и выступлений казахов происходил и в последующие годы. В 1875—1876 годах произошло большое восстание в Фергане во главе с автобачи Абдурахманом против царского правительства и его ставленника Худояр-хана.

Несколько раньше, в 1868 году, против Эмира Бухарского выступило население Шахризьбса во главе с шахризьбским беком, провозгласившее нового эмира. Шахризьбцы подняли на-

Сбор хлопка в Туркестане. Дореволюционный период.

Хлопкоочистительный завод в дореволюционном Туркестане.

Музей народов СССР.

селение Самарканда. Но восстание в Самарканде было подавлено отрядами генерала фон Кауфмана, а немного позже было подавлено восстание и в Шахризямбе.

В 1870 году произошло восстание матчинцев, также подавленное русскими войсками. В 1877 году имело место выступление иранцев в Бухаре. В 1892 году произошли беспорядки в Ташкенте (в старом городе) в связи с санитарными мероприятиями администрации по случаю эпидемии холеры.

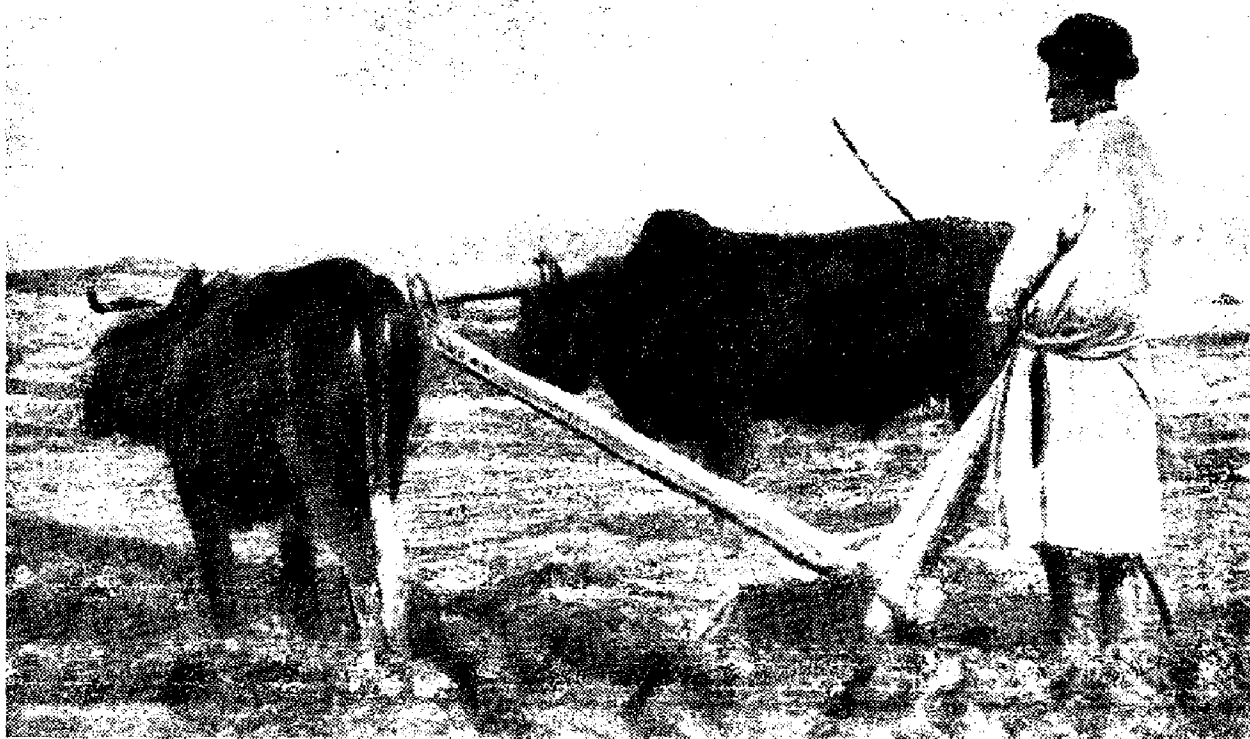
Крупнейшим по своему размеру и продолжительности было андижанское восстание во главе с духовенством (ишанами) в 1898 году. Основную массу восставших составляли дехкане (крестьяне). Дехканство протестовало против усилившейся кабалы ростовщического капитала и непосильных налогов и поборов царской администрации, а духовенство недовольно было урезкой его экономических интересов (сокращение доходов от вакуфов, т. е. земель, находившихся в ведении мечетей, и общественных земель, которыми распоряжалось духовенство и др.) и возросшей конкуренцией новой, нарождающейся туземной буржуазии. В результате восстания было осужде-

но на каторгу 344 человека, казнено 18 и сослано на поселение в Сибирь 18 человек. Земли и имущество восставших были конфискованы.

Среди туркмен и киргизов, в отдаленных степных пунктах и горных районах, часть населения долго еще не сдавалась царизму, защищая свою независимость (известны, например, борьба киргизов на Памире во главе с так называемой «алайской царицей» против царской власти, борьба против хивинского хана и против русской власти части родов иомудов, полунезависимое состояние туркмен пограничных с Ираном районов и др.).

Но все перечисленные восстания возглавлялись большей частью недовольными политикой царизма представителями имущих классов (ханами, султанами, феодально-родовыми руководителями и духовенством). Вследствие неустойчивости этих вождей, обычно подкупаемых царизмом, восстания народных масс терпели поражение. Все перечисленные выступления народных масс в Туркестане и Казахстане были жестоко подавлены царскими войсками.

Объективно эти движения были национально-освободительными, революционными движениями, так как в них

Крестьянин-таджик за пахотой. Дореволюционный период.

Музей народов СССР.

принимали участие народные массы и они были направлены против русского царизма и против той части аристократии и имущих элементов местных национальностей, которые поддерживали царскую власть. В результате этих восстаний в ряде случаев народным массам удавалось добиться частичных уступок от господствующих классов (например упразднение ханства у казахов и др.), но в конечном счете все эти восстания кончались поражением.

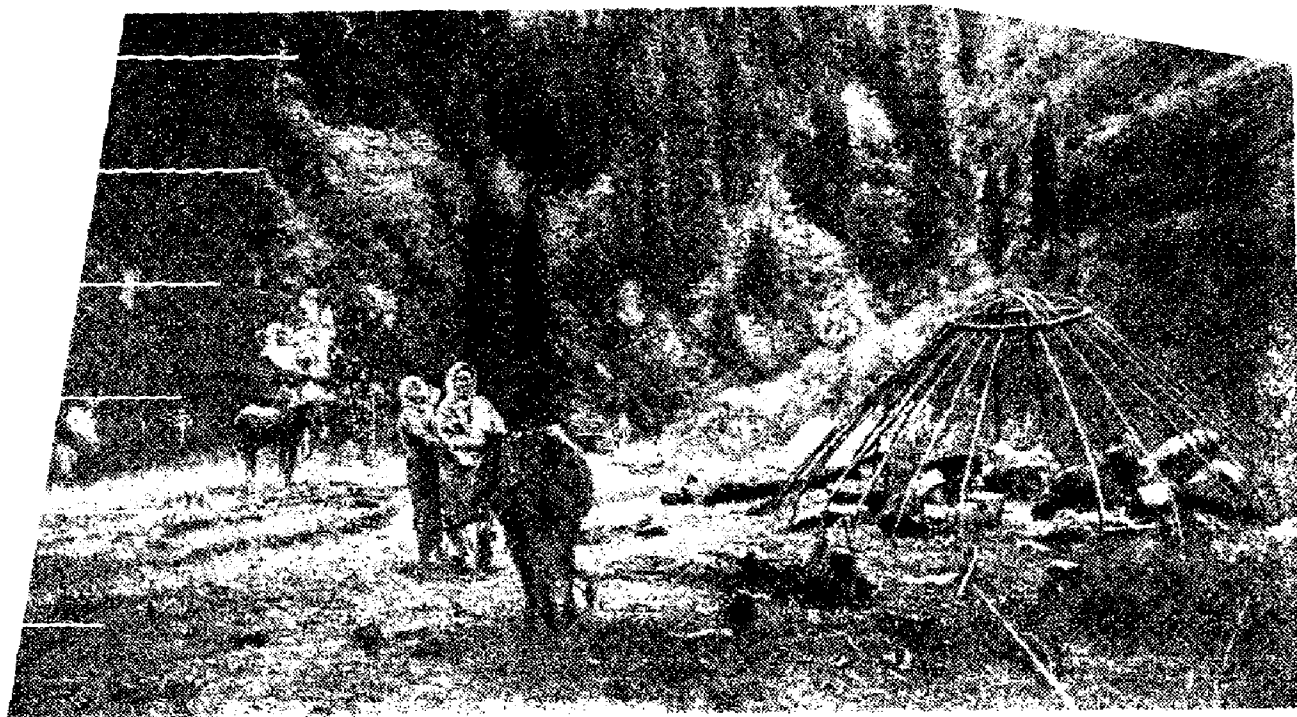
2

К 1905 году положение изменилось. К этому времени процесс покорения царизмом народов Туркестана и Казахстана был уже закончен. Шла усиленная колонизация степей, и в край быстро проникал торговый и промышленный капитал.

Социально-экономические отношения среди местного населения также претерпели значительные изменения. В оседлых районах Туркестана, населенных преимущественно узбеками, таджиками и отчасти туркменами и каракалпаками, беднейшее дехканство было прикреплено к хлопковым плантациям, насажденным в результате протекционистской политики царизма и усилий русских капиталистов, в ка-

честве издольщиков (чайрикеров) и батраков. Эта беднота была опутана густой сетью местного торгово-ростовщического капитала, игравшего посредническую роль для русского торгово-промышленного капитала. С развитием хлопководства сельское хозяйство оседлых районов решительно переводится на рельсы товарного хозяйства. Дехканство, задалживая капиталистам и ростовщикам, лишалось постепенно земли и пауперизировалось. Русские капиталисты, туземные баи, ростовщики, скупщики хлопка (чистачи) и царский административный аппарат наживались за счет разоряемых дехкан.

Наряду с этим на одном полюсе шел процесс усиленной концентрации земельной собственности в руках имущих элементов, в то время как на другом — росло количество безземельного и малоземельного крестьянства и батрачества. В оседлых районах внедрялись капиталистические отношения, приспособившие в своих интересах сохранившиеся остатки феодальных пережитков в экономике и быту. Чайрикерство представляло собой переходную ступень от феодальной аренды к капиталистическому найму. Феодальные черты в хозяйстве выявлялись в первую очередь в силь-

Кочевники-казахи на повоевье. Доренациональный период.

Музей народов СССР.

но развитой ростовщической форме кабалы. Доходы, получаемые землевладельцами, шли не на улучшение хозяйства, а в торговлю и ростовщичество. Техника земледелия оставалась на низком уровне. Сохранились и остатки феодальных форм эксплуатации и феодальных методов управления и принуждения.

Ростовщическая система государственного и частного кредитования дехкан в виде аванса под хлопок играла огромную роль в хлопковом хозяйстве и в закабалении дехкан. Задолженность беднейшего дехканства по хлопковым районам местным ростовщикам и русским капиталистам росла с каждым годом.

Земли дехкан вследствие перенаселенности и малоземельности раздроблены были на мельчайшие, парцеллярные, участки и обрабатывались исключительно мускульной силой дехкан при очень низкой технике обработки. Трудящееся дехканство обречено было на полное рабство у русских капиталистов, баев и ростовщиков.

В кочевых и полукочевых районах Туркестана и Казахстана у казахов, киргизов и туркмен царизм отбирал земли для заселения их переселенцами из центральных и южных аграрно-перенаселенных районов России. Целью этого переселения было умерить в Центральной и Южной России аг-

рарные волнения, упрочив таким путем положение дворянско-крепостнического класса в России, захватить новые земли, превратить их в источник сырья и создать из переселенцев надежную опору для дальнейшего продвижения царского империализма на Восток. Вся земля у кочевого населения (согласно «Положению об управлении Туркестанскими и Степными краями») объявлена была государственной собственностью и оставалась в распоряжении кочевников лишь для временного пользования, с правом отчуждения этой земли государством в любой момент.

Больше всего изъято было земли у казахов и киргизов. До 1906 года в Степном крае (Акмолинской, Семипалатинской, Тургайской и Уральской областях) было изъято у казахов под переселенческие поселки 5114 тысяч десятин удобной и обжитой земли. Кроме того изъяты были земли для расширения городских территорий и образования казенных земель. Все лесные участки перешли также в ведение русской администрации. В Туркестанском крае (в 5 областях), особенно по Семиреченской, Сыр-Дарьинской и Закаспийской областям, до 1906 года изъято было 493 772 десятины земли, на которой было образовано 136 поселков. Кроме того были изъяты земли для расширения горо-

дов, под казенные участки, а также все лесные участки. Царская администрация отобрала некоторое количество земель в Фергане и проектировала дальнейшее изъятие излишков (так называемых «ватных» земель) в хлопковых районах. Кочевое и полукочевое население постепенно вытеснялось из обжитых мест в пустынные степи и обречено было на вымирание. Значительная часть этого населения, лишенная земель и скота, превратилась в армию батрачества, которая нанималась к русским помещикам, кулакам, баям и манапам (манапами у киргизов назывались полуфеодалы).

Хотя царизм всячески тормозил развитие в крае промышленности (особенно текстильной), но он вынужден был для закрепления своего господства и извлечения выгод из покоренного края провести железные дороги и содействовать организации ряда предприятий для первичной обработки хлопка, переработки других видов сельскохозяйственного сырья и развития горной и соляной промышленности. На этих предприятиях, принадлежавших в значительной части русским капиталистам, основную чернорабочую силу составляли рабочие

Узбек-кузнец. Дореволюционный период.
Музей народов СССР.

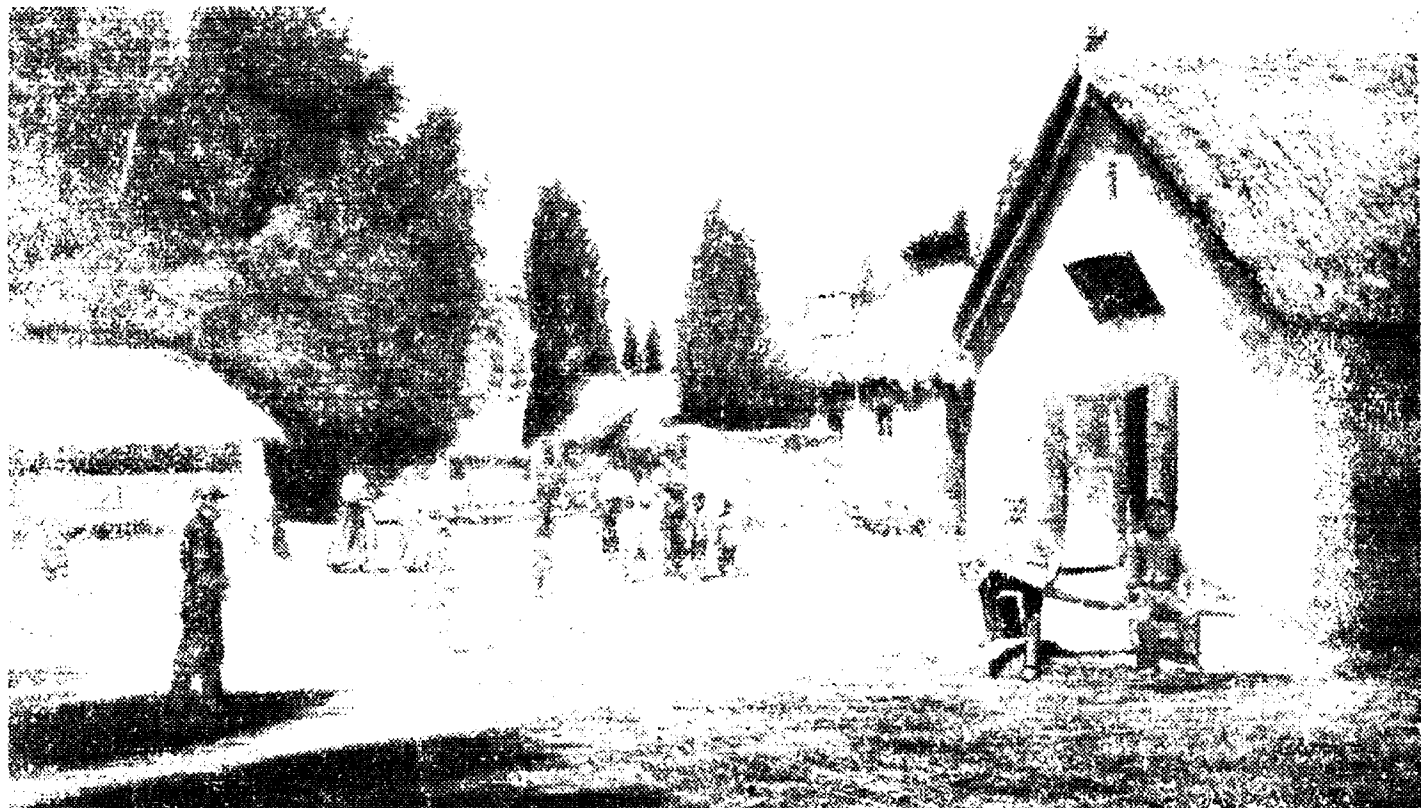
местных национальностей, число которых ко времени революции 1905 года достигло значительной цифры. Труд этих рабочих оплачивался очень низко, и они находились в невыносимых бытовых условиях. Царская администрация и предприниматели искусственно старались создать неравенство в положении между русскими и туземными рабочими, сеяли между ними национальную рознь, всячески прививая русским рабочим великодержавные, шовинистические настроения.

Русские рабочие, хотя и занимали привилегированное положение в сравнении с туземными рабочими, все же в условиях царского колониального режима испытывали сильное ограничение своей политической свободы. Царская администрация всячески стремилась задержать политическое и культурное развитие русских рабочих, оторвать их от влияния пролетарских центров России и от трудящихся масс коренного населения.

Русское переселенческое крестьянство, значительную часть которого составляло кулачество, пользовалось большими привилегиями по сравнению с крестьянством Центральной России (оно было освобождено от воинской и ряда других повинностей), но тем не менее в его среде имелся и определенный слой бедняцких элементов. Значительно более привилегированное положение даже в сравнении с переселенческим крестьянством занимало русское казачество, состоявшее в большей своей части из кулацко-помещичьих элементов и являвшееся основной военной опорой царизма.

Русский капиталист, помещик и кулак все более тесно сплетались с эксплуататорской верхушкой местного населения в лице нарождавшейся туземной торговой буржуазии, полуфеодалов-баев, манапов и духовенства, совместно с которой они эксплуатировали трудящихся.

Царизм тормозил возникновение в Туркестане и Казахстане местной промышленной буржуазии. Имевшиеся в крае промышленные предприятия почти целиком принадлежали русским капиталистам. Туземная буржуазия состояла главным образом из торговых

Русский кулацкий поселок в Средней Азии. Дореволюционный период. Музей народов СССР.

и полуземледельческо-кулацких элементов, которые представляли собой прямой придаток российского торгово-промышленного капитализма и были заинтересованы в дальнейшем укреплении влияния российских капиталистов и помещиков.

Сложившаяся ко времени революции 1905 года новая социально-экономическая обстановка в Туркестане приводила к усилению национально-освободительного движения трудящихся и придавала ему определенно выраженный классовый характер. Это движение смыкалось с революционным движением во всей России и направлялось против единого фронта туземной и русской буржуазии и царских властей. Сильно способствовали этому и те формы и методы, при помощи которых царизм утверждал свое господство в Туркестане.

Вся российская колониальная административно-полицейская прослойка, начиная от генерал-губернатора и кончая уездными начальниками и участковыми приставами, опиралась на местах непосредственно на туземную администрацию в лице волостных управителей, старшин, казиев и биев, вербовавшихся главным образом из имущих слоев местного населения. Под видом сохранения в неприкосновенности местных обычаев и самоуп-

равления туземцев, зиждившихся на основах шариата и адата¹, царская власть умело использовала весь этот паразитический туземный элемент в своих интересах.

Администрация играла огромную роль в разрешении спорных вопросов между местным населением и переселенцами, и на этом деле наживались как администрация, так и туземные эксплуататоры.

Вопросы налогов и повинностей, ирригации, лесопользования и т. п. также являлись хорошими лазейками для беспощадного грабежа населения. Малейшие споры по вышеуказанным вопросам использовались для того, чтобы или наложить штраф или сейчас же изъять землю в пользу казны.

В аппаратах местной власти сидели отбросы российского чиновничества, ибо в Туркестан и Казахстан в большинстве случаев попадали всякие искатели легкой наживы, действительно через короткий срок наживавшие большие капиталы.

Бай и кулак беспощадно грабили беднейшее население. Жалобы высшей администрации почти всегда кончались неудачей, ибо право было за тем, кто богат.

¹ Шариат—основные правила религии Ислама, а адат—правила обычного права как пережиток родового строя.

Ташкентские судьи. Дореволюционный период.

Музей народов СССР.

В частности, нужно сказать о деятельности туземных народных судов. Туземные судьи (они назначались только из имущих элементов) грабили обе тяжущиеся стороны, но выигрывал тот, кто давал больше. Конечно, при такой системе выигрывали баи и манапы.

Царизм всячески тормозил культурное развитие туземного населения Туркестана, и если делались какие-либо попытки насаждения школ и просвещения, то они были связаны с политикой русификации и миссионерством.

3

С зарождением местной буржуазии в Туркестане и Казахстане возникла и буржуазно-националистическая интеллигенция, отражавшая интересы этой буржуазии. Национальная буржуазия и националистическая интеллигенция стремились возглавить революционное движение трудящихся масс и использовать его в своих интересах. Конечно, и туземная буржуазия и полупфеодальное байство хотели отвоевать у царской власти больше прав и льгот себе, и когда царская власть недостаточно шла навстречу этим желаниям, то эта эксплуататорская верхушка выказывала недовольство. Но все это проходило в рамках «законности», и в намерения ее вовсе не входило защищать интересы трудящихся и бороться против российской буржуазии.

Туземная буржуазия и националистическая интеллигенция во время революции 1905 года и в дальнейшем не выдвигали никаких лозунгов свержения царского самодержавия и русского империализма и раскрепощения трудящихся масс. Нарастающее революционное движение трудящихся Туркестана они стремились всячески задержать и ограничить рамками «законности».

Та часть казахской интеллигенции, которая была воспитана в татарских, башкирских и иных мусульманских школах, объединявшаяся вокруг журнала «Ай-кап», пыталась направить это движение по пути панславизма и пантюркизма, а другая часть, получившая воспитание в русских школах и тесно связанная со службой в аппаратах царской администрации, группировавшаяся вокруг газеты «Казак», стремилась главным образом всячески ослабить революционное движение казахских масс и свести его к «петициям» на имя царской администрации.

Первая группа казахской интеллигенции отражала интересы части казахской буржуазии и патриархально-феодального байства, связанной с татарским, а отчасти и узбекским торговым капиталом. Вторая группа, называвшая себя алашской¹ интеллигенцией, отражала интересы части казах-

¹ Алаш — мифический предок казахов; это название было использовано националистической интеллигенцией, как лозунг, выражавший ее стремления.

Школа в дореволюционном Узбекистане. Наказание ученика.

Музей народов СССР.

ской буржуазии и патриархально-феодалного байства, тесно связанной с царским административным аппаратом и интересами русской торгово-промышленной буржуазии. Лидеры и многие рядовые представители алашской интеллигенции служили виднейшими чиновниками в аппарате царской власти по управлению казахским краем. В частности, лидер алашской интеллигенции Ал. Букейханов участвовал в управлении одним из крупных приволжских банков. Не даром руководители этой националистической интеллигенции (Ал. Букейханов, А. Байтурсунов и др.) в 1905 году прикнули к кадетской партии, а Ал. Букейханов был даже членом ЦК кадетской партии.

По важнейшему вопросу, затрагивавшему коренные интересы жизни казахского народа, — по земельному вопросу — обе эти группы казахской интеллигенции по существу играли предательскую роль, разыгрывая перед казахскими массами «оппозицию» против переселенческой политики царизма, а на деле идя на соглашение с ним. Программные требования этой интеллигенции по земельному вопросу не шли дальше требований кадетской партии.

Само казахское байство, достаточно обеспеченное землей, не только не поддерживало недовольство казахских масс против изъятия у них земель царизмом, но рассматривало это изъятие как источник своего обогащения. Бай-

ство и туземная администрация хорошо зарабатывали на посреднической роли в земельном вопросе, прощая фиктивными приговорами за бесценок земли казахских общин и закабалая казахскую бедноту. Байство выдвигало из своей среды царскую туземную администрацию и выигрывало также от проводившейся налоговой-податной системы царской власти.

Что касается идеологии узбекской и таджикской групп эксплуататоров, то здесь также можно отметить два течения. К первому относились феодально-духовные элементы, развивавшие панславистские идеи; ко второму — городская и землевладельческая буржуазия, зародившаяся под влиянием российского капитализма, которая стояла на точке зрения пантюркизма. И те и другие стремились отвлечь трудящиеся массы от классовой борьбы и закрепить над ними свое господство.

Идеологом феодально-патриархальных элементов в Туркестане было главным образом мусульманское духовенство, делившееся в свою очередь на клерикальное (реакционное) и левое (реформистское); настроения новой, зародившейся туземной буржуазии выражала вышедшая из ее среды джадидская интеллигенция, или, что то же самое, прогрессисты-тараккисты. Духовенство было против новшеств, внесенных под влиянием капитализма, оно отстаивало нерушимость старых религиозно-бытовых устоев. Джадидская интеллигенция, наоборот, объявляла

Вай. Туркестан. Дореволюционный период.
Музей народов СССР.

борьбу реакционному духовенству и стояла за реформу средневекового быта, за внедрение светской школы вместо духовной, за перенятие европейской культуры. Но программные требования джадидской интеллигенции не заходили дальше интересов, главным образом, городской буржуазии. Классовые интересы трудящихся местного населения, особенно сельского, джадидской интеллигенции были чужды.

Туземная буржуазия и джадидская интеллигенция в Туркестане, тесно связанные с русской торгово-промышленной буржуазией и царским административным аппаратом, в революции 1905 года не только не выдвинули никаких сепаратистских лозунгов, но даже старались сдерживать национально-освободительное движение.

Несколько иное положение занимали джаиды в Бухаре и Хиве. Тут молодая туземная буржуазия и вышедшая из ее среды джадидская интеллигенция выступали против реакционного деспотизма, господствовавшего в Бухаре и Хиве. за разрушение сред-

невековых устоев и внедрение более прогрессивной в сравнении с средневековым буржуазной общественной формы. Работая в подпольных условиях жесточайшего террора, бухарские и хивинские джаиды стремились притянуть на свою сторону все недовольные элементы в этих ханствах. Революционные события 1905 года джаиды использовали для того, чтобы добиваться той же цели. Поскольку царское правительство всячески поддерживало эмирскую власть в Бухаре и ханскую власть в Хиве, джаиды были недовольны и царским правительством.

Но наряду с буржуазно-националистической интеллигенцией среди казахов, узбеков и других местных национальностей в Туркестане и Казахстане уже после 1905 года развивался второй слой интеллигенции, вышедшей из трудящихся слоев местного населения (выходцы из бедняков, обучившиеся грамоте на производстве или в начальных школах, часть мугалилиев—учителей этих начальных школ и др.), находившей в оппозиции к буржуазно-байской интеллигенции, не порывавшей связи с трудящимися и принимавшей активное участие в революционных движениях.

4

Революция 1905 года в России оказала огромное влияние на развитие революционного движения на национальных окраинах. Под ее влиянием революционное движение угнетенных народов становится под руководство российского пролетариата, идет с ним рука об руку. Не даром Ленин писал в то время о декабрьской стачке в 1905 году в России: «Всероссийская политическая стачка охватила на этот раз действительно всю страну, объединив в геройском подеме самого угнетенного и самого передового класса все народы проклятой «империи» Российской. Пролетарии всех народов этой империи гнета и насилия выстраиваются геперь в одну великую армию свободы и армию социализма»¹.

И действительно, вопреки утвержде-

¹ Ленин. Т. VIII, стр. 332.

ниям троцкистских и националистических элементов целый ряд данных неопровержимо говорит о том, что в событиях 1905 года во многих местах на окраинах, в том числе в Туркестане и Казахстане, рука об руку с русскими рабочими выступали рабочие местных национальностей. Так например местные рабочие участвовали в забастовках и выступлениях во главе с русскими рабочими в 1905—1906 годах по линии Оренбурго-Ташкентской и Среднеазиатской железных дорог (Ташкент, Перовск, Самарканд, Чарджуй, Кызыл-Арват, Красноводск и др.), в рабочих демонстрациях в Ташкенте и других городах, в выступлениях на нефтяных промыслах, копиях, хлопковых заводах и т. д.

В Самарканде 12 октября 1905 года на многолюдном митинге в общественном собрании выступили рабочие-узбеки. В резолюции митинга говорится: «Собрание, по заявлению присутствующих рабочих-узбеков, постановило присоединиться к экономическим требованиям туземцев и выражает сугубое порицание всем фирмам, усиленно эксплуатирующим труд туземцев»¹.

В декабре 1906 года в Казахстане, на Успенском руднике (концессия француза Карно), произошла забастовка русских и казахских рабочих. Главарем бастовавших казахских рабочих был Алимжан Байчигиров. Такие же выступления имели место на Карагандинских угольных копиях, Эмба нефти, соляных промыслах (в 1900 году добывалось до 10 млн. пудов соли) и других предприятиях Казахстана. В октябре 1907 года забастовали рабочие—казахи и узбеки—во главе с рабочим Шариатдином Ибрагимовым на Каунчанском сахарном заводе около Ташкента.

Ряд воспоминаний участников революции 1905 года также подтверждает факт участия рабочих местных национальностей в революционной борьбе совместно с русскими рабочими².

Так, тов. Тойчибеков Абуза (ныне член алмаатинского горсовета) рассказывает о забастовке русских и казах-

ских рабочих на станции Тартугай, Ташкентской железной дороги:

«Работавшие на железной дороге казахи все, как один, принимали участие в забастовке. Была нами установлена связь с окружающими станцию аулами. Казахские трудящиеся очень сочувственно отнеслись к забастовке и, чем могли, помогли нам в нашей борьбе».

Неоднократно происходили сходки на кирпичных заводах, где главным образом были заняты уйгуры и казахи. Интересно воспоминание тов. Юсупа Бабаева, рабочего, активного участника октябрьского переворота в Семиречье. Он указывает на приезд в г. Верный в 1905 году одного русского революционера, который оказал на него и других рабочих большое влияние и втянул их в революционную работу.

Недовольство царизмом угнетенных народов открыто выразилось (помимо указанных выступлений рабочих местных национальностей) в манифестациях, требованиях облегчения их положения (в казахской и киргизской части населения было выставлено требование прекратить изъятие земель у кочезого населения, в узбекской и туркменской выдвигалось требование уменьшить всякие налоги и подати и т. д.) и в целом ряде прямых революционных выступлений против царской власти. Подобные выступления имели место в самых различных уголках Туркестана и Казахстана.

В частности, о росте революционного движения местного населения свидетельствует циркуляр сир-дарьинского военного губернатора на имя уездных начальников (от 31 декабря 1905 года), где говорится: «Растущая деятельность революционных партий проникла в последнее время и в Киргизскую степь. Полученные сведения показывают, что пропаганда агитаторов среди киргизского населения в Туркестане, Оренбургской и Акмолинской областях производит некоторое влияние на них»³. В бывших Перовском и Туркестанском уездах в ноябре казахи пытаются напасть на железнодорожную линию, выражая недовольство

¹ Газета «Правда Востока» № 68 за 1936 год.

² «Большевик Казахстана» № 12 за 1935 год.

³ Сборник «Очерки революционного движения в Средней Азии». Статья Е. Федорова. 1926.

Тов. В. В. Куйбышев. Рис. П. Шухмина.

против администрации. Был ряд случаев забастовок казахов на заготовках саксаула.

В циркуляре министерства внутренних дел от 17 июля 1908 года на имя генерал-губернатора Туркестанского и Степного краев, уральскому, астраханскому и тургайскому губернаторам указывается на рост враждебного отношения казахов к русской власти за последние годы.

В циркуляре перечисляются конкретные выступления казахского населения как накануне, так и во время самой революции 1905 года:

«В июле 1905 года, во время объезда акмолинским военным губернатором области, киргизы одного из аулов Акмолинского уезда отказались заготовить очередную перемену лошадей, а предъявивших им от имени начальства это требование стражников избили и связали; когда на выручку последним явился урядник с крестьянами, то им было оказано серьезное сопротивление. В июне 1906 года в Петропавловском уезде, той же области, произошло кровавое столкновение крестьян с киргизами-скотоводами, причем с обеих сторон было убито 5 человек и ранено 35 человек.

Наконец, в текущем году, 27 мая, в г. Тургае во время ярмарки киргизы,

вторгшись самовольно толпой на огород местной воинской команды, избили караульных, произвели разгром караульного помещения и лесного склада, увезли в степь, истязали и убили учителя Колдырева, а один из буянов позволил себе даже замахнуться дубиной на шедшего во главе с командой воинского начальника; 11 же июня в Атбасаре, также во время ярмарки, произошло столкновение киргиз с русскими, сопровождающееся убийством с обеих сторон 3 человек и поранением 34 человек, в том числе двух стражников, причем вызванной на место воинской команде потребовалось не менее двух часов на восстановление порядка и оттеснения толпы в степь»¹.

В заключение в циркуляре предлагается евиду «возрастания наглости, упорства и силовости действий киргизской массы и происходящего в ее среде противоправительственного движения» принимать самые решительные меры к подавлению подобных выступлений.

В г. Тургае во время столкновений некто Владимир Рябиков, местный житель, прибыв к месту происшествия, стал на сторону казахов и открыто призывал их нападать на солдат и стражников.

Военный губернатор Семиреченской области в донесении от 15 апреля 1905 года на имя туркестанского генерал-губернатора сообщает, что башкир Темиргалин организует нелегальные собрания.

В 1903 году, в мае, на базаре в г. Верном (Алма-Ата) два проезжавших офицера потребовали от группы казахов, уйгуров и других снятия шапок в «знак почтения», но толпа отказалась, стащила с лошадей офицеров, сорвала с них погоны и сильно избила². В начале 1905 года в Арганатинской волости, Лепсинского уезда, во время сбора податей и отбирания скота от недоимщиков казахи в количестве до 200 человек напали на волостного управителя и убили его³. В середине 1905 года в поселке Жер-

¹ Централархив, дело № 174. 1908.

² Галузо «Туркестан-коллония», стр. 190.

³ Из статьи Е. Федорова «Казахстанская правда» № 19 за 1935 год.

гес выступила совместно казахская и русская беднота во главе с Ногайбай Истамбековым и убила земского начальника и кулаков Ромаиновых. Истамбеков был приговорен к 11 годам каторги¹.

В бывшей Закаспийской области, среди туркмен, иомудов и текинцев, также наблюдаются выражения недовольства, в частности в ряде районов туркмены отказываются платить налоги.

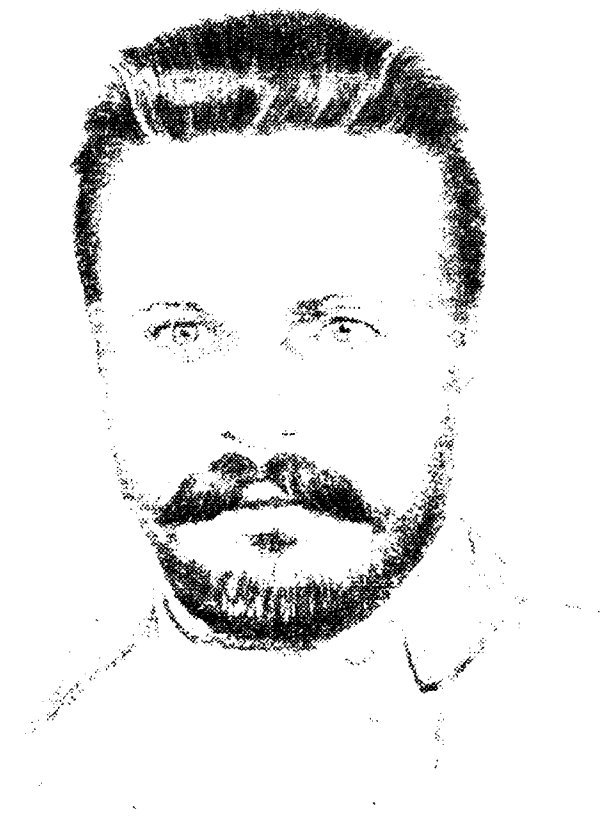
Для характеристики классовой борьбы внутри самого казахского населения в период 1905 года интересно привести факт революционного выступления угнетенного рода «чилменбет» в Верненском (Алмаатинском) уезде, в Восточноталгарской волости. Этот род (в него входила и семья моих родителей), живя среди богатого рода «джаньис», очутился на положении «крме» (чужеродцев). Его всячески угнетали и обирали. Основная тяжесть царских податей, повинностей и поборов волостной администрации всегда ложилась на этот малый род.

Недовольство «чилменбет» этой тиранией эксплуататорской верхушки господствующего рода и волостной администрации дошло до крайнего напряжения. Род восстал против туземной волостной администрации. Отец мой Рыскул Джилкайдаров во время этого выступления застрелил тогдашнего волостного управителя Восточноталгарской волости Саймасая Учкемпирова. Последний был богатым человеком, имел влияние в нескольких волостях, был другом семиреченского областного военного губернатора.

Событие это произошло в декабре 1905 года. Весь род «чилменбет» был разгромлен, значительная часть скота и имущества была забрана, люди подвергались побоям.

Убийство волостного Саймасая взволновало не только областную царскую администрацию, но и казахскую администрацию и байство остальных соседних волостей, которые требовали у губернатора строжайшего наказания виновников. В угнетенных слоях населения убийство волостного встретило явное сочувствие.

¹ «Большевик Казахстана» № 12 за 1935 год.

Тов. М. В. Фрунзе.

Рис. Е. Машкевича.

Рыскула Джилкайдарова сослали на 10 лет на остров Сахалин.

5

Приведенные выше факты показывают, что трудящиеся местных национальностей в Туркестане и Казахстане выступили в 1905 году рука об руку с трудящимися всей России против царизма. Но выступление против царизма означало одновременно выступление против империализма, так как наряду с остатками крепостничества в России уже существовал капитализм в его империалистической форме. В отличие от буржуазных революций на Западе, происходивших в период восходящего капитализма, когда руководство движением принадлежало буржуазии, в русской буржуазно-демократической революции, происходившей в эпоху империализма, основной движущей силой и гегемоном был пролетариат, руководимый партией большевиков.

Отсюда, как известно, исходил Ленин при определении своего стратегического плана перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

В борьбе за осуществление этого плана партия большевиков неуклонно проводила свою программу по нацио-

нальному вопросу, сплачивая вокруг рабочего класса угнетенные царизмом народы для совместной борьбы за свержение царского строя и империализма.

Учитывая усиление великорусского шовинизма и травли «народцев» со стороны русской буржуазии, особенно после 1905 года, и усиление националистических течений среди местных национальностей, Ленин определял тогда линию партии в национальном вопросе следующим образом: «Такое положение вещей ставит пролетариату России двойную или, вернее, двустороннюю задачу: борьбу со всяким национализмом и в первую голову с национализмом великорусским; признание не только полного равноправия всех наций вообще, но и равноправия в отношении государственного строительства, т.-е. права наций на самоопределение, на отделение;—а наряду с этим, и именно в интересах успешной борьбы со всяческим национализмом всех наций, отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности»¹.

В национально-революционных выступлениях трудящихся местных национальностей в Туркестане и Казахстане начиная с 1905 года движущей силой и гегемоном была не национальная буржуазия и националистическая интеллигенция (как это стремятся доказать троцкисты и националисты), а местные рабочие и крестьянские массы во главе с русскими рабочими и большевиками.

В этом заключается особенность национально-освободительной борьбы угнетенных народов в России после 1905 года в отличие от национально-освободительной борьбы тех же народов до революции 1905 года и в отличие от национально-освободительной борьбы в колониях европейских стран в то время.

Выступления русских рабочих и солдатских масс (несмотря на их малочисленность) в самом Туркестане и Казахстане в 1905 году непосредственно отражались на росте революционного

движения среди трудящихся местного населения. К этим выступлениям нужно в первую очередь отнести забастовку железнодорожников на всей линии Оренбурго-Ташкентской и Среднеазиатской железных дорог (железнодорожники вообще играли руководящую роль в выступлениях рабочих). Из железнодорожного депо ст. Перовск за забастовку уволено было 300 рабочих, которых под надзором железнодорожной жандармерии привезли в Ташкент².

Волнения произошли и в гарнизонах Ташкента, Самарканда, Кушке и других пунктах. В Ташкентской крепости 15 ноября 1905 года произошло восстание солдат, которое было жестоко подавлено. 3 июля 1906 года при отправлении со станции на каторгу 18 осужденных по этому делу солдат ташкентские железнодорожники выступили, пытаясь помешать их отправке. Царская администрация двинула войска на станцию. Услышав о выступлении рабочих, солдаты Туркестанского и Закаспийского саперных батальонов с оружием выступили на стороне рабочих, но царские войска подавили восстание.

18 ноября 1906 года состоялось революционное выступление солдат в крепости Кушке, но оно также было подавлено. Воздвигнуты были уже виселицы для расправы с участниками восстания, но событие это стало известным во всей России, и под давлением требований рабочего класса жизнь восставшим была спасена.

Имели место и другие выступления русских революционных рабочих и солдат.

Характерно, что все эти выступления носили организованный характер. Достаточно сказать, что в 1905 году, в октябре—ноябре, в Ташкенте, в ряде других городов и по линии железных дорог созданы были стачечные комитеты, которые связаны были с крайним стачечным комитетом в Ташкенте. Железнодорожные батальоны перешли на сторону бастовавших рабочих. Без разрешения стачкомов не пускались поезда. 14 октября 1905 года приостановилось железнодорожное

¹ Ленин. Т. XVII, стр. 473—474.

² Газета «Закаспийское обозрение» от 15 января 1906 года.

сообщение по всей линии Среднеазиатской железной дороги. Организованы были в Ташкенте и ряде других пунктов рабочие военные дружины.

Все это говорит о том, что вопреки утверждениям троцкистов в Туркестане и Казахстане партия большевиков имела и в 1905 году несомненное влияние и что к этому времени там уже существовали ячейки партии. Еще в 1903—1904 годах возникли в Туркестане первые социал-демократические кружки в Ташкенте, Алма-Ате, Самарканде, Ашхабаде и других городах. Правда, эти кружки в то время были в основном меньшевистскими. Они выпускали нелегальные листовки, брошюры и нелегальные газеты: «Солдатский листок Правда» и «Молот». Но уже тогда активную деятельность проявляли отдельные большевики; в ряде мест возникли большевистские ячейки. В числе первых, активно проявивших себя большевиков были тт. Морозов, Быховский, Худаш.

В июле 1906 года, во время выступлений рабочих ташкентских главных железнодорожных мастерских, в связи с отправкой на каторгу 18 осужденных солдат за восстание в Ташкентской крепости тов. Морозов выступал перед рабочими. В том же году он был делегирован на IV стокгольмский съезд партии от Туркестанской организации РСДРП.

До 1904 года в Алма-Ате учился в гимназии М. В. Фрунзе (уроженец Семиречья), который в своей автобиографии пишет: «Первое знакомство с революционными идеями получил еще в бытность в гимназии, где участвовал в кружках самообразования»¹.

В 1906—1907 годах в Омске и Петропавловске большую роль в организации большевистской работы в этих городах сыграл В. В. Куйбышев. Омская организация большевиков распространяла свое влияние и на Казахстан. Как известно, тт. Фрунзе и Куйбышев сыграли впоследствии также огромную роль в деле организации советской власти в Туркестане и Казахстане.

К этому времени влияние общебольшевистского центра и брошюр Ленина

доходит по линии железных дорог до отдаленных уголков Туркестана и Казахстана. Так например в Джаркенте, на границе Западного Китая, полиция обнаруживает брошюру Ленина «К деревенской бедноте»; на ст. Жусалы 27 января 1906 года при обыске в квартире рабочего обнаруживается брошюра Ленина «Письмо к товарищу о наших организационных задачах»². В 1907 году в г. Верном при захвате полицейскими нелегальной библиотеки было найдено значительное количество большевистской литературы, в частности труды Ленина: «Пересмотр аграрной программы», «Победа кадетов и задачи рабочей партии», «Доклад об объединительном съезде». В том же году при аресте Константина Бендюкова нашли номер большевистской газеты «Пролетарий» от 20 октября 1907 года. В Семиречье находили большевистскую агитационную литературу, прибывшую сюда из Ташкента и Омска.

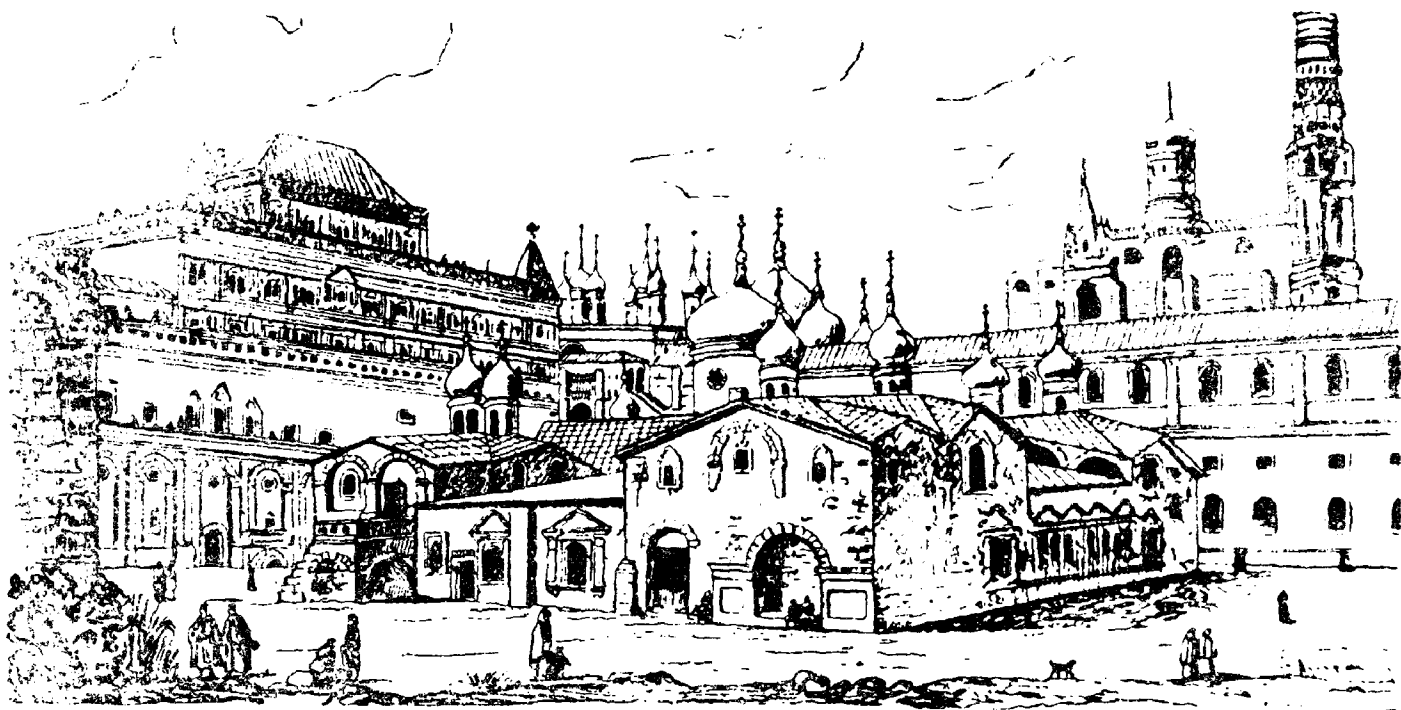
Но большевики в Туркестане в то время были еще одиночками. В Туркестанской организации РСДРП, которая была немногочисленна, преобладали меньшевистские элементы и интеллигенты типа И. Белькова и Наливкина (последний был потом членом II государственной думы от Туркестана, а в 1917 году—председателем туркестанского комитета Временного правительства и выступал против большевиков).

К 1907 году социал-демократическая организация в крае была совершенно разгромлена царским правительством. Все передовые революционные рабочие и солдаты были арестованы или сосланы. Царское правительство, боясь уронить свой престиж в глазах коренного населения и соседних восточных стран, приняло все меры, чтобы жестоко расправиться с революционными элементами в Туркестане.

Но задуть революционное движение ему не удалось: оно не прекращалось и в тяжелые годы реакции и в годы империалистической войны. Не прошло и 10 лет, как оно вновь вспыхнуло с огромной силой—мы имеем в виду восстание 1916 года, о котором будет речь в следующей статье.

¹ «Большевик Казахстана» № 12 за 1935 год.

² «Казахстанская правда» № 19 за 1935 год.

П. Ефремов

МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО

НАКАНУНЕ СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА НАЧАЛА XVII В.

I

В первой четверти XVI века соби-
рание удельных княжеств московски-
ми князьями закончилось. В 1510 го-
ду был присоединен к Москве Псков,
в 1514 году — Смоленск, в 1517 го-
ду — княжество Рязанское и в 1523
году — последние княжества: Черни-
говское и Северское. Собирание рус-
ских земель под властью Москвы име-
ло прогрессивное значение, так как
создание централизованного государ-
ства, объединившего под своей вла-
стью территорию, населенную велико-
россами, представляло большой шаг
вперед по сравнению с удельно-фео-
дальной раздробленностью. Прогрес-
сивное значение имела и борьба мо-
сковских князей с татарами, закон-
чившаяся в 1480 году уничтожением
татарского ига: потребности самообо-
роны ускоряли и образование центра-
лизованного государства.

Со второй половины XVI века, при
царе Иване Грозном, открывается
другая полоса территориальных при-
обретений Москвы: Иван Грозный за-
воевывает Среднее и Нижнее Повол-
жье: Казанское царство — в 1552 го-
ду и Астрахань — в 1556 году. Вслед
за покорением Астрахани делаются

попытки проникнуть на Кавказ.
В конце царствования Грозного на-
чинается завоевание Сибири. Все эти
области были населены уже не вели-
короссами, а другими националь-
ностями: татарами, мордвой, черемиса-
ми, башкирами и др. С этого периода
началось превращение государства из
национального в многонациональное,
основанное на угнетении одной, гос-
подствующей нацией всех других на-
циональностей, началось превращение
России в «тюрьму народов». Покорен-
ные национальности ожесточенно со-
противлялись угнетателям, русские
города, построенные во вновь завое-
ванных областях, не раз осаждались
восставшими, однако восстания эти
жестоко подавлялись.

Но если на Востоке Московское го-
сударство сталкивалось со слабыми
народами и расширяло свои преде-
лы за счет их покорения, то на За-
паде ему пришлось столкнуться с бо-
лее культурными и передовыми госу-
дарствами. В борьбе за овладение Бал-
тийским берегом Московское государ-
ство терпит поражение.

Начиная с конца XV века оно всту-
пает в мирные и немирные отношения
с государствами Западной Европы:
ближайшим соседом — Польско-литов-

ским государством, со Швецией, Данией, Ливонским орденом, с императором германским и др. Завязываются в это время торговые сношения с далекими Англией и Голландией: в 1553 году английские корабли появились в устье Северной Двины и английские купцы приехали в Москву. В устье Двины скоро был выстроен город Архангельск для ярмарочной торговли с англичанами, которым была открыта возможность вести торговые операции на всем Севере. В 1555 году английским правительством для торговли с Московским государством была организована специальная «Русская компания».

Интересы развивающейся внешней торговли толкали правительство Грозного на борьбу за выход к Балтийскому морю, которое представляло гораздо больше удобств для торговли чем Белое море. Но за преобладание на Балтийском море боролись и другие государства, и стремление Москвы обосноваться там поднимало против нее Польшу и Швецию. Польский король Сигизмунд II Август писал английской королеве Елизавете, стараясь отговорить англичан от торговых сношений с Москвой и указывая на опасность, которую несет для западных государств утверждение русских на Балтийском море: «Московский государь ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся в Нарву¹, ибо сюда привозятся не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное; привозят не только произведения художеств, но приезжают и сами художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех. До сих пор мы могли побеждать врага только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств. Но если нарвская навигация будет продолжаться, то что будет ему неизвестно?»².

Так стремились соседи Москвы закрыть и ту узкую калитку на Запад, какой являлась Нарва; Москва же хо-

¹ Нарва — портовый город на берегу Финского залива, завоеванный русскими в самом начале ливонской войны.

² Цитируется по Соловьеву «История России с древнейших времен». Т. VI, стр. 283.

² „Борьба классов“ № 5

тела иметь широко открытые на Запад ворота.

Начатая в 1558 году война Московского государства за Ливонию была для Москвы вначале удачна. Ливония, ослабляемая острой классовой борьбой между пришлыми феодальными господами — немцами — и порабощенным туземным населением — латышами, ливами и эстами, — была скоро разгромлена московскими войсками и распалась; часть ее передана Польско-литовскому государству, а другая часть — Швеции. Война Московского государства с Польшей и Швецией закончилась полной неудачей: поляки и шведы не только вернули себе ранее завоеванные Грозным литовские земли, но, по миру 1583 года, Москва была вынуждена уступить и коренные русские земли на берегу Финского залива: города Ям,

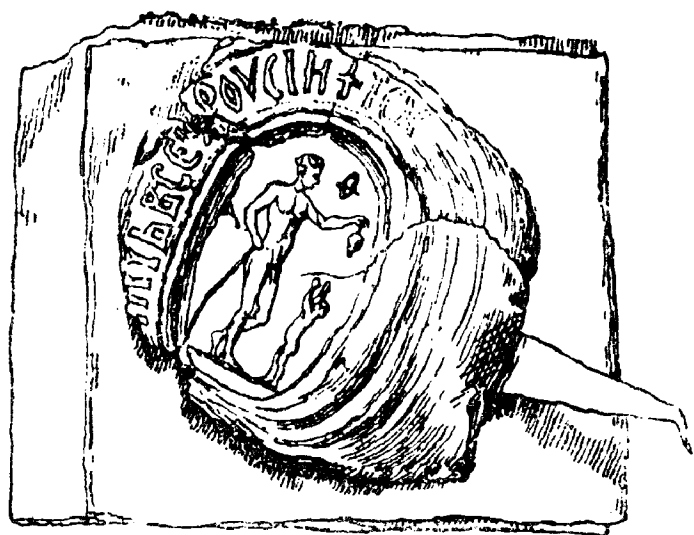
Иван Грозный. С картины И. Васнецова.

И. В. И.
Кабинет ... 17

Копорье, Иван-город, Орешек, Корелу. Таким образом Москва была наглухо отрезана от Балтийского моря, и задача прорубить «окно в Европу» была выполнена только Петром I.

2

Неудачи в ливонской войне обострили и ускорили давно уже назревавший кризис во взаимоотношениях различных классов московского общества. В Московском государстве шла глухая борьба между привилегированным, богатым и знатным боярством, состоявшим в большинстве из потомков бывших удельных князей — «княжат» — и мелкими землевладельцами — дворянами, которых поддерживало купечество. Мы помним, какую большую роль сыграли старинные московские бояре в возвышении Москвы, особенно когда князья были малолетними, как это было, например, при Дмитрии Донском. С уничтожением уделов эти старинные московские бояре, давние слуги московских князей, были оттеснены на задний план наехавшими в Москву потомками бывших удельных князей — княжатами, которые заняли первые места и в Боярской думе, и в центральном управлении, и в «приказах»; они же посылались воеводами в самые крупные и богатые области и командовали армиями в походах. Преобладание княжат среди боярства придавало аристократический характер боярской среде, которая крепко держалась за свои привилегии в управлении государством, считая их принадлежащими себе по праву рождения, по «государеву

Наперстная печать Ивана Грозного. 1545 год.

родословцу». Материальной основой привилегированного положения бояр были огромные земельные владения — «вотчины», — в которых сохранялись еще остатки их прежних удельно-феодальных прав в отношении суда, обложения налогами населения и т. п. Боярское землевладение до середины XVI века, безусловно, преобладало над всеми другими видами землевладения не только количественно, но и качественно. Огромные вотчины принадлежали также высшим представителям духовенства и монастырям, которые не только не платили никаких налогов, но не несли со своих вотчин и расходов на ратную службу. Монастыри в тот период являлись главными представителями ростовщического капитала; монастырские старцы ссудным «серебром» кабелили крестьян, запутывали в долги и крупных землевладельцев — бояр и мелкий служилый люд. Они же и торговали; особенно отличались своими торговыми способностями старцы далекого Соловецкого монастыря, которые продавали ежегодно до 130 тысяч пудов соли.

Враждебно настроенными против бояр с их крупным вотчинным землевладением и привилегированным положением в управлении государством были мелкие землевладельцы-дворяне, имевшие землю главным образом на правах условного владения (поместье). По своему происхождению дворянство было чрезвычайно разнообразно. Ядром его являлись «слуги вольные», которые несли военную службу при дворе московского князя в удельно-феодальный период. С уничтожением уделов вольная служба по договору сменилась обязательной государственной повинностью! Вольные слуги бывших удельных князей и их бояр добровольно или принудительно переводились на службу московскому князю. Кроме этих свободных людей у бывших удельных князей и их бояр были и несвободные слуги (холопы), годные к военной службе, с которыми князья и бояре ходили в походы; в мирное время эти слуги исполняли разные хозяйственные должности при княжеских и боярских дворах.

С половины XV века, когда ликвидация уделов пошла ускоренными темпами, московское правительство ста-

Иван Грозный слушает письмо князя Курбского, переданное через гонца Василия Шибанова.
С рис. В. Шварца.

до наделять этих дворовых слуг поместьями, превращая их в землевладельцев-дворян, которые служили непосредственно царю. Численность всего этого служилого люда английский посол Флетчер, который был в Москве в 1588—1589 годах, исчисляет примерно в 100 тысяч. Вся эта масса мелких помещиков, кое-как перебивавшихся на своих небольших поместьях, поддерживаемая только царским жалованьем за походы, находилась в крайне невыгодном положении по сравнению с крупными вотчинниками-боярами.

Стремясь сохранить кадры для военной службы, царское правительство выпускает два указа, вышедших один за другим в конце 1557 — начале 1558 годов. По одному из этих указов, служилым людям, занявшим деньги, разрешалось уплатить долг с рассрочкой на 5 лет и притом только взятые в долг деньги, без процентов. На будущее время процент снижался, и вместо 20% обычного для того времени роста разрешалось брать только 10%. От уплаты процентов освобождались и торговые люди, но на них не распро-

странялась льготная рассрочка: они должны были заплатить весь долг сразу. Второй указ распространял пятилетнюю рассрочку и на тех землевладельцев, которые заложили свои земли за проценты. Так как ростовщик в этих случаях пользовался землей заложившего, то расплатиться такому землевладельцу не было никакой возможности. Установленная указом рассрочка давала возможность уплатить пятую часть долга, вернуть землю в свое распоряжение и постепенно расплатиться с кредиторами.

Эти чрезвычайные меры, принятые царским правительством в своих интересах, показывали, в каком положении находились мелкие землевладельцы-дворяне.

Недовольство дворян усугублялось еще тем, что на них ложилась к тому же главная тяжесть военных походов. Выразителем этого недовольства и стремлений дворянства служит замечательный публицистический памятник того времени — челобитная царю некоего Ивана Пересветова. Иван Пересветов — один из образованнейших

Кн. Шуйский, схваченный холопами по приказу Ивана Грозного.

С рис. Дмитриева-Оренбургского.

людей того времени, выражавший интересы дворянства. В своей челобитной Пересветов затрагивает основные политические вопросы того времени: о царской власти, об отношении царя к боярам и дворянам, о новых планах государственного устройства. Основное содержание этого памятника сводится к следующему: царь должен править самодержавно, не советуясь с вельможами; если же вельможи против царя пойдут, то надо их предавать лютым казням. Воинов, т. е. дворян, царь должен «возвышать и сердца их веселить и жалованье из казны своей государевой прибавлять и к себе их припускать близко и во всем верить и жалобы их слушать во всем и любить их, как отец детей своих и быть к ним щедрым: щедрая рука никогда не оскудеет и славу царю собирает; в щедрости к воинам — мудрость царская». О боярах Пересветов пишет, что «вельможи русского царя сами богатеют и ленивеют, а царство его оскужают, и тем они слуги ему называются, что цветно и конно и людно выезжают на службу его, а крепко за веру христианскую не

стоят и люто против недруга смертной игрой не играют»¹.

Не останавливаясь на других вопросах, затронутых в этом памятнике, мы из приведенного уже можем видеть, что Пересветов крайне отрицательно относился и к экономическому могуществу бояр и к их политическим привилегиям; он требовал, чтобы царь правил самодержавно, чтобы он сломил сопротивление бояр и всячески возвысил и приблизил к себе дворян, опираясь на них в борьбе с боярством.

Что ожесточенная борьба с боярством была неизбежна, это показывала длинная цепь конфликтов, возникших в период царствования предшественников Грозного — великих князей Ивана III и Василия III. В малолетство Ивана Грозного бояре вполне самостоятельно и по своему произволу правили государством и пытались продолжать это и тогда, когда Грозный сделался совершеннолетним и венчался на царство. Около царя в это время сложился кружок его ближайших и постоянных советников, так называемая «избранная рада».

Несмотря на то что видными членами «рады» были такие люди, как новгородский поп Сильвестр и дворянин Адашев, она выражала в основном интересы родовитого боярства, состоявшего главным образом из княжат, которые вначале, стремясь сохранить свое господство, шли на некоторые уступки дворянству и купечеству. При помощи «избранной рады» княжата сомкнулись в тесный круг и обеспечили свое привилегированное положение как правителей государства.

В письме к Курбскому² Грозный жалуется, что поп Сильвестр и его сторонники начали совещаться о го-

¹ В. Ржигза «И. Пересветов».

² Князь Курбский — один из родовитейших бояр, командуя московскими войсками во время ливонской войны, проиграл битву с поляками под Невелем и бежал в Польшу. Оттуда он прислал Грозному резкое письмо, укоряя его в жестоком обращении с боярами. Грозный ответил, и эта переписка с длинными перерывами тянулась пятнадцать лет. Курбский написал четыре письма, Грозный — два. Кроме того Курбский написал в Польше обвинительную против Грозного «Историю князя великого московского», в которой выражал политические взгляды боярства.

сударственных делах тайно от него, а с него стали «снимать власть», приводя в «противословие» ему бояр. Они раздавали чины и вотчины, противозаконно возвращали князьям их земли, конфискованные у них при Иване III, самовольно разрешали отчуждение боярско-княжеских вотчин, которое неоднократно запрещено было прежними указами. Этим «избранная рада» привлекла на свою сторону много новых сторонников, которыми заполнила все наиболее важные посты в государстве. Они присвоили себе также право устанавливать порядок мест бояр в Думе, т. е. степень правительственного значения того или другого боярина. Есть мнение (проф. Сергеевич), что «избранная рада» провела даже в судебник 1550 года формальное ограничение царской власти, которое выражалось в том, что без приговора всех бояр царь не мог издавать новых законов.

В 1553 году, когда Грозный серьезно заболел и можно было ожидать его смерти, князата не хотели присягнуть малолетнему сыну Грозного — Дмитрию, а вместо него хотели посадить своего человека — сына бывшего удельного князя — Владимира Андре-

вича Старицкого. Если бы это удалось княжатам, их цель была бы достигнута. Во главе этой боярско-княжеской партии, стоявшей за кандидатуру князя Владимира Старицкого, были князья Иван Шуйский, Дмитрий Курлятев и др., с ними заодно были и поп Сильвестр и Адашев.

Политика «избранной рады» проводилась в интересах бояр-княжат и вызывала крайнее недовольство дворянства. Упомянувшийся уже нами Пересветов в своей челобитной говорит о вельможах, которые «царством обладают, измучили народ своими несправедливыми судами и изменой и разбогатели от слез и от крови народной и сами обленивели и царя от воинства отвратили своими ворожбами и чародейством». Вызывала недовольство и внешняя политика «избранной рады», направленная против ливонской войны, так как дворянство рассчитывало на новые поместные оклады при захвате земель бывшего Ливонского ордена.

Таковы в основном те причины, по которым дворянство полностью поддержало Грозного в его борьбе с боярами за утверждение самодержавной царской власти. Эта борьба Грозного с феодалами имела, несомненно, про-

Иван Грозный пирует со своими опричниками.

С рис. В. Шварца.

Московские стрельцы. XVI век.

грессивное значение. Энгельс, говоря об аналогичной борьбе королевской власти с феодалами на Западе, пишет следующее: «Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (das Königtum) была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства»¹.

Другой силой, поддерживавшей дворянство в его борьбе с боярами, было купечество. Купцы были заинтересованы в скорейшей ликвидации удельно-феодалных порядков, которые тормозили развитие внутренней торговли; были они также заинтересованы и в наступательной внешней политике, в частности в завоевании берегов Балтийского моря, для расширения торговли. Политика бояр мешала осуществлению этих стремлений купечества. Удельно-феодалные порядки еще сильно давали себя чувствовать, а политика «избранной рады» стремилась задержать ликвидацию этих порядков, сохранить полуфеодалную обособленность княжеских и боярских вотчин.

¹ Отрывок из неопубликованной рукописи Ф. Энгельса (см. журнал «Пролетарская революция» № 6 за 1935 год, стр. 157).

Достаточно сказать, что на Стоглавом соборе в 1551 году ставился и даже еще не был решен вопрос об упразднении таможенных пошлин внутри государства. Что касается внешней политики, то, как указывалось уже, «избранная рада» была против ливонской войны.

Вот почему неправилен взгляд Покровского на «избранную раду» как на блок боярства и «посадских»². В обоснование своей оценки Покровский приводит лишь тот факт, что поп Сильвестр, кроме своих духовных обязанностей, еще успешно торговал. Совершенно неясно, почему в таком случае в опричнине всего через несколько лет купечество оказывается в блоке уже не с боярами, а с дворянами. Покровский пытается это объяснить тем, что союз «посадских» и боярства был в опричнине «временно парализован», но неосновательность такого объяснения совершенно ясна. Характерно, чем Покровский доказывает вообще невозможность блока дворян и купечества. Причиной этого, по его мнению, являлось то, что купцы платили деньги в царскую казну в виде разных налогов и сборов, а дворяне получали из казны деньги в виде жалованья. Плательщики и получатели — вот, по Покровскому, основа классовых противоречий между дворянами и купцами. И «нужно было много времени, нужны были совершенно исключительные обстоятельства, чтобы стал возможен их союз»³, — писал он. В основе этой ошибки Покровского, как и других его ошибок, лежит вульгарный «экономический» материализм и его неправильная, антимарксистская теория торгового капитала.

Кроме дворян и купечества на стороне царя была преобладающая, наиболее влиятельная часть духовенства, так называемого «иосифлянского» направления, по имени их идеолога — игумена одного из монастырей Иосифа Волоцкого. Тесно связанная с дворянством, эта часть духовенства, как и дворянство, стремилась к утверждению самодержавия. Для того чтобы ясно представить себе, какое значение в

² См. Покровский «Русская история с древнейших времен». Т. I, стр. 224. 4-е изд.

³ Там же, стр. 219.

этом отношении имела поддержка духовенства, необходимо иметь в виду, что духовные лица в то время являлись наиболее образованными людьми и что религиозная идеология в то время была господствующей.

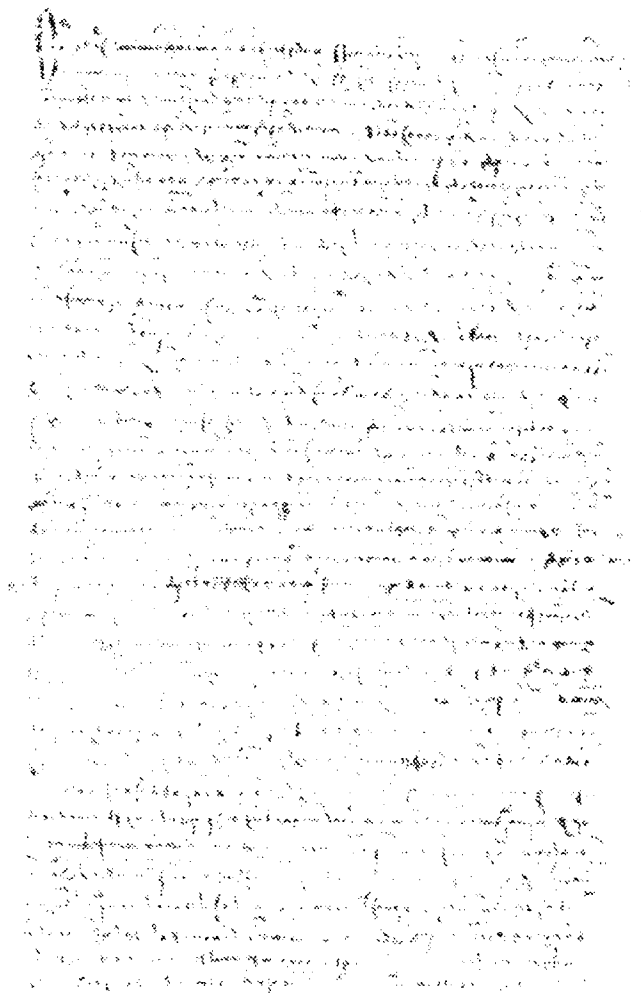
3

Назревавший долгое время кризис в отношениях царя и дворян с боярством в конце 1564 года завершился резким разрывом между ними и учреждением опричнины. Мы не будем останавливаться на драматических подробностях переворота 3 декабря 1564 года, которым открыла свои действия опричнина. Грозный и его ближайшие соратники поставили себе целью уничтожить как политическое значение бояр-княжат, вытекавшее из традиций удельно-феодального прошлого, так и их экономическое могущество, основанное на огромном вотчинном землевладении княжат. Но этот экономический и политический переворот был облечен в форму, взятую из того же удельного прошлого. Для осуществления своих целей Грозный учредил особый двор — опричнину — отдельно от старого московского двора, который оставлен был в управлении Боярской думы. Особый двор Грозного был организован по типу личной вотчины царя, в которой царь, как и всякий другой вотчинник, мог распоряжаться, как ему угодно. Однако в эту феодальную форму личной царской вотчины было вложено совершенно иное содержание. В свой особый двор Грозный выделил тысячу надежных, преданных ему дворян вместе с их слугами и добавил к ним стрельцов, которые представляли тогдашнюю пехоту. Эта опричная армия составляла такую силу, с которой не могли и думать бороться князья. Опираясь на эту силу, Грозный разгромил удельно-феодальную знать. Их вотчины были конфискованы в опричнину и пошлИ в раздачу дворянам и «детям боярским» из опричнины.

Одновременно с разгромом боярства шла оргия грабежей и насилий над крестьянами, закрепощение которых в результате опричнины еще более усилилось. Самих княжат Грозный перебросил на окраины, где они получили земли на правах поместного вла-

дения и превратились в рядовых служилых людей. Наряду с этим происходило физическое истребление боярства: многие бояре из старых княжеских родов были казнены, другие — пострижены в монахи, третьи — сосланы с конфискацией их имущества. К концу царствования Грозного опричнина охватила примерно половину государства; другая половина оставалась в управлении Боярской думы и называлась «земщиной».

«Территория опричнины, слагавшаяся постепенно, в 70-х годах XVI века составлена была из городов и волостей, лежавших в центральных и се-

Вотчинная (дарственная) грамота Ивана Грозного. 1560 год.

верных местностях государства: в Поморье, Замосковных и Заокских городах, в пятинах Обонежской и Бежецкой. Упираясь на севере в «великое море-океан», опричные земли врезывались в «земщину», разделяя ее надвое. На востоке за земщиной оставались Пермские и Вятские города, Понизовье и Рязань; на западе — города порубежные: «от Немецкой Украины» (Псковские и Новгородские), «от Литовской Украины» (Великие Луки, Смоленск и др.) и города Северские. На юге эти две полосы земщины связывались украинными городами да «диким полем»¹.

За земщиной остаются, в конце концов, окраины государства. Центральные же области, где целыми гнездами сидели потомки бывших удельных князей, были взяты в опричнину. В опричнину были взяты и важнейшие торговые пути от Москвы к границам государства по направлению к Белому морю (Вологда, Тотьма, Устюг, Сольвычегодск, Холмогоры и новый город — Архангельск) и к Балтийскому морю (Новгород — торговая сторона, Старая Русса и др.). Сосредоточение в руках опричнины важнейших торговых путей имело большое финансовое значение, доставляя огромные доходы на содержание опричного двора и жалование дворянам и детям боярским, взятым в опричнину.

Достигла ли опричнина тех целей, которые ставились Грозным и его соратниками? Несомненно, достигла. Об этом говорят и русские современники, как например Курбский в своей переписке с Грозным, и иностранные наблюдатели — упоминавшийся нами ранее Флетчер. Последний пишет, что Грозный, учредив опричнину, захватил наследственные земли княжат, за исключением весьма незначительной части, и дал княжатам другие земли, которыми они владеют, пока угодно царю, в областях столь отдаленных, что там они не имеют ни любви народной, ни влияния, ибо они не там родились и не были там известны. Теперь высшая знать, называемая удельными князьями, сравнена с остальными².

¹ Платонов «Очерки по истории Смуты», стр. 151.

² Флетчер «О государстве русском», гл. IX.

Таким образом опричнина покончила со старыми феодальными порядками и имела в этом смысле прогрессивное значение; террор и жестокости Грозного и его опричников не могут заслонить тех сдвигов, которые явились результатом опричнины. Грозный завершил дело, начатое его предками: были ликвидированы остатки феодальной старины, и власть в государстве из рук бояр-княжат перешла в руки дворянства, поддерживаемого купечеством.

В отношении опричнины необходимо разобрать еще один вопрос, имеющий большое теоретическое и политическое значение. Я имею в виду взгляды Покровского на опричнину, изложенные им в «Русской истории», а также косвенно подтверждаемые и в «Сжатом очерке». Сущность этих взглядов сводится к следующей формулировке Покровского: «В начинавшейся борьбе крупного и среднего землевладения экономически все выгоды были на стороне последнего. И, экспроприруя богатого боярина-вотчинника в пользу мелкопоместного дворянина, опричнина шла по линии естественного экономического развития, а не против него. В этом было первое условие ее успеха»³. Этой оценке опричнины противоречат, во-первых, упоминаемые уже раньше указы против ростовничества, о которых Покровский говорит на стр. 231 своей «Истории» (совершенно ясно, что эти указы были направлены в защиту мелких землевладельцев, которым в первую очередь угрожал ростовщический капитал), во-вторых, такие документы позднейшего времени, как указы 1601—1602 годов, которыми крупным землевладельцам запрещалось увозить крестьян «промеж себя и у сторонних людей», т. е. от мелких землевладельцев. Ясно, что если бы мелкие землевладельцы имели экономические выгоды на своей стороне, как это думает Покровский, то незачем было бы издавать такие указы. Сам Покровский, говоря о тяжелом положении дворян-помещиков и о том, как можно было из него выйти, в том же, I томе «Истории», но на другой странице пишет: «Можно было

³ Покровский «Русская история с древнейших времен». Т. I, стр. 206. 4-е изд.

испробовать два выхода. Один заключался в том, на чем давно настаивала помещицья публицистика. Чем брать займы у ростовщиков, легче было получить из казны звиде «государева жалованья». Другой выход состоял в том, чтобы свое опустошенное поместье променять на чужое в полном порядке. «Княжеченские» вотчины, имения бывших удельных князей, переполненные прочно сидящими на местах «старожильцами», где слабая эксплуатация крестьян, невысокие натуральные оброки не давали поводов для эмиграции, давно должны были привлекать жадные взоры бывших как рыба об лед небогатых помещиков»¹.

Итак, нет никаких оснований утверждать, что экономически все выгоды были на стороне мелкого землевладения. Почему же Покровский стремится во что бы то ни стало доказать это, впадая в противоречие с самим собой? Эта ошибка Покровского вытекала из недialeктического понимания им истории, из теории «экономического» материализма, которая являлась основой его взглядов. Эта теория односторонне, недialeктически рассматривает соотношение экономического базиса и политической надстройки, отрицая обратное воздействие надстройки на базис. С этой немарксистской точки зрения, опричнина и могла иметь успех только в том случае, если она шла по линии естественного экономического развития, что и старается доказать Покровский.

4

Разгромленное боярство, конечно, не могло и не собиралось примириться со своим поражением. Оно выжидало благоприятного момента, чтобы снова вернуть себе прежнее положение и взять власть в свои руки.

Борьба бояр и дворян за власть составляла одну сторону социальных противоречий Московской Руси конца XVI в. Другой стороной являлась крестьянская война против всего землевладельческого класса в целом: и против бояр и против дворян-помещиков.

Параллельно с ломкой, производив-

¹ Покровский «Русская история с древнейших времен». Т. I, стр. 231—232.

Русские крестьяне XVI века.

шейся опричниной, шел другой, невидный, более глубокий внутренний процесс, который выражался в усилении феодальной эксплуатации крестьянства. В связи с территориальным расширением государства это приводило к отливу населения из центральных областей государства на восточные и южные окраины — явление, которое получило в исторической литературе название «оскудение центра».

Усиление феодальной эксплуатации в конце XVI века происходило под влиянием развития ростовщического капитала, главными представителями которого в то время были монастыри. Более чем достаточные материалы об этой стороне монастырской деятельности дают уставные грамоты, а также полемика между двумя направлениями церковной литературы того периода: между «нестяжателями», которые выступали против земельного обогащения монастырей, и их противниками — «иосифлянами».

Монастырскими старцами была выработана целая система, направленная к наилучшей эксплуатации религиозных предрассудков. Вклады на поминание умерших, вклады на пострижение (на пожизненное содержание

постригшихся в монастырь) и т. п. соединялись с куплей вотчин и выпрашиванием жалованных грамот на них от правительства. Огромные средства, которые притекали таким образом в монастыри от вкладчиков, от богатых вотчин и от обширной торговли, которую вели монастыри, монастырские старцы пускали в рост (на проценты), главным образом в ссуду своим крестьянам. Один из «нестяжателей», Василий Косой, в полемике с «иосифлянами» изображает своих противников суровыми займодавцами, которые налагали «лихву на лихву», т. е. проценты на проценты, у несостоятельного должника-крестьянина отнимали корову или лошадь, а самого с женой и детьми сгоняли с его земли или судами доводили до окончательного разорения. Это обвинение в ростовщичестве было выдвинуто и на Стоглавом соборе, где было вынесено постановление, чтобы «архиереям и монастырям деньги и хлеб давать крестьянам своих сел без роста, чтобы крестьяне за ними жили, от них не бегали и села их не пустовали бы». Это постановление, конечно, осталось на бумаге.

Какое значение имела ссуда, видно из того, что редко какой крестьянин поселялся на церковной или помещичьей земле без ссуды от землевладельца; получивший ссуду крестьянин должен был за проценты работать на владельца. В Кирилло-Белозерском монастыре 70% крестьян засеивали свою землю монастырскими семенами, т. е. не имели возможности засеять свои поля без ссуды у землевладельцев.

Но не только монастыри закабалили крестьян ссудами: этим с большим или меньшим успехом занимались и другие категории землевладельцев. Мелкие землевладельцы сами влезали в долги, чтобы иметь деньги на ссудное «серебро», так как только этим путем обеспечено было твердое закабаление крестьян. Усиление кабальной зависимости крестьян выражалось в том, что в добавление к оброку вводилась барщина — работа на землевладельца, которая с течением времени все увеличивалась. Из многочисленных памятников, характеризующих положение крестьян, можно привести

уставную грамоту Соловецкого монастыря крестьянам села Пузырева, относящуюся к 1561 году¹. Из этой грамоты видно, что крестьяне обязаны были платить монастырю оброк хлебом, сыром, яйцами; они же обязаны были пашни пахать на монастырь, молоть рожь и солод на квас, привозить дрова и лучину, «повоз везти» к Вологде (монастырь вел обширную торговлю) и к Москве и на Бело-озеро, «а если не случится крестьянам везти повоз в каком-нибудь году, то взять с них деньгами». Крестьяне должны были также двор монастырский и гумно поправлять, а когда постройки придут в ветхость, вместо старых ставить новые хоромы, приказчика слушать во всем и на монастырское дело «ходить на восходе солнца, а кто не придет вовремя, с того заповедь» (штраф); и, если у кого из старых крестьян «в полях рощицы, им те рощи беречь и без разрешения приказчика не рубить»; за нарушение этого также платился штраф. Суд над крестьянами производили монастырские приказчики, которые за это должны брать пошлины. В случае свадьбы сына или дочери приказчику должны были дать денежное и натуральное приношения.

Так была скована со всех сторон хозяйственная и личная жизнь крестьянина. Формально крестьянин имел право перейти от одного землевладельца к другому, но фактически переход становился невозможным вследствие необходимости до ухода расплатиться с землевладельцем. Поэтому на деле переход выродился в «вывоз» крестьянина другим землевладельцем с уплатой за него всех долгов; от этого положение крестьянина ничем по существу не изменялось. Часть крестьянства, так называемые «старожильцы», записанные в писцовые книги, уже в XVI веке была формально лишена права перехода.

О тяжелом положении крестьян, о чрезмерной эксплуатации, которой они подвергались, и о произволе землевладельцев говорят и иностранные наблюдатели. Так например Герберштейн, дважды приезжавший в Москву при Василии III и хорошо ознако-

¹ «Памятники по истории крестьян под изданием Н. Ключкова» № 22.

жившийся с московскими порядками, пишет, что крестьяне здесь работают на своих господ 6 дней в неделю, что положение их самое жалкое, а имущество не ограждено от произвола родовитых и даже рядовых служилых людей.

Для крестьянина оставался только один выход — бросить своё хозяйство и уйти не расплатившись. К этому и прибегали многие крестьяне. Возможность ухода в то время облегчалась огромными земельными приобретениями Москвы. Завоевание Среднего и Нижнего Поволжья и расширение границ Московского государства на юг от Оки открывали для уходящих перспективы свободного поселения на новых черноземных землях востока и юга. Уходили не только крестьяне, жившие на землях частных владельцев, но и крестьяне с так называемых «черных», или государственных земель, когда последние попадали к служилым людям. Отлив населения из центральных областей государства был очень велик. В Муроме, на посаде, за 8 лет (с 1566 по 1574 год) из 587 дворов осталось только 111. Англичанин Флетчер, приезжавший в Москву в 1588 году, пишет, что по пути между Вологдой и Москвой встречал села, избы которых тянулись на версту по обеим сторонам дороги, но без единого человека. Пашня обращалась в перелог или зарастала лесом. Крестьяне, оставшиеся на старых местах, сократили свои пахотные участки; барская пашня за недостатком крестьянских рук сокращалась и обрабатывалась холопами. С уходом части крестьян на юг еще больше увеличивалась тяжесть всякого рода повинностей и налогов, падавших на оставшихся. Следом за уходящими крестьянами двигались и дворяне, которых правительство наделяло поместьями во вновь завоеванных землях; крестьянам приходилось уходить еще дальше на юг, в степи, и ставить там свои становища, живя под посто-

янной угрозой нападения степных кочевников.

Так из уходящих на юг беглых крестьян и холопов образовывались казачьи отряды. Весь этот бесприютный люд, для которого ненавистен был существующий общественный строй, их угнетавший, жил надеждами и ждал благоприятного момента для выступления.

Но не только крестьяне, часть которых разорялась совершенно и вынуждена была уходить за пределы государства, недовольны были и другие классы населения: недовольно было и негодовало боярство, разгромленное опричниной; недовольны были дворяне тяжестью военной службы и последствиями ухода от них рабочих рук. Во всем государстве чувствовалось глухое брожение как предвестник глубокого социального кризиса.

Этот кризис, названный современниками «Смутным временем», и разразился в начале XVII века. В сложном переплете событий этого «Смутного времени» явственно выступают с самого начала две основные линии, характеризующие социальное содержание «Смуты»: борьба за власть между боярами и дворянами и крестьянская война против всего землевладельческого класса в целом. В ходе «Смуты» она осложняется новым моментом — интервенцией соседних иностранных государств: Швеции и в особенности Польши, правящие классы которой стремятся использовать «Смуту» с целью завоевания Московского государства и уничтожения его национальной независимости.

В классовой борьбе внутри страны и в национальной борьбе за независимость страны победителями оказываются дворяне и поддерживающее их купечество. Эти классы и используют в своих интересах результаты «Смуты», конкретный ход и последствия которой являются темой самостоятельной статьи.

„ПЯТНИЦЫ“ ПЕТРАШЕВСКОГО

1

В конце XVIII и в первой половине XIX века в России происходил процесс зарождения и развития капитализма и связанный с этим кризис крепостничества. На этой почве борьба между основными классами феодально-крепостнического общества — крестьянством и дворянством — чрезвычайно обострилась. Вся первая половина XIX века проходит под знаком непрерывных крестьянских выступлений. Почва под ногами у крепостников и возглавлявшего их царизма явно стала колебаться. Вместе с тем на положение вещей в России оказывали могущественное влияние развитие капитализма в Западной Европе и революционные события, имевшие место на Западе.

Уже Французская революция 1789—1794 годов, взорвавшая старый, феодальный мир, вызвала неопиcуемый страх у главы русских крепостников — Екатерины II, и она совместно с другими феодальными государствами приняла ряд мер для борьбы с революцией. Эту же политику борьбы с западными революционными движениями и с новыми для того времени идеологическими течениями вели и все последующие императоры: Павел I, Александр I, Николай I. Царская Россия сделалась оплотом международной феодальной реакции и жандармом Европы. За все время своего тридцатилетнего царствования Николай I (1825—1855) всемерно оказывал поддержку феодальным силам Запада в их борьбе с революционными движениями. Вся политика Николая I была направлена на сохранение крепостничества в России, на борьбу с крестьянским движением, на борьбу со всякими идеями, подрывавшими устой самодержавия и крепостничества. Не только революционная и социалистическая мысль Запада, но и либерально-буржуазная идеология Европы встречали в Николае I ожесточенного врага. Бюрократия и полиция, характерные признаки самодержавной монархии, были при нем усилены до предела.

Почти сейчас же после вступления на престол Николай I в 1826 году организовал «III отделение собственной его величества канцелярии» и «корпус жандармов». Эти учреждения опутали весь общественный организм России густой сетью полицейского надзора и шпионажа и повели беспощадную борьбу со всяким проявлением какой бы то ни было политической деятельности и общественной мысли. Цензура, находившаяся под руководством министра народного просвещения и самого императора, тяжелым гнетом легла на русскую печать, подавляя малейшее выражение какой бы то ни было свободной мысли. Министр народного просвещения граф Уваров прямо говорил: «Мое дело — не только блюсти за просвещением, но и блюсти за духом поколения. Если мне удастся отодвинуть Россию на 50 лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно — вот моя теория»¹.

Высшая школа, которая еще не успела очнуться от разгрома, учиненного при Александре I Голицыным, Магницким и Руничем, попала при Николае I на долгие годы в чрезвычайно тяжелое положение: за университетами был установлен строжайший надзор; была значительно увеличена плата за обучение в университетах, чтобы туда не проникали люди из менее состоятельных слоев общества и чтобы предотвратить «роскошь знаний и удержать стремление юношества к образованию в пределах», как писалось в министерском докладе по этому поводу. Отношение правительства к высшей школе великолепно выразил Уваров в докладе о своих посещениях университетов: «Весьма часто случа-

¹ Цит. по «Книге для чтения по истории нового времени». Т. IV—2, стр. 104, 1914.

лось мне, прервав лекцию профессора, закончить оную собственным нравоучением, всегда приведя речь к лицу государя, к преданности трону и церкви, к необходимости быть русским по духу прежде, нежели стараться быть европейцами по образованию».

Европейские революции 1848 года еще больше усилили реакцию в России.

Насмерть перепуганный революцией 1848 года и боясь ее проникновения в Россию, Николай I еще больше усилил систему сыска и шпионажа, систему гонения на печать, школу и всякую свободную мысль. Даже граф Уваров казался ему теперь недостаточно ретивым. Сменивший Уварова на посту министра народного просвещения князь Ширинский-Шихматов начал свою деятельность со следующей декларации: «Следует, чтобы впредь все положения науки были основаны не на умственных, а на религиозных истинах в связи с богословием. Польза философии не доказана, а вред от нее возможен»¹. Поэтому кафедра философии в высших школах была ликвидирована, а преподавание логики и психологии было поручено попам. Правительство Николая I теперь больше чем когда-либо боялось знаний и науки как источника всяких «вредных идей», как источника свободомыслия, колеблющего основы самодержавия и крепостничества. Было сокращено количество учащихся в высших учебных заведениях и установлен твердый комплект студентов в 300 человек для каждого высшего учебного заведения. А всех-то высших школ в необъятной России при Николае I было всего 9!

Как раз в эти самые годы, когда Николай I из Зимнего дворца направлял всю работу бюрократического аппарата на удушение революционной мысли в России, на Покровке (ныне площадь Тургенева), в Петербурге, в квартире Михаила Васильевича Петрашевского, каждую пятницу происходили оживленные собрания, на которых обсуждались злободневные вопросы русской жизни и давалась критика всех порядков николаевской России.

¹ Цит. по «Книге для чтения по истории нового времени». Т. IV—2, стр. 114. 1914.

М. В. Буташев-Петрашевский.

Движение, руководимое Петрашевским, представляет собой одно из характерных явлений в истории общественного движения России середины XIX века. Стремления и идеи петрашевцев ярко отразили социально-экономическую и политическую обстановку их времени.

2

Михаил Васильевич Буташев-Петрашевский родился в 1821 году. Он был сыном врача, вышедшего из рядов дворянства. Учился Михаил Васильевич в царскосельском лицее. «За резкое поведение» был исключен из лицея и затем поступил на юридический факультет Петербургского университета, который он и окончил одним из первых в 1841 году. Уже в университете Петрашевский сблизился с рядом студентов, позже вошедших в его кружок. Здесь же он испытал сильное влияние профессора Порошина, который ухитрялся в университете николаевского времени излагать учения социалистов-утопистов, в особенности учение знаменитого французского утописта Шарля Фурье. По окончании университета Петрашевский служил в министерстве иностранных дел и, отлично владея иностранными язы-

Д. Ахшарумов.

ками, занимал там небольшую должность переводчика.

Д. Д. Ахшарумов, хорошо знавший Петрашевского, так описывает его:

«Знакомство, собственно, мое с Петрашевским началось с весны 1848 года. Он был человеком лет 34, среднего роста, полный собой, весьма крепкого сложения, брюнет, на одежду свою он обращал мало внимания, волосы его были часто в беспорядке, небольшая бородка, соединявшаяся с бакенбардами, придавала круглоту его лицу. Черные глаза его, несколько прищуренные, как бы проникали в даль. Лоб у него был большого размера, нахмуренный; он говорил голосом низким и негромким, разговор его был всегда серьезный, часто с насмешливым тоном; во взоре более всего выражались глубокая вдумчивость, презрение и едкая насмешка. Это был человек сильной души, крепкой воли, много трудившийся над самообразованием, всегда углубленный в чтение новых сочинений и неустанно деятельный...

Он имел большую библиотеку новейших сочинений, преимущественно по части истории, политической экономии и социальных наук, и охотно делился ею не только со всеми ста-

рыми своими приятелями, но и с людьми, ему мало знакомыми, но которые казались ему порядочными, и делал это по убеждению, для общественной пользы. Совсем не интересуясь общественными увеселениями, он бывал повсюду: в клубах, дворянских собраниях, маскарадах—с единственной целью заводить знакомства для изучения и выбора людей. Утро проводил он большей частью в чтении книг и в составлении какого-либо им намеченного труда»¹.

Служба не удовлетворяла Петрашевского. Внимательное наблюдение над официальной и крепостной Россией, с одной стороны, изучение западноевропейской социально-экономической и политической литературы—с другой, оказали сильное влияние на направление его мысли. Уже в 1842—1843 годах Петрашевский приходит к фурьеризму как к системе, которая должна, по его мнению, направить историю человеческого общества по новому пути. В эти же годы он приходит к заключению, что кардинальный очередной вопрос для России—уничтожение крепостного права.

С целью пропаганды фурьеризма Петрашевский в 1845 году начал еженедельно устраивать у себя «пятницы». На эти «пятницы» собирались по 20—30 человек. Здесь бывали люди, более или менее случайно попадавшие в кружок, бывавшие на «пятницах» только изредка, но была и группа людей, которые постоянно посещали Петрашевского и составляли основное ядро кружка. Всех петрашевцев, участников «пятниц» Петрашевского и участников других близких ему кружков, насчитывалось до 60 человек. «Пятницы» систематически продолжались несмотря на тяжелую реакцию николаевского времени в течение четырех лет, с 1845 до 1849 года.

Проходили они следующим образом: кто-нибудь из петрашевцев читал доклад на тему о социализме, о политическом строе, о суде, о крепостном праве и т. д., затем происходил обмен мнениями, беседа.

О характере «пятниц» Петрашевского мы имеем целый ряд свидетельств.

¹ Д. Ахшарумов «Из моих воспоминаний», стр. 16—17. СПб. 1905.

«Раз в неделю, — пишет Ахшарумов в своих воспоминаниях, — у Петрашевского бывали собрания, на которых вовсе не бывали постоянно все одни и те же люди; иные бывали часто на этих вечерах, другие приходили редко, и всегда можно было видеть новых людей. Это был интересный калейдоскоп разнообразнейших мнений о современных событиях, распоряжениях правительства, о произведениях новейшей литературы по различным отраслям знания; приносились городские новости, говорилось громко обо всем, без всякого стеснения. Иногда кем-либо из специалистов делалось сообщение вроде лекции: Ястржембский читал о политической экономии, Данилевский — о системе Фурье. На одном из собраний читалось Достоевским письмо Белинского к Гоголю по случаю выхода его «Писем к друзьям». Белинского избавила только болезнь и преждевременная смерть от общей с нами участи. Для порядка и предупреждения шума от одновременных разговоров и споров многих лиц Петрашевский поручал кому-либо из гостей наблюдать за порядком в качестве председателя. На собраниях этих не выработывались никакие определенные проекты или заговоры, но были высказываемы осуждения существующего порядка, насмешки, сожаления о настоящем нашем положении»¹.

П. П. Семенов-Тянь-Шаньский рассказывает о «пятницах» следующее:

«Н. Я. Данилевский читал целый ряд рефератов о социализме и в особенности о фурьеризме, которым он чрезвычайно увлекался, и развивал свои идеи с необыкновенно увлекательной логикой. Достоевский читал отрывки из своих повестей «Бедные люди» и «Неточка Незванова» и высказывался страстно против злоупотреблений помещиками крепостным правом. Обсуждался вопрос о борьбе с ненавистной всем цензурой»².

По своему составу кружки петрашевцев были в достаточной мере разношерстными. Среди петрашевцев мы встречаем очень небольшое число

представителей среднего дворянства, всего два—три человека: подавляющая часть петрашевцев принадлежала к мелкопоместным, разоряющимся дворянам, многие из которых были дворянами только по званию. Из этих дворян-петрашевцев очень небольшое количество было офицерами: большинство служило на гражданской службе, некоторые были даже литераторами и студентами. Среди петрашевцев было также изрядное количество разночинцев, в том числе: Катенев — вольнослушатель университета, сын мелкого купца; Латкин — сын купца, окончивший университет; Щелков — из купцов, по профессии канцелярист и виолончелист; Милюков — из мещан, преподаватель; Толль — сын канцеляриста, преподаватель; Толстов — из мещан, студент; Мадерский — нето из крестьян, нето из самых мелких дворян, живший частными уроками; Шапошников — мещанин, владелец табачной лавки; Востров — мещанин, приказчик Шапошникова.

Ленин и определяет разночинцев как «образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству»³.

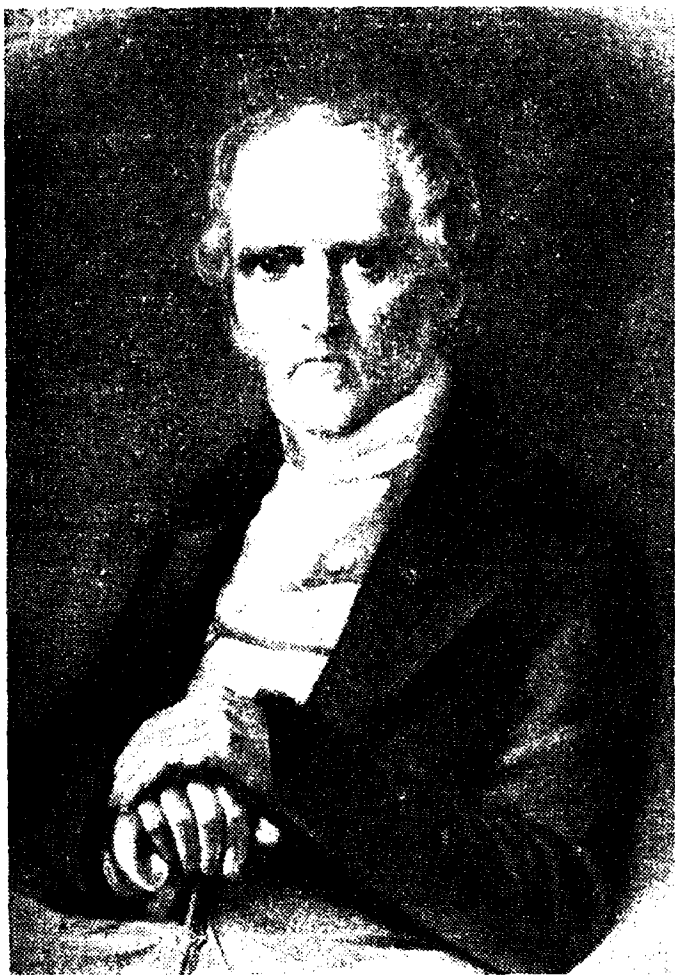
3

От петрашевцев остался ряд материалов, которые могут служить основанием для характеристики их взглядов: прежде всего, «Карманный словарь иностранных слов», составленный Петрашевским (несмотря на всю бдительность николаевских цензоров Петрашевский протащил через цензуру ряд «крамольных статей» и напечатал их в своем «Словаре»); далее, мы имеем «Краткий очерк основных начал системы Фурье», также написанный Петрашевским; Беклемишев — «О страстях и о возможности сделать труд привлекательным»; его же «О выгодах сообщения сравнительно с дроблением по разным отраслям труда». Затем, сохранилось большое следственное дело о петрашевцах. Наконец, имеется значительное количество воспоминаний о петрашевцах и целый ряд мемуаров самих петрашевцев.

³ Ленин. Т. XVII, стр. 341.

¹ Д. Ахшарумов «Из моих воспоминаний», стр. 15. СПб. 1905.

² Сборник материалов «Петрашевцы в воспоминаниях современников». Т. I, стр. 47—48. Гиз. 1926.

Шарль Фурье.

Из теоретических вопросов петрашевцы наибольшее внимание уделяли вопросам не философским, историческим или литературным, а вопросам построения будущего человеческого общества, причем в основу этого построения легло утопическое учение Фурье. Основная идея утопического и идеалистического учения Фурье, как известно, заключалась в том, что гармония в обществе создается свободным действием страстей. Для обеспечения последнего Фурье проповедывал создание особых общественных ячеек, так называемых ассоциаций, или фаланг, устройство которых он подробно описывал. Характерно, что гармония в фалангах, по учению Фурье, достигается при сохранении классового и материального неравенства.

Увлечение Фурье было настолько велико у петрашевцев, что они создали у себя целый культ, прямое поклонение великому утописту. Так, 7 апреля 1849 года они, чуть ли не накануне своего ареста, торжественно праздновали день рождения Фурье. К этому дню из Парижа был выписан большой портрет Фурье. Торжество началось с доклада о Фурье, затем были произнесены речи и читались

стихотворения. Торжество закончилось обедом, устроенным вскладчину.

Увлечение учением Фурье выражалось даже в попытках постройки «фаланстера»¹—и это в крепостнической, николаевской России! Петрашевский в 1847 году в своем небольшом имении построил здание для будущего «фаланстера». Крестьяне же, относившиеся к этому как к барской прихоти, скрывающей в себе какой-то подвох против них, сожгли «фаланстер».

Учение Фурье и его картина будущего общества, где не будет никакой нужды, гнета и эксплуатации, сделали символом веры для петрашевцев, живших в условиях, при которых капиталистическая эксплуатация уже определенно развивалась, а крепостническая, разлагаясь, вместе с тем достигла максимальных размеров.

Крепостнические отношения, господствовавшие в России, были в таком резком противоречии со всеми мечтами петрашевцев, они были столь явным препятствием ко всякому дальнейшему, даже самому малейшему прогрессу, что петрашевцы, страстно увлекаясь теориями Фурье, практически на первый план в России ставили вопрос о ликвидации крепостного права и о судеустройстве, обеспечивающем права граждан. В этом отношении они полностью шли за Белинским, который в своем «Письме» к Гоголю писал: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть»². Следует отметить, что петрашевцы с глубоким интересом отнеслись к этому знаменитому «Письму», направленному против крепостничества, самодержавия и православия. Достоевский, в будущем один из крупнейших писателей России, читал это письмо на вечерах у Петрашевского и Дурова и давал делать с него копии. К сожалению, позже, после каторги, он стал на защиту православия и са-

¹ «Фаланстерами» Фурье называл общественные здания, в которых, по его проекту, должны были жить члены фаланги, общественной ассоциации.

² Белинский. Собр. соч. Т. III, стр. 822—823. 1919.

модержавия. Следует напомнить, что среди петрашевцев был и Салтыков-Щедрин, величайший русский писатель-сатирик, столь высоко ценимый Лениным, писатель, до конца своей жизни жестоко бичевавший самодержавие и бюрократию.

В отличие от своего учителя Фурье, который не придавал серьезного значения политическим вопросам и политическим порядкам, петрашевцы в условиях самодержавной России первоочередное значение отводили проблеме политического строя. Петрашевцы отрицательно относились к самодержавно-полицейской монархии Николая I и горячо обсуждали вопросы государственного переустройства России. Принципиально часть из них склонялась к республике. Шла речь даже о федеративной демократической республике. Часть петрашевцев склонялась к конституционной монархии, и таких было довольно значительное количество. Вопрос о политическом строе подвергался у них детальной и горячей дискуссии.

В религиозных вопросах петрашевцы были вольнодумцами. В приговоре, вынесенном впоследствии Петрашевскому, ему вменялось в вину, между прочим, следующее: «Петрашевский не только допускал у себя всякого рода преступные суждения, но сам при-

нимал в них деятельное участие и направлял их; а в одной из найденных у него речей назвал спасителя Иисуса Христа демагогом, несколько неудачно кончившим свою карьеру»¹. Многие из петрашевцев были настоящими атеистами. Это было несомненным выражением протеста против одной из основ тогдашнего строя, именно православия и православной церкви. В этом следует видеть не только влияние передовых идей Запада, но и влияние Белинского, который в своем «Письме» к Гоголю навсегда пригвоздил к позорному столбу православную церковь, бывшую «всегда опорой кнута и угодницей деспотизма».

Следует подчеркнуть, что если главным учителем петрашевцев был Фурье, то и Белинский, несомненно, оказал на них известное и довольно значительное влияние. Да это и понятно, принимая во внимание огромное влияние Белинского на общественную мысль России 40—50 годов. К тому же и сам Белинский на определенном этапе своей жизни и деятельности был резко выраженным поклонником утопического социализма. Ведь именно он говорил в 1840 году: «Я теперь в новой крайности — это идея социализма.

¹ Сборник материалов «Петрашевцы». Т. III, стр. 49. Гиз. 1928.

Фаланстер Фурье.

С литографии, принадлежавшей И. Ребу.

Н. А. Спешнев.

которая стала для меня идеей идей, альфой и омегой веры и знания»¹.

В отношении тактики большая часть петрашевцев стояла на позициях мирного изменения существующего строя — на позициях постепенности. Они не выдвигали идеи выступления масс и вооруженного восстания. В тактике они нередко скатывались к самому подлинному либерализму. Так например сам Петрашевский в одной своей записке, поданной в 1848 году в петербургское дворянское собрание, совершенно умалчивал о политическом преобразовании страны, отодвигал на дальнейшее время даже отмену крепостного права, а на первый план — как дело ближайшего будущего — выдвигал вопрос о судостроительстве. Но среди петрашевцев было крыло, более решительное по своей тактике. Одним из представителей этого крыла был Николай Александрович Спешнев, происходивший из дворян Курской губернии. Он прожил за границей четыре года (1842—1845), т. е. как раз годы нарастания революцион-

ного движения на Западе, годы усиленного интереса к социалистическим теориям, годы возникновения научного социализма Маркса и Энгельса. Научному социализму Спешнев остался чужд, но он горячо увлекся социалистическими учениями утопистов. Приехав в Россию, он примкнул к движению петрашевцев и выделялся среди них своим умом и самостоятельностью суждений. Он выдвигал идею насильственного переворота.

При обыске у петрашевцев забрали громадное количество материалов. В подавляющей своей массе все эти материалы оказались довольно невинного характера. Обнаружено было только два—три документа революционного содержания. К этим двум—трем документам следует отнести найденный у Спешнева и написанный его рукой проект тайного общества. В этом проекте мы читаем следующее:

«Я, нижеподписавший, добровольно, по здравому размышлению и по собственному желанию, поступаю в Русское общество и беру на себя следующие обязанности, которые в точности исполнять буду:

1. Когда распорядительный комитет общества, сообразив силы общества, обстоятельства и представляющийся случай, решит, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принять полное и открытое участие в восстании и драке, т. е. по извещению от комитета обязываюсь быть в назначенный день, в назначенный час, в назначенном мне месте, обязываюсь явиться тогда и там, вооружившись огнестрельным или холодным оружием или тем и другим, не щадя себя, принять участие в драке и как только могу споспешествовать успеху восстания...

3. Афилировать, т. е. присоединять, к обществу новых членов обязываюсь не наобум, а по строгому соображению и только таких, в которых я твердо уверен, что они меня не выдадут, если б даже и отступились после от меня; что они исполнят первый пункт и что они действительно желают участвовать в этом тайном обществе»².

¹ Цит. по книге Сакулина «Русская литература и социализм». Ч. I, стр. 199. Гиз. 1924.

² Сб. материалов «Петрашевцы». Т. III, стр. 52—53.

Спешнев и другой петрашевец, Головинский, допускали возможность и необходимость крестьянского восстания. Спешнев даже решил устроить у себя в квартире тайную типографию для печатания нелегальных книг. К этому он сделал вполне практические шаги: накануне ареста ему привезли все необходимое оборудование для типографии. Некоторые исследователи считают Спешнева решительным врагом частной собственности и сторонником обобществления земли и всех орудий производства. Вряд ли это так: следует подчеркнуть, что петрашевцы вообще высказывались против полного уничтожения частной собственности. В этом отношении они шли за своим учителем Фурье, который надеялся в своей ассоциации гармонически примирить владельцев собственности и неимущих-трудящихся.

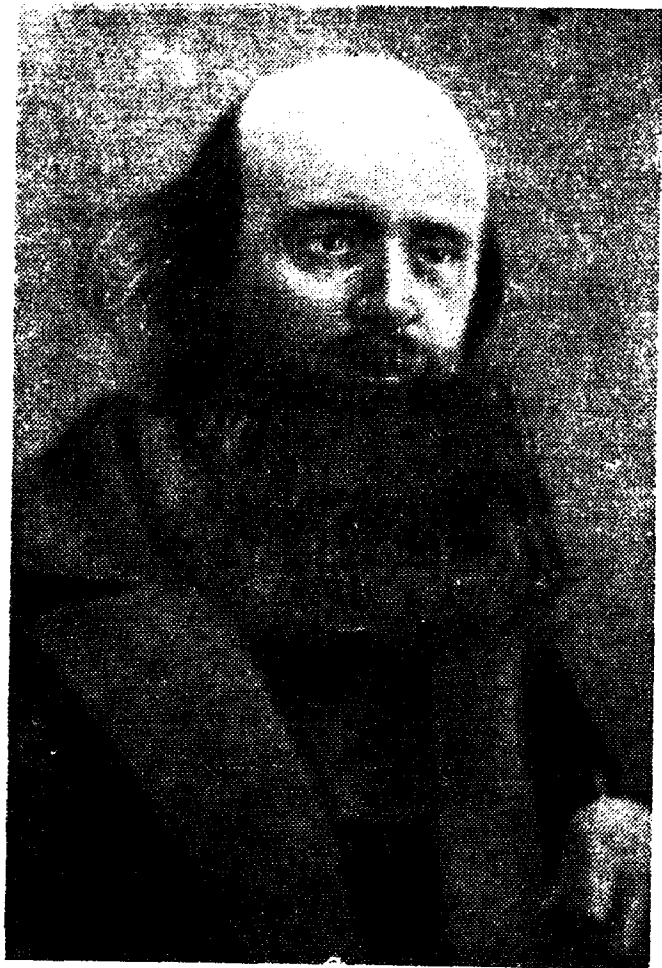
Кроме проекта тайного общества Спешнева у петрашевцев обнаружили и другой любопытный документ — «Солдатскую беседу», написанную поручиком Григорьевым.

В этой «Беседе» старый отставной солдат, зашедший за подаванием в казарму, рассказывает окружающим его солдатам свою жизнь:

«—Я сдаточный из крепостных. Мальчишкой был я сорвиголова и рос не по дням, а по часам. Как стал я себя помнить, то нас продали другому барину, из немцев. Вот уж был злодей-то: с живых кожу драл! Обеднели мы, разорились вконец, а то прежде нешто про себя жили. Да на беду я попал в солдаты. Вот как это было. Барин наш был нехристь и с нами не церемонился. Бывало, приедут к нему гости кутить, найдет на деревню, и ведут ему штук пять девок, даже малолетних, такой окаянный. Обидно было. Жаловались по начальству. Ну да знаешь, ведь он свой брат им-то, начальству, выпорют. бывало, тебя же, да и конец делу. Была у меня сестренка, красавица-девка, сам я ее вынянчил и любил больно. Выросла она да и приглянулась нашему-то бурсману-антихристу. Вот был я раз в ближнем селе, на базаре. Приехал домой. Шасть в избу. Смотрю: что за диво? Отец как шально, мать воеет. Что, мол, такое? А где Машутка? Смотрю, а она, моя голубушка, приль-

нула ничком в уголок да так и заливаается. Что, мол, Маша? Аль прибили? А она, сердечная, молчит и все жметя, в уголок жметя да сама так и дрожит. Я к матери; мать-то и говорит мне: «Не побили, говорит, а по приказу, говорит, дворовые к барину, говорит, водили». Меня так и ошеломило. Как я выплелся из избы, как был в кабаке, как потом до полусмерти оттаскал окаянного немца, не помню. Очнулся я уже в кандалах. Меня сдали в рекруты... Учили меня, били, ломали как собаку паршивую. Еда — дрянь, жалованья — грош, собачья жизнь. Сами знаете: кто из начальства хорош, того долой. Протянул я двадцать лет, выпустили по билету. Пришел домой; отец и мать уже умерли, сестра тоже исчахла, дом отдали другому. Стал было я наниматься, да на сборы затащали. Тут вышла отставка. Пришел сюда, стал мебель таскать, заболел, одряхлел и вот теперь без крова и пищи и замерз бы сегодня, если бы вы, господа, не пригрели. Ходил, просил, — кто сжалится? Богаделен нету. Обидно, ребяташки. Видно, мы нужны, пока есть силы, а там как браковку в овраг, собакам на с'еденье. Служил я честно, а вот теперь руку протягиваешь под углом. А сколько нас таких! За все солдатское обидно. Царь строит себе дворцы да золотит б... да немцев. С каждым годом службы все тяжелее... Известно, солдатам-то всдь и щей хороших не дадут, а сами, смотри, на каких рысаках раз'езжают. Ах они, мерзавцы! Ну да погоди еще! И святое писание гласит: первые будут последними, а последние будут первыми. Вот французы, небось, у себя так и устроили, да и другие-то тоже. Только у нас да у поганных австрияков иначе. Дивны дела твои, господи! Ну чем же мы хуже француза, подумаешь, а ему лучше нашего доля пришлась! Видно, правду отцы говорят: на бога надейся, да сам не плошай... Умереть — так умереть, лишь бы не дать в обиду богачам да нехристям своих кровных и свою волюшку.

Старик замолчал и опустил грустную голову. Дрова в печи догорели. Было темно, и не видел честный старина-служивый, как слезы текли по щекам солдат и по капле упали на

М. В. Буташевич-Петрашевский в Сибири.

амуницию. Горько, обидно стало им. Ах, кабы согласие да воля!»¹.

«Солдатская беседа» Григорьева была выражением резкого протеста против крепостничества и николаевских порядков. Она читалась на собраниях петрашевцев. Но нет никаких данных, которые говорили бы о том, что «Беседа» предполагалось направить в массы как агитационную прокламацию. Вообще наличие левого крыла у петрашевцев совершенно несомненно, но в основном в своей тактике петрашевцы стояли на очень умеренных позициях, рассчитывали на мирные пути развития и революционной работы в массах не вели. Основное, в чем заключается их значение, — это попытка резкой критики всей системы крепостнической России и николаевского режима, отрицание существующего крепостнического порядка. А этот «порядок» в лице Николая I и всемогущего «III отделения собственной его величества канцелярии» не мог допустить какой бы то ни было критики существующего строя.

¹ Сб. материалов «Петрашевцы». Т. III, стр. 104—106.

С весны 1848 года за кружками петрашевцев начал устанавливаться тайный надзор с привлечением к этому делу провокатора. В кружок петрашевцев проник, по поручению чиновника министерства внутренних дел Липранди, бывший студент Антонелли. По соглашению с III отделением надзор велся исключительно под руководством Липранди. Ровно через год правительство решило, что все нити дела уже в его руках. В ночь с 22 на 23 апреля 1849 года Петрашевский и остальные члены кружка были арестованы, посажены в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости и переданы суду.

Петрашевский во время следствия и суда требовал внимательного анализа всех своих взглядов и дел, в которых он не видел выхода за пределы легальности. Петрашевский даже требовал назначения особой ученой экспертизы для разбора сочинений Фурье, что должно было, по его мнению, привести суд к выводу об отсутствии чего-либо революционного в учении Фурье, а следовательно, и у петрашевцев. Он был твердо уверен, что ничего противозаконного он не совершил, как будто для Николая I самое, хотя бы теоретическое, обсуждение проблемы социализма, самое, хотя бы принципиальное, отрицание крепостничества уже не было преступлением!

Николая I пугал даже призрак социализма. Его пугали революции во Франции, Германии, Австрии. Ему страшна была одна только мысль о том, что движение петрашевцев находится в какой-либо связи с европейской революцией 1848—1849 годов. Ведь как раз во время ареста петрашевцев и следствия над ними Николай I принял активное участие в подавлении европейской революции! В апреле—мае 1849 года царский корпус в 130 тысяч человек под начальством князя Паскевича переходил границу, чтобы оказать помощь австрийскому императору и задушить венгерскую революцию. «Европейский жандарм» — Николай I — делал свое дело в Европе. У себя «дома» он также рьяно принялся за петрашевцев. Следствие над петрашевцами было поручено «секретной следственной комиссии», в

которую входили представители самой верхушки крепостнического дворянства и николаевской бюрократии. Отсюда Николай I перенес дело в особый суд, в специально созданную «военно-судную комиссию». Затем дело пошло еще дальше — в «генералаудиториат», в высший военный суд. 16 ноября 1849 года суд закончился. К следствию было привлечено до 60 человек, из них 23 человека были преданы суду.

О дальнейшем Герцен рассказывает следующим образом: «Что касается 23, преданных суду, то все думали, что их приговорят, самое большее, к отдаче в солдаты на Кавказ или, в крайнем случае, к ссылке в Сибирь на поселение.

Таково было, повидимому, и намерение судной комиссии под председательством генерала Перовского (брата министра внутренних дел). Но государь, узнав об этом, пришел в ярость:

«Если суд будет столь милостив, то мне останется, действительно, пользуясь правом помилования, совершенно простить преступников. Но разве судьи не знают, что подобное добродушие с их стороны представляет собой захват права помилования, которое является прерогативой монарха? Суд должен применять закон во всей строгости, а уж мое дело обратить внимание на смягчающие обстоятельства»¹. Царь приказал возобновить процедуру суда и судить на этот раз не по общему своду, а по военным законам».

Из 23 обвиняемых 21 был приговорен к расстрелу. Приговор был явно бессмысленно жестоким даже для николаевского времени. Но Николай I твердо решил до предела терроризировать людей, осмелившихся критиковать крепостнические порядки и мечтавших о гармоническом обществе будущего. Казнь была назначена на 22 декабря 1849 года на Семеновском плацу. У Герцена мы имеем следующее описание этого дня:

«В этот день, когда утренний туман еще не успел рассеяться, войска большими колоннами выстроились на Семеновском плацу. Они образовали параллелограмм вокруг эшафота, состо-

¹ А. Герцен. Собр. соч. и писем. Т. VI, стр. 515—516. 1919.

Н. А. Спеншев после возвращения из Сибири.

явшего из подмошков, к которым приделано было семь виселиц². Вокруг войск, на широком расстоянии, городские образовали цепь, чтобы удерживать народ, который стекался массами, желая видеть даровое зрелище, преподносимое ему...

Около 8 часов показался ехавший быстрой рысью кортеж, который открывался отрядом жандармов с обнаженными шашками; за ними следовала 21 карета, по одному осужденному в каждой, под стражей двух солдат внутри и двух жандармов верхами около дверцы; окна карет были закрыты и замерзли, так что через них нельзя было видеть лица заключенных; процессия замыкалась вторым отрядом жандармов. Заключенные не знали, с какой целью заставляли их делать эту прогулку. Привезя на Семеновский плац, их поставили на эшафот и прочитали смертный приговор, вынесенный судом; затем на них надели саваны с капюшонами, падавшими на лицо, и поставили по трое к виселицам. Хрипло прозвучал рожок: был сильный мороз; прокатилась барабанная дробь; из рядов каждого батальона

² По свидетельству очевидцев: барона Корфа и петрашевца Кашкина, — было поставлено три столба.

вышли солдаты с ружьями, приблизились к осужденным и стали целиться. Воцарилось гробовое молчание... Но отчего солдаты так долго не стреляют? Может быть, для того, чтобы продлить у осужденных предсмертную тоску? Петрашевский, всегда верный себе, приподнял капюшон, чтобы посмотреть, что происходило вокруг.

Наконец, становится известно, что все это было лишь простым фарсом, декорацией, лишним парадом, устроенным государем. Генерал Ростовцев объявляет приговоренным, что царь дарует им жизнь. Напрашивалась мысль, что из всех генералов был выбран именно этот для объявления «милости», потому что он был заикой. Солдаты возвращаются в строй, а преступникам читается указ, которым государь, по своей неизреченной доброте, заменяет смертную казнь для одних каторжными работами в сибирских рудниках, для других — зачислением в дисциплинарные роты, для третьих — отдачей в солдаты на Кавказ и киргизские границы»¹.

О дальнейшем один из петрашевцев, Кашкин, рассказывает так: «Тогда был снова вызван палач, Петрашевского посадили среди всех нас и заковали в ножные кандалы, после чего он был одет в казенный тулуп, валенки и шапку с наушниками, посажен в сани и прямо с места отправлен с фельдегерем в Сибирь. Рассказывали, что, когда его везли, кто-то из толпы, стоявшей позади войск, снял с себя шубу и бросил ему в сани. Все мы, остальные, были снова с жандармами отвезены в Петропавловскую крепость и оттуда поодиночке, каждый с фельдегерем, отправлен к местам назначения: половина — в тот же вечер, а другая — в следующий вечер».

Так зверски, инквизиторски, подло издевался Николай I над петрашевцами. Петрашевцы пошли на каторгу. Только после смерти Николая I они были «прощены» и им разрешен был выезд из Сибири. Петрашевский тоже мог бы вернуться в Европейскую Россию, но он, считая себя невинно осужденным, решительно отказался по-

дать прошение о помиловании и требовал официального пересмотра дела.

Петрашевский умер ссыльным поселенцем 7 декабря 1866 года, оставшись до конца своих дней верным своим убеждениям.

Казнями декабристов начал Николай I свое царствование. Порками и казнями десятков тысяч крестьян, рабочих и солдат «ознаменовал» он свое тридцатилетнее царствование. Бессмысленным, диким издевательством над петрашевцами он заканчивал свое царствование.

Самодержавие торжествовало после расправы над петрашевцами, но торжество это не могло быть прочным. Крепостное хозяйство переживало острый кризис и уже явно загнивало. Капиталистическая мануфактура перерастала в фабрику, и Россия уже переживала начальную стадию промышленного переворота. Крестьянские выступления все росли и росли и грозили превратиться в крестьянскую войну. Рабочие волнения давали себя знать и на капиталистических предприятиях и в особенности на крепостных мануфактурах. Формировались кадры разночинцев, готовых активно выступить против самодержавия и крепостничества.

Кризис крепостнического строя, бывший налицо в течение всей первой половины XIX века, обострялся все больше и больше. Самое движение петрашевцев было одним из симптомов обострения кризиса крепостнических отношений, одним из симптомов роста классовых противоречий в России.

Вместе с тем тенденции и идеология петрашевцев были показателями того могущественного влияния, которому все более подвергалась самодержавно-крепостная Россия со стороны Западной Европы. Это сказывалось уже в первой четверти XIX века, в период деятельности декабристов. В 30—40-х годах влияние революционных движений и социалистических идей Запада на общественную мысль России стало более значительным. Это сказалось и на петрашевцах. И с этой стороны их движение занимает определенное место в истории русской общественной мысли, которую необходимо изучать в связи с историей Запада, в связи с влиянием Западной Европы на Россию.

¹ А. Герцен. Собр. соч. и писем. Т. VI, стр. 515—516. 1919.

Я. Майофис

ПЕРВОЕ МАЯ 1890 г. в ГЕРМАНИИ

(БОРЬБА ПО ВОПРОСАМ
ПЕРВОМАЙСКОЙ ТАКТИКИ)

В июле 1889 года парижский конгресс II интернационала принял решение об организации ежегодной международной пролетарской демонстрации 1 Мая.

Не успел конгресс закончить свою работу, как буржуазия буквально подняла вой о якобы готовящейся в день 1 Мая революции. Подобная оценка свидетельствовала о страхе буржуазии перед предстоящим выступлением пролетариата. Но поднятый буржуазной прессой шум делал только еще более популярной идею празднования 1 Мая.

На основе первомайских лозунгов создавались новые рабочие организации и укреплялись старые. Во многих странах организовывались на местах комитеты для проведения первомайской демонстрации. Это движение началось задолго до 1 Мая.

В Германии искра, брошенная конгрессом, попала на благоприятную почву. Первомайские требования подлили масла в огонь. Исключительный закон против социалистов не мог сдержать натиска революционных сил. Мощный толчок получило в первую очередь профессиональное движение. В связи с первомайской кампанией («Maibewegung») происходит дальнейший подъем рабочего движения, выдвигаются требования повышения заработной платы, уменьшения рабочего дня, возникают новые профсоюзы, происходит укрупнение старых.

В Гамбурге в феврале создаются союз морских истопников, союз портовых рабочих; маляры примыкают к общегерманскому союзу. Подобные централизованные профессиональные организации возникают у граверов, лакировщиков и целого ряда других профессий.

Растет также стачечное движение. В начале ноября 1889 года в Гамбурге забастовали корабельные плотники (они требовали твердой поденной оплаты вместо предлагаемой хозяевами почасовой). В течение нескольких дней число стачечников выросло до 1000 человек. Металлисты и рабочие верфи, вначале не примкнувшие к стачке и высказывавшиеся на первом собрании против участия в ней, также присоединились к стачечникам.

Движение нарастало и охватило не только рабочих крупных предприятий, но и малоквалифицированных рабочих мелких производств, подвергавшихся самой беззастенчивой эксплуатации. Вступившие в стачку подручные, работавшие по 11—12 часов в день за хозяйские харчи и квартиру, потребовали сокращения рабочего дня до 10 часов, отмены натуральной оплаты, признания бирж труда, ими организованных, и оплаты сверхурочных и праздничных. Мраморщики и столяры выставили требование 9-часового рабочего дня.

Ученикам и подмастерьям пришлось вести особенно упорную борьбу, так как мастера, организованные в цехи, отказывались даже обсуждать вопросы заработной платы совместно с ними.

Стачки в большинстве случаев оканчивались поражением рабочих, но они все же сыграли значительную роль в деле пробуждения отсталых слоев пролетариата к активной борьбе за свои права.

Во всем этом движении чувствовалось влияние парижского конгресса.

К этому времени относится решение рабочих о прекращении работ в день 1 Мая. Гамбургские металлисты принимают его 19 декабря 1889 года; 28 декабря—портные; в последующие 3 месяца к ним примыкают почти все

профессиональные союзы Гамбурга (портовые рабочие, токаря, плотники, столяры и т. д.). Такое же решение принимают рабочие почти во всех городах страны.

Подголоски хозяев, засевавшие в некоторых профсоюзных газетах, пытались направить движение по филистерскому руслу. 24 января в гамбургской газете «*Werftarbeiter*» была помещена статья Гросса и Берада¹, решительно осуждающая предлагаемое прекращение работ 1 Мая. Авторы утверждали, что нелепо бастовать в то время, когда предприниматели идут на уступки; они призывали к мирным переговорам с предпринимателями, считая, что лишь таким путем можно достичь 8-часового рабочего дня.

Однако это обращение представителей цеховой верхушки не поколебало рабочих. Свидетельством этому является протест 52 руководителей профсоюзов, помещенный 2 февраля в газете «*Hamburger Echo*». В протесте было заявлено, что этой статьей «оскорблено все рабочее движение». Через несколько дней в этой же газете появился призыв к прекращению работ 1 Мая.

2

В связи с предстоящими в феврале выборами в рейхстаг гамбургская социал-демократическая организация временно отложила обсуждение переомайской тактики до окончания избирательной кампании.

Выборы прошли с огромным успехом для социал-демократической партии. Она получила 1 427 323 голоса, заняв по количеству полученных голосов первое место. Гамбургские избирательные округа послали в рейхстаг исключительно социал-демократов.

Результаты выборов ясно показали, что правительственный блок (блок национал-либералов и консерваторов) потерпел поражение и что хотя исключительный закон против социалистов формально и не был еще отменен (срок его действия кончался 1 октября 1890 года), но он продлен не будет. Это означало, по выражению Энгельса, начало конца эры Бисмарка. Дей-

ствительно, через некоторое время после выборов Бисмарк должен был уйти с поста имперского рейхсканцлера.

Фактически исключительный закон уже не проводился, и результаты успешных выборов 20 февраля усилили революционное движение в передовых пролетарских центрах и укрепили решение рабочих не выходить на работу в день 1 Мая.

Социал-демократическая партия не была еще организационно перестроена: она сохранила форму организации, соответствовавшую периоду исключительных законов против социалистов. Единственным легальным органом была тогда фракция рейхстага, а во время роспуска рейхстага — центральный избирательный комитет. Эти организации являлись центральными органами германской социал-демократии до принятия нового устава на съезде в Галле.

Партийное руководство оставалось глухим к происходившему революционному брожению. Фракция и избирательный комитет не давали никаких директив и указаний. Массы готовы были к борьбе — вожди молчали. Среди рабочих нарастало недовольство тактикой молчания фракции.

Партия находилась в состоянии кризиса. К этому времени в рядах германской социал-демократии начала формироваться «левая» оппозиция анархического типа, выступавшая против парламентской борьбы и централизма в партии и докатившаяся до того, что обвиняла всю партию в перерождении. Она создавала свои фракционные центры, издавала нелегальные листовки, критиковала всю тактическую линию партии. На эрфуртском съезде (1891 год) лидеры ее были исключены из партии.

Оппозиция получила название «молодых» (молодые студенты, литераторы, составлявшие главным образом оппозицию, противопоставлялись старикам: Бебелю, Либкнехту, Зингеру). Активными деятелями ее были: Мюллер, Вернер, Вильдбергер и др. Энгельс в своей борьбе против «молодых» охарактеризовал оппозицию как «бунт студентов и литераторов».

Задолго до первомайского движения будущие руководители оппозиции вы-

¹ Bürger «Die Hamburger Gewerkschaften». Hamburg. 1899.

Восстание ткачей в Германии.

С гравюры Кэте Кольвинг.

ступали против тактической линии партии. Так, Вильгельм Вернер еще в 1885 году критиковал партийную линию и выступал против участия в выборах депутатов городского самоуправления.

Если недовольство рабочих передовых пролетарских центров Германии бывшей фракцией было вполне закономерным и выражало революционную струю пролетарского движения, то оппозиция стремилась использовать ошибки фракции и это недовольство как благоприятный момент для закрепления своих позиций в борьбе против партийного руководства.

Навязывая партии явно авантюристическую тактику в проведении первомайской забастовки, оппозиционные элементы пытались опереться на берлинскую организацию и противопоставить ее партийному руководству.

22 марта в «Berliner Volkstribune» появилось воззвание, подписанное некоторыми руководящими работниками берлинской социал-демократии и профсоюзов, призывавшее к прекращению работ 1 Мая. Наряду с оппозиционными элементами, как Шиппель, Багинский, воззвание было подписано и не-

которыми руководителями берлинской организации, ничего общего не имевшими с оппозицией «молодых» и в последующей борьбе решительно борющихся с оппозицией. Достаточно указать Цюбеля, Глоке и др.

Воззвание предлагало прежде всего местным организациям взять в свои руки инициативу в проведении 1 Мая и намечало план праздника: все производства приостанавливают работу; предприниматели своевременно оповещаются об этом; в середине дня созывается собрание по вопросу о 8-часовом рабочем дне. В местах, где нет сильных организаций, работа не прекращается, но собрания устраиваются. Далее, рекомендовалось развернуть большую петиционную кампанию. Был дан лозунг—собрать 2 миллиона подписей. Редакция брала на себя задачу—обеспечить проведение кампании необходимыми бланками.

Подобное обращение могло сыграть только отрицательную роль, ибо оно шло через голову руководства, не учитывало особенностей обстановки и только дезориентировало местные организации.

Надо сказать, что и газета «Der

Sozialdemokrat», руководившая германским рабочим движением во время исключительного закона и выходившая тогда в Лондоне при ближайшем участии Ф. Энгельса, также расценивала берлинское воззвание как шаг неправильный и дезориентирующий рабочее движение.

Казалось бы, что фракция, зная о стихийном движении масс, зная реальную обстановку в Германии и видя, что берлинское воззвание может нанести только вред рабочему движению, должна была, наконец, прекратить свое молчание и внести полную ясность в первомайскую тактику.

Но фракция продолжала свою пассивную политику.

Появившееся в «Berliner Volksblatt» 25 марта сообщение фракции, излагавшее ее точку зрения на обращение берлинцев, не отвечало по существу на стоявший перед рабочим движением вопрос и создало только еще большую путаницу. В этом коммюнике сообщалось, что старая фракция распущена и вопрос решит фракция нового состава. Обращение берлинских товарищей расценивалось в нем как вредное для общего дела выступление, ибо берлинцы в столь важном вопросе не потрудились запросить мнения партруководства, прежде чем выступить с самостоятельным воззванием. Не рекомендовалось предпринимать никаких шагов, пока фракция как представительница партии не выскажет своего мнения.

На другой день после опубликования этого сообщения появилось объяснение редактора «Berliner Volkstribune» М. Шиппеля¹. Он заявил, что поместил обращение берлинцев, так как считал, что согласование этого вопроса с партийным руководством является «делом несущественным». Выступление Шиппеля, открыто направленное против партийного руководства, не могло быть оставлено без внимания. На следующий день последовал ответ фракции. В нем партийное руководство обвиняло Шиппеля в непонимании духа партии и в нарушении партийной дисциплины.

Что касается воззвания фракции по

поводу 1 Мая, то фракция предполагала, что оно сыграет свою роль, если будет выпущено и за несколько дней до 1 Мая.

Правильно указывая на нарушение Шиппелем партийной дисциплины, фракция в то же время подменила весь вопрос о первомайской тактике и руководстве массовой работой вопросом о нарушении партийной дисциплины. Это само по себе свидетельствовало об известном отрыве фракции от масс и в свою очередь этот отрыв лишь усиливало.

Яркой иллюстрацией этого может послужить чрезвычайно интересное и важное собрание гамбургских рабочих, имевшее место 11 апреля 1890 года². С докладом о праздновании 1 Мая выступил депутат Форстер, указавший, что пока не достигнуто единство в способе проведения первомайской манифестации, многие организации решили этот вопрос поспешно, необдуманно, неправильно. Демонстрация сможет быть осуществлена только в том случае, если она будет единодушна. Поэтому он рекомендовал собранию не принимать никаких решений, пока фракция не скажет своего слова. Дисциплина, заявил он, требует подчинения каждого общему мнению.

Выступление Форстера не встретило сочувствия среди рабочих, критиковавших тактику молчания фракции. Если от нас требуют дисциплины, говорили рабочие, то пусть фракция покажет пример в этом отношении; если фракция выскажется только 15 апреля, то этим будет внесено лишь смятение в организации.

После долгого обсуждения и страстных прений было принято предложение депутата Метцгера ждать обращения фракции. Для выработки программы действия собрание избрало комиссию.

В Берлине ряд районных организаций выступил с осуждением позиции фракции. Социал-демократическое районное собрание 6-го избирательного округа единогласно выразило свое недовольство и постановило: «Энер-

¹ «Berliner Volksblatt» № 73 от 27 марта 1890 года.

² Bürger «Die Hamburger Gewerkschaften», S. 473—476.

лично выступить против позиции фракции, изложенной в 2 ее объяснениях»¹.

Приведенные факты достаточно наглядно показывают настроение рабочих в передовых центрах. Фракция должна была ускорить свое решение.

3

Наконец, в Галле была созвана конференция социал-демократической фракции вновь избранного рейхстага. 13 апреля было вынушено воззвание к германским рабочим. Оно было подписано всеми депутатами, за исключением Кунерта, находившегося в предварительном заключении.

Воззвание приводило решение парижского конгресса и указывало, «что способ осуществления демонстрации представлен на усмотрение рабочих различных стран». Однако воззвание подчеркивало, «...что на конгрессе не было и речи о том, чтобы 1 Мая была приостановлена работа. Если же подобное решение и было бы высказано, то оно натолкнулось бы на такое же сопротивление, как предложение об организации всеобщей стачки. Это предложение оспаривалось немецкой делегацией и было отвергнуто конгрессом»². Как видим, фракция отождествляла всеобщую стачку с прекращением работ в день 1 Мая. Дальше, фракция указывала на то, что «враги рабочего класса Германии предпримут все, чтобы вырвать плоды победы 20 февраля. Буржуазия возлагает большие надежды на 1 Мая; она надеется и ждет, чтобы демонстрация 1 Мая привела к конфликтам с государственной властью».

Позиция фракции чрезвычайно ярко характеризуется следующим местом возвания: «Германской социал-демократии нет необходимости устраивать смотр войскам после блестящей демонстрации и победы 20 февраля». Демонстрацию рекомендовалось провести в форме широких собраний, рабочих празднеств, сборов подписей для подачи петиций в рейхстаг по вопросам

¹ «Berliner Volksblatt» № 76 от 30 марта 1890 года.

² «Der Sozialdemokrat» № 16 от 19 апреля 1890 года.

Berliner
Volks-Tribüne.
Sozial-Demokratisches Organ.

«Берлинская народная трибуна». Титульный лист, посвященный вопросу о праздновании 1 Мая 1890 года.

рабочего законодательства в духе решений парижского конгресса, а там, где это возможно, без конфликтов произвести приостановление работ.

Фракция опасалась провокации со стороны правительства, которая могла бы вызвать продление исключительно закона. В этом она была совершенно права.

Но в то же время фракция готова была довольствоваться избирательной победой 20 февраля, не видя тем самым особенностей и значения самостоятельного международного пролетарского выступления.

Энгельс решительно выступил против подобного оппортунистического толкования задач рабочего движения. Воззвание фракции было, по выражению Энгельса, жалким, и в нем фракция обнаружила боязнь массового рабочего движения, которое могло бы вызвать озлобление правительства. Энгельс же высоко ценил начавшееся массовое движение в Германии. «...Прокламация парламентской фракции плоха, а глупость относительно

«всеобщей стачки» совершенно излишняя»¹, — писал он.

Совершенно ясно, что в первомайской тактике фракция допустила нерешительность, трусость, не направила по соответствующему руслу революционную активность масс.

По этому поводу Энгельс писал: «Рабочее движение должно быть продиктовано фактами жизни, в этом случае оно быстро развивается и быстрее всего, конечно, там, где одна часть пролетариата уже организована и теоретически развита, как например в Германии. Углекопы принадлежат нам потенциально и в силу необходимости: в рурском бассейне движение быстро растет, за ним последует ахенский и заарбекенский, а затем настанет очередь Саксонии, Нижней Силезии и, наконец, поляков Верхней Силезии»².

В то же время Энгельс предостерегал от всяких необдуманных шагов, которые позволили бы правительству продлить исключительный закон: «Для нас ведь не секрет, что прусские генералы 1 Мая охотно превратили бы в кровавое побоище»³. В последующих указаниях Энгельс возвращается к этому вопросу, предостерегая партию от необдуманных действий, так как господа офицеры ищут предлога, «чтобы показать молодому императору, что он напрасно медлит отдачей приказа открывать огонь. Это могло бы, однако, испортить все наши планы»⁴.

Энгельс считал, что при получении элементарных гражданских прав германская социал-демократия удивит весь мир «новым взрывом движения, который затмит собою 20 Февраля»⁵.

Запоздалое воззвание фракции, исходившее из оппортунистической боязни движения масс, не внесло единения в предстоящее выступление. В одном и том же городе стали выноситься совершенно различные реше-

ния. Создавалось крайне напряженное положение.

Руководители оппозиции «молодых» не сделали ни малейшей попытки достигнуть единства действия и выступали против воззвания фракции, чем вносили еще больший разброд в организации.

Активные деятели оппозиций: Рихард Багзинский, Клингер и Нидерауэр—видели главное назначение 1 Мая в проведении стачки, целью которой является свержение капитализма, считая стачку необходимым и достаточным средством для достижения конечной цели, т. е. социализма⁶.

Среди рабочих Берлина и Гамбурга воззвание фракции не получило одобрения. Рабочие стали самостоятельно готовиться к выступлению. Со своей стороны предприниматели также принимали меры и еще в марте призывали к организации локаута. Рабочие знали о предполагавшемся локауте и все же решили не отступать и принять борьбу. Появлялись различные предложения об отчислении части первомайской заработка для создания стачечного фонда.

В Гамбурге власти запретили демонстрации и всякие собрания 1 Мая. Руководители социал-демократической организации пытались уговорить рабочих не прекращать работу 1 Мая. На многотысячном рабочем собрании социал-демократ Мейер, выступавший от имени избранной первомайской комиссии, убеждал, что запрещение собраний в Гамбурге лишает первомайское выступление его внушительного характера, и предлагал присоединиться к петиционной кампании. Большинство выступавших рабочих отвергло предложение комиссии: «Если мы будем покоряться предпринимателям, то нас будут давить до последнего издыхания», — говорили они.

Ряд руководителей гамбургских профсоюзов, взявших на себя подготовку проведения 1 Мая, не понял всей сложности предстоящего выступления. Некоторые из них отрицали даже значение стачечного фонда, заявляя, что «против капитала рабочие не могут бороться капиталом, а только своей

¹ Письма Беккера, Дицгена, Энгельса и Маркса к Зорге, стр. 373. Изд. Дауге, М. 1913.

² Там же, стр. 367.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 373.

⁵ Там же, стр. 368.

⁶ «Berliner Volksblatt» № 94 от 23 апреля 1890 года.

Первомайский плакат.

Германия. 1890 год.

солидарностью». В этом сказалась их идейная незрелость.

Лишенные руководства, организации действовали вразброд. Не было создано организационного центра для осуществления первомайского выступления. Различия во мнениях давали себя сильно чувствовать.

Нужно отметить, что обстановка для развертывания борьбы с капиталистами была крайне неблагоприятной и в экономическом отношении. Подъем промышленности в первой половине 1889 года сменился резким упадком к концу года. При подобной хозяйственной конъюнктуре предприниматели рассматривали выступление рабочих как удобный повод для объявления локаута. И если рабочие не были достаточно объединены и организованы для проведения определенной тактической линии, то у предпринимателей была полная согласованность в действиях; к тому же они имели в своем распоряжении органы государственной власти.

Старому реакционеру Бисмарку принадлежит идея организации союзов предпринимателей для ведения борьбы с рабочими. На учредительном собрании гамбургских капиталистов Юлиус

Лахман указал причины, приведшие к необходимости создания подобной организации, и заявил, что предприниматели должны сами решать жгучий социальный вопрос, не дожидаясь, пока это сделает правительство. Благополучие рабочих он предлагал поднять при помощи... устройства народных кухонь, оказания помощи вдовам и т. п. средств. Эти «радикальные» мероприятия должны были, по его мнению, парализовать вредное возбуждающее влияние социал-демократов.

Все конфликты между капиталистами и рабочими должны разрешаться беспристрастно при помощи арбитров из «первых граждан». Таким образом будут ликвидированы стачки. Если же стачка все же становится неизбежной, то гамбургские предприниматели должны противопоставить рабочей организации свою, чтобы быть равными в борьбе.

Точка зрения Лахмана не встретила, конечно, возражений со стороны гамбургских капиталистов. Они единодушно постановили: «Нижеподписавшиеся пришли к решению уволить и рассчитать 2 мая рабочих, которые по причине социал-демократической демонстрации 1 Мая этого года не явятся на

работу или прекратят ее раньше времени, как нарушивших контракт»¹.

Для выработки дальнейшего плана действия был создан комитет под председательством Блома (владельца крупнейшей судостроительной фирмы), который должен был координировать все действия, связанные с проведением локаута. Союзы предпринимателей для борьбы с рабочими получили 2 миллиона марок; некоторые фирмы были настолько щедры, что вносили по 100 тысяч марок². Гамбургский сенат и прусское правительство также издали распоряжение об увольнении всех рабочих, занятых на государственной службе, принявших участие в первомайской забастовке.

Готовились и берлинские капиталисты. Происходившее в это время в Берлине совещание офицеров всех корпусов находилось в непосредственной связи с предполагаемым первомайским выступлением³. Был произведен ряд арестов.

В Гамбурге полиция пыталась сострять громко-провокационное дело, произведя обыск у сотрудника «Hamburger Echo» с тем, чтобы найти документы, якобы подтверждающие получение им из Бельгии 100 тысяч марок для поднятия восстания. Предприниматели и государственные власти действовали по единому плану.

Мелкие предприятия Гамбурга также объединились в союзы. В эти союзы входили мастера, имевшие наемную рабочую силу, подрядчики по перевозкам грузов, и т. д. Лишенные всякой самостоятельности, они выполняли волю крупных капиталистов, выступая в качестве душителй рабочего движения. Вместе с крупными предпринимателями они боролись против первомайского выступления.

Насколько был силен воинствующий пыл предпринимателей, видно из того, что еще до первомайского выступления многие предприниматели под угрозой локаута потребовали роспуска профессиональных организаций.

¹ Bürger «Die Hamburger Gewerkschaften». S. 484—485.

² Laufenberg «Geschichte der Arbeiterbewegung in Hamburg, Altona und umgegend». Zweiter Band.

³ «Der Sozialdemokrat» № 14 от 5 апреля 1890 года.

Несмотря на все усилия реакции первое празднование 1 Мая в Германии свидетельствовало о мощной победе пролетариата.

Полностью, на всех предприятиях, работа не была приостановлена ни в одном городе: в некоторых городах часть рабочих прекратила работу, другая часть прекратила работу с полудня,—но повсюду была проявлена величайшая организованность, воодушевление было необычайное.

В Берлине рабочие небольшими группами собирались на вокзале и уезжали за город. В Фридрихсгафене собралось около 8 тысяч человек. Рабочие приезжали вместе с женами, детьми. Они сами охраняли порядок, так как на многочисленных собраниях и сборищах полиции было бы нетрудно устроить провокацию. Целый ряд профсоюзов собирался в садах, в ресторанах. Внушительность демонстрации была очевидна. На деревьях, на телеграфных столбах кое-где появлялись красные флаги, но это не приводило к столкновениям с полицией.

Что касается правительства, то оно лишь ждало повода, чтобы приступить к расправе. В Потсдаме войска находилась в казармах в полной боевой готовности. Официальное сообщение телеграфного агентства, полученное из Данцига, гласило: «Скопление народа в общественных местах могло быть без затруднения рассеяно. Предполагавшиеся после полудня собрания запрещены. Площади сильно охраняются»⁴. «Arbeiter Zeitung»⁵ приводит ряд интересных фактов, свидетельствующих о страхе, охватившем буржуазию. В некоторых районах Берлина был поднят вопрос о прекращении занятий в школах, а заботливые хозяйки запасались продовольствием, углем и пр.

В Гамбурге, как и следовало ожидать, всеобщего приостановления работ не произошло, но все же несмотря на все угрозы предпринимателей на работу не вышло 20 тысяч человек (примерно 1/3 гамбургских рабочих). По

⁴ «Berliner Volksblatt» № 101 от 3 мая 1890 года.

⁵ «Arbeiter Zeitung» № 19 от 9 мая 1890 года.

профессиям наибольшее количество празднующих 1 Мая падало на каменщиков, плотников, строительных рабочих, рабочих верфей. Празднество вылилось в те же формы, что и в других городах: выезд за город, сборища в ресторанах, и т. д.

Предприниматели привели в исполнение свою угрозу: 2 мая 20 тысяч гамбургских рабочих были локаутированы. Крупнейшие предприятия прекратили свою работу; одна верфь Блома и Фосе уволила 1700 человек (примерно $\frac{2}{3}$ всех работавших на верфи).

Рабочие ответили на локаут стачкой. В течение всего лета стачечная борьба в Гамбурге характеризуется крайней напряженностью. Из борьбы за улучшение повседневных нужд она превратилась в борьбу за право коалиции рабочих. О размахе стачки можно судить по тому, что 8500 рабочих бастовало к концу мая, после того как значительная часть локаутированных была восстановлена на работе. Стачка стоила гамбургским профсоюзам 100 тысяч марок, не считая средств, поступивших со стороны.

Особенно широкий размах стачка приняла у строителей, грузчиков и рабочих газовых заводов. Стачечники требовали не только своего восстановления на работу, но и выдвинули ряд экономических требований.

Рабочие газовых заводов, требовавшие еженедельного свободного дня и восстановления локаутированных товарищей, оставили на некоторое время Гамбург без света, а предприятия, работавшие на газовых моторах, должны были прекратить работу. Полиция была поставлена на ноги. Ей было вменено в обязанность не допускать ухода оставшихся рабочих с газового завода. Каменщики требовали установления оплаты в 65 пфеннигов за час и 9-часового рабочего дня; портовые рабочие требовали установления рабочего дня с 6 часов утра до 6 часов вечера (отсюда можно сделать вывод о продолжительности рабочего дня до этого). Часть рабочих бастовала из чувства солидарности к локаутированным товарищам.

Требования были отклонены предпринимателями.

8 июля каменщики, учитывая небла-

Первомайский плакат. Германия. 1890 год.

гоприятную в экономическом отношении конъюнктуру и то, что средства для продолжения борьбы иссякают, согласились приступить к работе на старых условиях. Но хозяева настолько обнаглели, что поставили условием для возвращения на работу выдачу подписки о выходе из профессионального союза.

Такое требование было поставлено почти на всех предприятиях. На спиртоводочном заводе Гельдебинг-Вандсбек было прямо заявлено: «Мы не хотим терпеть организации рабочих, конечной целью которой является установление господства рабочих на фабрике».

Несмотря на крайне тяжелое положение рабочие отказались принять это условие.

Стачка продолжалась.

Предприниматели вместе с государственными властями разработали план борьбы со стачечниками. Повсюду были разосланы агенты для вербовки новых рабочих, главным образом из тех мест, где рабочие ничего не знали о гамбургской забастовке; преимущественно это были поляки, чехи, русские.

Для портовых работ вербовалась крестьянская масса из района Вислы и Одера.

Следующий факт характеризует роль властей в подавлении стачки и показывает, насколько детально был разработан их план. Пять столяров, имевших билет до Берлина, прибыли на Силезский вокзал. Кондуктор, услышав, что они направляются в Гамбург, поспешил заявить, что им не надо переезжать на другой вокзал: «Вы без билета доедете до Шарлоттенбурга, а оттуда — в Гамбург»¹.

Такая предупредительность кондукторов объясняется тем, что в Берлине рабочие могли узнать от социал-демократических агитаторов о действительном положении в Гамбурге и вернуться домой.

Гамбургская стачка с самого начала имела крупное политическое значение.

Но социал-демократическая партия не сразу оценила серьезность обстановки в Гамбурге и значение стачки. По-настоящему она начинает поддерживать стачку лишь тогда, когда предприниматели поставили условием для обратного принятия стачечников на работу выход из профсоюза.

Со стороны рабочих гамбургская стачка встретила самое горячее сочувствие. Во всех крупных центрах начался массовый сбор пожертвований. Наряду с денежной помощью рассылались агитаторы в Силезию и Померанию, которые сообщали о гамбургской стачке и таким образом предупреждали возможность вербовки рабочей силы среди местного населения.

Гамбургскую стачку рабочие рассматривали как дело всего германского пролетариата.

Однако поддержка германского пролетариата, еще не оправившегося от исключительного закона и не имевшего достаточно сильной организации, при крайне неблагоприятной общей обстановке не смогла оказать достаточной помощи гамбургским рабочим.

Стачка кончилась поражением.

Несмотря на это гамбургская стачка вписала яркую страницу в историю борьбы германского пролетариата. Под влиянием стачечного движения на

партейтаге в Галле был поставлен вопрос об отношении к стачке и бойкоту. Как докладчики, так и резолюция принципиально признали стачку как необходимое, правда, лишь оборонительное орудие, направленное против посягательств господствующих классов на политические и экономические права рабочих. Съезд рекомендовал организовывать профессиональные союзы там, где они еще не были созданы.

Успех профсоюзной работы выразился в созыве общегерманской конференции профсоюзов, создавшей союзный центр в лице генеральной комиссии.

* * *

На всем ходе первомайской борьбы 1890 года в Германии можно видеть половинчатую, трусливую политику фракции. Зингер и Либкнехт под влиянием критики должны были несколько раз признать, что они поздно выступили с воззванием, допустив тем самым ошибку в первомайском вопросе. Дальнейшие события показали, что оппортунистическая боязнь революционного выступления пролетариата в день 1 Мая была не случайной для руководства германской социал-демократии. Из году в год оно все больше выхолащивало революционную сущность 1 Мая, стараясь превратить его в мещанский праздник. Уже в следующем году руководство переносит празднование 1 Мая на первое воскресенье, придав в дальнейшем на основе решения брюссельского конгресса II интернационала (1891 год) первомайскому пролетарскому празднику лишь экономический характер.

Но германский пролетариат остался верен своим революционным традициям. Революционное пролетарское знамя, поднятое им в 1890 году, он с честью пронес через все годы борьбы за пролетарскую революцию в Германии.

Загнанные в подполье германским фашизмом, борясь против его ига, германские рабочие продолжают проводить свой пролетарский праздник 1 Мая, высоко поднимая красное знамя интернациональной пролетарской солидарности.

¹ «Berliner Volksblatt» № 169 от 24 июля 1890 года.

Ф. Шулунов

БУРЯТСКИЕ НАЦИОНАЛ- ДЕМОКРАТЫ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В БУРЯТО-МОНГОЛИИ

1

История знает немало фактов, когда бурято-монголы выступали с оружием в руках против царизма. Но эти выступления до проникновения капиталистических отношений в Бурято-Монголию происходили неорганизованно, под руководством отдельных феодалов и шаманов. Именно этой неорганизованностью и объясняется тот факт, что местные восстания подавлялись без большого труда, с присущей царскому правительству жестокостью.

Национально-освободительное движение бурято-монголов приняло совершенно иную форму, когда во главе движения встала нарождающаяся национальная буржуазия, создавшая свои политические организации.

В начале XX столетия в Бурято-Монголии возникают: «Союз бурятских учащихся», «Партия прогрессивных бурят», «Общество просвещения бурят», «Улан-туг» (красное знамя) и т. д. Все эти организации выражали интересы национальной буржуазии; впоследствии они вошли в историю бурято-монгольского народа под названием «национал-демократических».

Целью национал-демократизма была организация «Великого Монгольского государства» из всех народов монгольского происхождения, на началах буржуазно-националистического правопорядка. Разумеется, в своей практической работе национал-демократы направляли острие своего ору-

жия только против колониальной политики военно-феодалного империализма России, но отнюдь не против местных феодальных элементов. Наоборот, был установлен прочный союз с частью ноенатства и ламством (феодалные элементы).

Ко времени создания национал-демократических организаций бурято-монгольское батрачество было еще малочисленно, а национального промышленного пролетариата и совсем не было.

Возможность проводить свою политику облегчалась для национал-демократов еще и тем обстоятельством, что до 1920 года в Бурято-Монголии не было массовой большевистской организации, которая вела бы за собой широкие слои трудящихся. Отдельные большевики из бурят и большевистские группы, образовавшиеся в 1917 году, не успели развернуть свою работу до того, как советская власть была свергнута, и им пришлось бежать, а частью уйти в глубокое подполье. Благодаря этому национал-демократизм занимал до 1920 года господствующее положение в Бурято-Монголии.

По своему политическому существу все национал-демократы считали себя эсерами. Не даром они блокировались в период гражданской войны с другими мелкобуржуазными реакционными партиями. Не случайно бурятский национальный комитет, организованный после февральской революции и руководимый национал-демократами, писал в 1918 году в центросибирский совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов:

«Центрнацком стоит за привлечение анархистов, максималистов и правых социалистических партий к работе в советах, а посему решительно против агрессивных выступлений советской власти по отношению к буржуазным элементам...»¹.

Первым шагом национал-демократов по пути к их «великой» цели—созданию «Великого Монгольского государ-

¹ Центральное архивное управление БМАССР, ф. № 21, д. 49 Центрального национального комитета.

ства»—была организация сомонных (сельских), хошунных (волостных) и аймачных (уездных) дум, земских управ и национального комитета в Чите с отделением в Иркутске.

Оформлялись эти организации на совещаниях и общепурятских с'ездах. Все эти мероприятия проводились при советской власти в порядке использования прав, данных декларацией советского правительства о национальном самоопределении. Правда, эти органы самоуправления явочным порядком начали образовываться еще при Временном правительстве, но фактически им признаны не были.

Великая пролетарская революция освободила угнетавшиеся царизмом национальности. Перед национальными организациями Бурято-Монголии открылись широкие возможности. Бурято-монголы получили право создавать государственные организации и укреплять существующие органы самоуправления. Советские органы Сибири всячески поддерживали и поощряли автономистские движения бурято-монгольского народа. По этому вопросу исполнительный комитет совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов Забайкальской области в своем постановлении от 3 июля 1918 года за № 40 говорит:

«I. Признать создавшиеся в процессе революционного строительства и преобразования после Октябрьской революции органы управления и суда бурято-монголов в сомонах (селениях), хошунах (волостях), аймаках (уездах), областях и Центральный бурятский национальный комитет публично правовыми учреждениями советской власти со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями и существующими на территории бурято-монголов автономно.

III. Определение пределов автономии бурято-монголов и формы ее представить решению учредительного с'езда бурято-монгольских совдепов (сугланов) и особой согласительной комиссии из одинакового числа представителей с'езда и областного исполкома...»¹.

Таким образом, советская власть принимала все меры к тому, чтобы поощрять развитие национальных орга-

нов бурято-монгольской автономии. Не исполком, вынеся это решение, полагал, что автономное строительство пойдет по советскому пути, надежды же, сначала приветствовавшие решения советских органов по национальным вопросам, понимали их по-своему и не думали поставить свои национальные органы на платформу советской власти. Так например Центральный национальный комитет в своем обращении «ко всем бурято-монголам» от 9 апреля 1918 года писал:

«Нами была выдвинута согласительная формула: признание советской власти при условии сохранения органов земского управления, созыва нового учредительного собрания и установления контакта с союзными державами... Власть советов и учредительного собрания по существу, по духу, для нас мыслится однородной, одинаковой, ибо какое значение могут иметь при 800 членах учредительного собрания 10—20% представительства цензовых элементов... С другой стороны, власть советская есть власть не всенародная, что лишает ее внешнего престижа»².

Как видим, надежды предпринимали реальные шаги для соединения в одно целое двух прямо противоположных систем государственной власти — диктатуры пролетариата с диктатурой капитала. Понятно, данная ими «согласительная формула» потерпела поражение, причем надежды усиленно подчеркивали, что ответственность за провал падает, конечно, на большевиков.

2

Когда на территории Страны советов началась гражданская война, руководители Национального комитета и Народной думы—надемы—встали на сторону врагов советской власти и большевизма. Вся их деятельность была направлена на то, чтобы не допустить советизации своих учреждений. Один из вождей национал-демократизма, Э. Д. Ринчино, писал председателю Народной думы своему соратнику Сампилону:

«Мы, буряты, и только мы сумели по всей России сохранить органы, избран-

¹ Архив БМАССР, ф. № 21, д. 21.

² Цит. по брошюре, изданной в Чите в 1918 году.

ные всеобщим голосованием, мы и только мы не допустили в своей среде анархии и большевистской свистопляски. Теперь мы должны опереться на японцев и Семенова»¹.

Таково было истинное лицо национал-демократизма.

Повторяем, конечно, нацдемы и их вожди были за гражданскую войну, но за такую войну, которая велась бы против большевизма и советской власти. Однако, чтобы скрыть свою политику от массы трудящихся бурят, они выступали против советской власти весьма дипломатично.

Практически они всячески препятствовали работе советских органов по мобилизации революционных сил против наступающей контрреволюции. Они все время декларировали, что бурято-монголы — нация маленькая, что она ни в коем случае не должна вмешиваться в гражданскую войну, особенно против «народного демократизма» и т. д.

По вопросу гражданской войны с'езд «представителей» бурято-монгольского населения, состоявшийся в Иркутске в апреле 1918 года, вынес такое постановление:

«В деле выполнения этой задачи свою скромную долю с'езд мыслит как самое тесное, деловое сотрудничество со всеми демократическими и революционными организациями нашего края, причем такое сотрудничество, при котором абсолютно исключалось бы участие бурят в гражданской войне, ибо такое участие неминуемо испортит наши добрососедские отношения с теми или иными группами местного русского населения, расколотого ныне гражданской войной...»².

Нацдемы открыто говорили о невмешательстве в гражданскую войну и были озабочены тем, как бы не испортить «добрососедские» отношения и деловое сотрудничество с «демократическими (т. е. контрреволюционными, антибольшевистскими) организациями».

Но разговоры о мире и невмешательстве в гражданскую войну были только маскировкой. На самом деле, прикрываясь этими разговорами, они

Лицо национал-демократизма Бурято-Монголии.
Карикатура Ю. Цивилевского.

подготавливали население к войне и к вооруженному выступлению против советской власти. Так например, когда исполком советов признал желательным призыв на военную службу бурято-монголов трех возрастов (21—22—23 лет), Нацком на своем заседании от 29 апреля 1918 года признал постановление исполкома о мобилизации бурят в ряды Красной армии неприемлемым и решил ходатайствовать перед Совнаркомом РСФСР об отмене его и предоставлении бурято-монгольскому народу права на организацию боевых дружин.

Это решение было проведено через заседание с'езда, постановившего: «Организовать при местных организациях боевые дружины «Улан-Сагда». Задачи этих дружин... борьба с национальной контрреволюцией, анархией и грабителями на местах»³.

Против кого было направлено это постановление и каких «грабителей» имели в виду нацдемы, явствует из их донесения челябинским белогвардейским властям от 20 сентября 1918 года за № 963, где говорится:

«Грабителями и погромщиками большею частью являлись организованные большевистские войска»⁴.

«Улан-Сагда» должна была, по замыслу ее организаторов, вести борьбу на местах против большевизма.

¹ Архив Б.М.АССР, ф. № 21, д. 5.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 19, л. 36.

С другой стороны, организацией «Улан-Сагда» нацдемы хотели избежать мобилизации бурят в ряды Красной армии, укрепление которой означало укрепление советской власти и усиление обороноспособности края.

Чтобы подтвердить наш вывод, мы сошлемся еще на один документ. Э. Д. Ринчино на общепурятском съезде, состоявшемся в Верхнеудинске, после падения советской власти, 21 ноября 1918 года говорил:

«Центрнацком, а значит и я вовсе не были сторонниками большевистской мобилизации бурято-монголов. Если же бурято-монголы отделались сравнительно легко, то только исключительно благодаря организации «Улан-Сагда», что являлось предотвращением большевистской мобилизации.

Избавление народных масс от насильственной мобилизации в ряды Красной армии является одной из важнейших и существенных заслуг Нацкома и его руководителей перед народом. Сохранением аймаков в виде островков в море бушующей кругом анархии и междоусобицы Советской России Бурято-Монголия исключительно обязана Нацкому, энергии и дальновидности, решительной тактике и искусной дипломатии его руководителей»¹.

О том, как встретили нацдемы падение советской власти в Восточной Сибири, красноречиво говорится в протоколе Агинского аймачного (уездного) земского собрания гласных от 6 октября 1918 года, где записано следующее:

«Выразить благодарность председателю Нацкома Ринчино и члену Жамсарано за самоотверженную деятельность по отношению защиты национального управления от покушений советской власти...

Для охраны населения и производства розысков и арестов большевиков, а равно выселения разночинцев и примыкающих к ним лиц из пределов аймака пригласить на продолжительное время отряд охраны, желательно команды хорунжего А. Чистохина...»².

Если нацдемы до прихода белогвардейцев и интервентов выступали против гражданской войны, то после переворота они стали самыми яркими и активнейшими ее сторонниками. Так например Бурнацком в своем воззвании в августе 1918 года писал:

«Эту трудную задачу в тесном единении с союзниками и совместно с армией свободолюбивых чехов выполняет наше Сибирское временное правительство, выделенное Сибирской областной думой, но наше правительство с успехом выполнит свою задачу только в том случае, если в его распоряжении будет сильная дисциплинированная армия, армия, горячо преданная интересам возрождающейся новой обстановкой жизни Сибири и ее народов.

Если этой армии мы, сибиряки, не сумеем создать, то не будет ни великой свободной России, ни автономной Сибири, ни свободы сибирских народов...

Поэтому ваш Национальный комитет призывает вас, граждане буряты, в первую голову интеллигенцию, не занятую в национальных организациях и школах, записаться через ближайших воинских начальников в добровольную армию Сибирского временного правительства и образовать в ваших хошунах и аймаках национальные отряды и батальоны...»³.

Из этой цитаты мы видим, что нацдемы не только призывали бурято-монголов участвовать в гражданской войне против советской власти, но пели хвалу чехословацким и японским войскам. Они готовы были продать родину кому угодно, лишь бы победить большевистскую революцию.

О подобных господах Ленин писал: «Мы всегда говорили, — и революции это подтверждают, — что, когда дело доходит до основ экономической власти, власти эксплуататоров, до их собственности, дающей в их распоряжение десятки миллионов труда рабочих и крестьян, дающей возможность наживать в их помещичьих интересах; — когда, повторяю, дело доходит до частной собственности капитали-

¹ Архив БМАССР, ф. № 21, д. 7.

² Там же, д. 20, л. 168.

³ Бурархив, ф. № 21, д. 4.

стов и помещиков, они забывают все свои фразы о любви к отечеству и независимости. Мы прекрасно знаем, что кадеты, правые эсеры и меньшевики по части союза с империалистскими державами, по части заключения грабительских договоров, по части предания родины англо-французскому империализму побили рекорд»¹.

Бурятские Керенские, Черновы и Мартовы не отставали от своих русских собратьев — меньшевиков, эсеров и кадетов. Когда были затронуты интересы кулаков, ноенов и лам, нацдемы пошли на союз с интервентами, встали на путь предания своей страны (главным образом японскому империализму). Вот почему они из «невинных агнцев» превратились в воинствующих врагов на другой же день после падения первой советской власти.

Однако организацией отрядов и батальонов нельзя было ограничиться. У нацдемов не было руководящих военных кадров, которые могли бы встать во главе формирующихся национальных белогвардейских частей. Перед ними встал вопрос о создании командных кадров из бурято-монголов. Этот сложный вопрос нацдемы разрешили при помощи своего союзника — кровавого атамана Семенова. Семенов организовал в Даурии так называемую «Школу бурято-монгольских юнкеров». Начальником этой школы и руководителем был назначен один из адъютантов Семенова. Нацком и Народная дума комплектовали слушателей в Даурскую школу путем разверстки по аймакам и добровольного набора из рядов националистически настроенной кулацкой молодежи.

Народная дума в своей телеграмме от 19 февраля 1919 года за № 288 на имя Баргузинской аймачной думы писала:

«Срочно принудительно отправить десять наиболее зрелых интеллигентов распоряжением Нардумы зачисления юнкерскую школу снабдив путевками счет Нардумы тчк Положение наше лучше».

Эта телеграмма была послана ввиду циркулярного распоряжения по аймакам. После того как Народная дума

убедилась, что в Бурятии нашлось очень мало добровольцев, желающих стать семеновскими офицерами, она встала на путь насильственной мобилизации «зрелых интеллигентов», т. е. людей с «зрело контрреволюционным» мировоззрением.

В этой области кровавый атаман Семенов работал рука об руку с вождями национал-демократов.

Вообще по вопросу гражданской войны расхождения между Семеновым и нацкомовцами не было. У них установилась тесная связь на основе общности интересов борьбы с революцией. Семенов послал своего представителя на общепурятский съезд для приветствия тех людей, которые чуть ли не прочли его в будущие императоры «Великого Монгольского государства». Тронутый теплыми словами представителя Семенова, общепурятский съезд, состоявшийся 21 сентября 1918 года в Верхнеудинске, послал атаману приветственную телеграмму буквально следующего содержания:

«Общенациональный съезд бурято-монголов, выслушав приветствие Вашего представителя, приносит Вам благодарность за помощь нашим беженцам в Монголии, приветствует Вас как стойкого борца с большевиками за государственность и выражает уверенность, что Вы и в дальнейшем не откажете в поддержке наших национальных интересов»².

Так установился контакт между интервентами, Семеновым и национал-демократами. Стремясь доказать свою преданность контрреволюции на деле, Нацком не постеснялся встать на путь шпионажа и предательства. Например в своем отношении от 19 октября 1918 года на имя читинских белогвардейских властей он писал:

«Центральный бурятский национальный комитет сообщает, что по последним сведениям со времени водворения советской власти в Агинском аймаке организовалась большевистская группа бурят во главе с Болдано Жамсарановым, Цыден Дагдаевым, Доржаб и Будожаб Доржиевыми и Базаром Намсараевым. Все вышеуказанные лица принимали активное участие в раз-

¹ Ленин. Т. XXIII, стр. 158.

² Бурархив, ф. № 21, д. 62.

«контакт» между интервентами, Семеновым и национал-демократами.

Карикатура Ю. Цешевского.

блении Цугольского дацана отря-
 ! Каларандашвили.
 В настоящее время все поимено-
 ные лица, за исключением аресто-

ванного Базара Нажалова, скрываясь от розыска, прибыли в г. Читу, где и проживают. Просьба дать распоряжение об их розыске и аресте»¹.

Однако атамана Семенова все это еще не удовлетворяло. Политическая линия Нацкома казалась ему слишком демократичной и не удовлетворяющей требованиям черной реакции. Тогда нацдемы пошли еще дальше по пути компромисса и связи с контрреволюцией. Было решено распустить Национальный комитет, не понравившийся Семенову, и образовать почти в том же составе Народную думу².

Народная дума начала свою деятельность с попытки создания вооруженной силы. В своем обращении к бурято-монгольскому народу тотчас же после общебурятского съезда она пи-

«Призвать в народные бурятские сагды (слово «улан» — красный — исчезло к этому времени. — Ф. Ш.) бурят и казаков бурятского происхождения, создав из них первый оплот для защиты нашей родной земли. Призывая благословение премудрого Будды на верность службы дорогой родине всех поступающих в ряды сагды, Народная дума, исполняя свой долг перед отечеством, счастлива приветствовать первых витязей родного края во исполне-

¹ Архив БМАССР, ф. № 21, д. 19, л. 36.
² Читинский национальный комитет был реорганизован в ноябре 1918 года. Вновь возникшая Народная дума не была признана Иркутским отделением Нацкома. Иркутское отделение с тех пор стало называться самостоятельным нац-

ние ими священного долга по защите родной земли для блага и мирного процветания своего народа»¹.

Это воззвание было только первым шагом. Нацдемы ставили себе целью насильственную милитаризацию массы трудящихся и даже оказывание всего бурято-монгольского населения. Все эти мероприятия они думали провести при помощи и содействии Семенова. Это видно хотя бы из письма Ринчино к Сампилону:

«Относительно создания военной силы я думаю теперь так: придется использовать Семенова и провести меру принудительно. Без милитаризации масс, повидимому, у нас ничего не выйдет»².

Массовая милитаризация мыслилась в виде перехода бурято-монголов в казачество и строительства национальных учреждений по типу казачьих. Но провести мероприятия по милитаризации масс нацдемы не смогли. Широкие массы трудящихся категорически отказались идти против большевиков.

Характерно то, что трудящиеся массы окончательно отшатнулись от «своих» национал-демократических вождей именно после того, как нацдемы открыто встали на путь семеновщины.

Но это фиаско нацдемы старались компенсировать поддержкой самого атамана Семенова и японских империалистов.

«Создание Центрального азиатского государства на границе Китая в Сибири, — пишет Ринчино Сампилону, — по мнению старого Нацкома, казалось соответствующим интересам Японии. Монголы и другие народы Центральной Азии слишком примитивны и изъедены буддийским клерикализмом и мало годятся как активный материал для создания этого государства. Здесь мы, буряты, наиболее культурная сравнительно нация, сыграли бы и сыграем, повидимому, большую роль. Я думаю, что японцы это вполне правильно учитывают. Если на нас обращают внимание японцы, эти практики до мозга костей, то это не даром, и можно ска-

зать без всякого самообольщения, что мы что-нибудь да значим. Вообще за время революции наше значение и престиж поднялись в высшей степени. Если в общем и приблизительно эти предложения сойдутся с намерениями японцев, контакт наладится сам собой: Япония, значит, и Семенов, поддержат наши автономистические тенденции»³.

Этот документ еще раз подтверждает, что нацдемы, лишившись поддержки народных масс, искали ее у японцев и Семенова. Империалистическая, грабительская политика хищнической Японии оказалась для них вполне приемлемой.

4

Однако делу милитаризации не помог и сам пресловутый атаман Семенов. Широкая масса трудящихся категорически отказалась от мобилизации. В Бохане (для западных бурят) и в Чите (для восточных) были созваны почти одновременно два съезда, на которых стояли вопросы о мобилизации.

Съезд представителей бурято-монголов Забайкалья состоялся в Чите 22—30 октября 1919 года. На нем присутствовали представители Семенова: генерал-майор Мунгалов и полковник Шадрин; позднее пожаловал на съезд и сам Семенов.

Один из активных участников съезда, некий Бамба-Цыренов, в своих воспоминаниях пишет: «Атаман Семенов предлагает перевести слова Джембиева (Джембиев в своем выступлении говорил, что пославшее его общество уполномочило его заявить протест против перевода бурят в казачество. — Ф. Ш.). Выслушав словесный перевод (в смягченной форме) заявления Джембиева, Семенов принимает свирепый вид и заявляет, что теократы (Джембиев был теократом) есть злокачественный нарыв на здоровом теле, что они сторонники большевиков-коммунистов. Затем, возвысив голос, кричит Джембиеву: «Выходи отсюда вон, будешь арестован» — и затем, во время выхода Джембиева из рядов заседания, кричит собранию, что, если собравшиеся здесь делегаты последуют примеру Джембиева, все они, как сторонники красных, будут арестованы. В зале заседания

¹ Бурархив, ф. № 21, коллекции документов.

² Там же.

³ Там же.

замечается переполох, затем Семенов покидает собрание...»¹.

После приведенных слов неудивительна следующая запись в одном из протоколов:

«Председатель, открывая заседание, говорит, что некоторые делегаты опасаются репрессий за высказанные ими взгляды по поводу перехода в казачество»².

Как указано выше, предполагалось перевести всех бурят в казачество, главным образом в целях борьбы с усиливающимся к тому времени партизанским движением. Фактически этому вопросу была в основном посвящена вся работа с'езда. Представители Семенова, генерал Мунгалов и полковник Шадрин, и сам Семенов в ультимативной форме настаивали на разрешении вопроса в положительном смысле, прибегая то к угрозам, то к обещаниям.

Между Семеновым и нацдемами по этому вопросу было установлено трогательное единство мнений.

Однако ни угрозы, ни заманчивые обещания не могли поколебать представителей народной массы, твердивших все время, что они не уполномочены самим населением на окончательное решение вопроса и поэтому не могут сказать ни «да» и ни «нет». С'езд разошелся, приняв коротенькую резолюцию, рассчитанную на оттягивание вопроса.

Но все же под давлением нацдемов с'езд вынес другое решение, в котором говорилось:

«2. Дать господину походному атаману дальневосточных казачьих войск 2000 всадников сроком службы на шесть месяцев для оказания помощи в деле возрождения родины и восстановления ее могущества...»

5. Просить г. походного атамана о возрождении деятельности Даурской школы прапорщиков для подготовки офицерского состава из интеллигентных бурят...

Просить походного атамана дальневосточных казачьих войск генерала Семенова из призванных бурято-казачков образовать бурятский полк и

укомплектовать таковой исключительно бурятами...»³.

Боханский с'езд представителей западных аймаков, состоявшийся в улусе Бохане 1—4 ноября 1919 года, оказался более решительным чем Читинский. Выступившие на с'езде представитель управляющего губернией Яковлев - Турунов и представитель 2-го Забайкальского казачьего полка в Иркутске хорунжий Подойницын требовали от с'езда дать бойцов добровольно, угрожая в противном случае насильственной мобилизацией.

Хорунжий Подойницын прямо признал, что «опыт привлечения бурят в ряды армии добровольцами не удался, но что участие их в деле охраны страны и водворения в ней порядка необходимо»⁴.

Представители населения категорически отказались дать бойцов в белую армию. Решено было не давать ни одного солдата.

Осталось еще одно средство — насильственная мобилизация бурято-монгольской молодежи в ряды белой армии. Национал-демократы решили встать на этот последний путь с использованием того же атамана Семенова. Но и это средство оказалось непригодным.

Это отмечал впоследствии сам Ринчино:

«Почва для интервенции, — пишет он, — была подготовлена самым наилучшим образом, и бурято-монгольские умеренные демократические слои попали в объятия японцев и Семенова, увлекая за собой и часть масс... Бурято-монголы, затертые в самом нутре японо-семеновской интервенции и окруженные со всех сторон погромно-агрессивными элементами местного русского крестьянства, принуждены были подписать своего рода брестский договор с японо-семеновскими интервентами. Но здесь они остались верны общей революционной линии. Когда Семенов издал приказ о мобилизации бурято-монголов, из 4 аймаков Забайкалья 2 аймака категорически отказались дать бойцов»⁵.

¹ Рукопись хранится в научной библиотеке г. Улан-Удэ в рукописном отделе.

² Бурархив, ф. № 21, д. 55.

³ Там же.

⁴ Там же, д. 57.

⁵ «Жизнь национальностей» № 11 от 28 мая 1921 года, статья Ринчино.

«Трогательное единство». Нацдемы при помощи семеновцев оказывают давление на народных представителей.
Карикатура Ю. Цившевского.

В своем письме Ринчино клеветает на русского крестьянина, «забывая», однако, сказать, что он тогда боролся против своего же народа в угоду интервентам. Кроме того он по странной случайности «забыл» также упомянуть, что провал приказа атамана Семенова был одновременно политическим провалом национал-демократических вождей, в том числе и самого Ринчино, ибо этот приказ был составлен в канцелярии Народной думы.

История дает маленькую справку, прямо противоположную утверждениям Ринчино. Соглашение с японо-семеновскими интервентами было подписано не бурято-монголами, а вождями национал-демократов. И этот договор широкая масса трудящихся, верная общей революционной линии, отвергла. Революционные массы шли, по существу, большевистской дорогой.

Ринчино же пытается доказать, что якобы по их (национал-демократов) настоянию аймаки не давали бойцов атаману Семенову.

5

Не нацдемы и их вожди, а революционная масса трудящихся Бурято-Монголии сумела дать отпор зарвавшимся политическим авантюристам и банкротам. Она не дала увлечь себя в контрреволюционную войну против советской власти. Она понимала, куда ведет линия национал-демократизма, и великодушно сознавала, что концы политической программы национал-демократизма находятся в руках Семенова и японцев, достаточно зарекомендо-

вавших себя как палачи трудящихся за время двухлетнего господства на территории Дальнего Востока. Поэтому революционная масса трудящихся восстала против власти авантюристов и интервентов в 1919—1920 годах и рука об руку с революционным пролетариатом под руководством коммунистической партии пошла по пути социалистической революции и вымела из страны всех интервентов и контрреволюционеров, в том числе и вождей национал-демократизма.

Большевистская организация Бурято-Монголии дала совершенно иное направление национально-освободительному движению. Национальный вопрос был разрешен в духе ленинско-сталинского учения, в результате осуществления которого ныне цветет и развивается Бурято-Монгольская автономная социалистическая советская республика.

Но бурятским большевикам разрешение национального вопроса удалось не так-то легко. Как указано выше, до 1917 года в Бурято-Монголии не было массовой большевистской организации. После Октябрьской социалистической революции в улусах (селах) формируются первые большевистские группы, и лишь в начале 1920 года из этих групп складывается большевистская организация Бурято-Монголии.

Только что возникшие большевистские группы борются на местах за власть советов. В Иркутске работает бурятская группа большевиков во главе с тов. Сахьяновой. Эта группа с са-

мого начала своего возникновения боролась с национал-демократизмом и с его идеей бурятской буржуазно-националистической автономии. Особенно острая борьба вокруг национального вопроса развертывается в период первой советской власти в Сибири, когда вожди национал-демократов пытаются использовать национальную политику советского правительства в своих националистических целях.

В последних числах апреля 1918 года был созван упомянутый выше бурятский с'езд в Иркутске. На этом с'езде группа бурятских коммунистов дает бой нацдемам. За четыре дня до открытия бурятского с'езда в газете «Власть труда» была помещена статья лидера группы бурятских большевиков тов. Сахьяновой. Она писала:

«Ни для кого не секрет, что предстоящий губернский бурятский с'езд явится ареной борьбы двух ярко выраженных течений среди бурятской интеллигенции по двум основным вопросам. Во-первых, по общеполитическим вопросам — с момента признания и поддержки власти советов, во-вторых, по национальному вопросу — в связи с конструкцией власти. Отсутствие последовательно-революционных элементов среди бурят давало возможность до сих пор правосоциалистическим националистам монополюльно пользоваться инертностью и забитостью бурятских масс для получения санкции своим беспочвенным иллюзиям. Но победоносно развивающаяся революция вербует себе сторонников из среды трудящихся и эксплуатируемых масс бурятской нации. Пробуждается бурятская беднота в лице левых бурятских социалистических групп. Они дадут первый бой правым национал-социалистам на предстоящем бурятском с'езде, чтобы затем перенести эту борьбу в улусы и хошуны...

Перед нами, группой бурятских коммунистов (большевиков), стоит задача большой важности — задача бороться не только за власть советов, но и за III интернационал»¹.

Примерно ту же мысль высказала она на самом с'езде. Тов. Сахьянова добавляла далее, что бурято-монголы в

момент развития социалистической революции не могут отгородиться своими национальными организациями от общего хода революции, а должны, наоборот, смело встать в ряды рабочих и революционной части крестьянства всей страны и вместе с ними строить жизнь «на началах революционного социализма».

Как указано выше, с'езд фактически был кулацким, и им руководили нацдемы. Ясно, что такой с'езд не мог сочувствовать большевикам и советской власти. Предложенная большевистской группой резолюция была отвергнута абсолютным большинством голосов. За резолюцию голосовали несколько человек из бедноты и двое рабочих-бурят Черемховских каменноугольных копей. Большевистская группа демонстративно покинула с'езд, опубликовав декларацию, в которой она констатировала предательство нацдемов и апеллировала к бурято-монгольской бедноте.

Опорой большевистской группы послужили не только улусная беднота и батрачество, но и революционная часть бурятского казачества, только что вернувшаяся с западного фронта и с самого начала Октябрьской социалистической революции вставшая на сторону советской власти. На общем собрании казаков-бурят, состоявшемся 2 февраля 1918 года по вопросу о бурятской автономии, было вынесено следующее решение:

«Зная, что интересы бедноты всех национальностей одинаковы, что только в единении трудящихся всех стран их сила, что буржуазия, отгораживаясь перегородкой национальной автономии, надеется крепче схватить за горло «всю» бедноту, — мы призываем бурятскую бедноту стать крепкой стеной против буржуазно понимаемой «автономии» и создать бурятские советы...»².

Правда, бурятские большевистские группы еще не совсем ясно разбирались в вопросах национальной политики; это видно хотя бы из того, что нигде не сказано точно о советской автономии, но тем не менее заслугой их было то, что они боролись против

¹ Газета «Власть труда» от 21 апреля 1918 года.

² Газета «Власть труда» № 26 за 1918 год.

той формы буржуазно-националистической автономии, которая проповедывалась нацдемами.

Борьба большевиков на бурятском съезде была только началом. Впоследствии центр тяжести этой борьбы был перенесен в улусы, на места. Но генеральное сражение было оттянуто ввиду мятежа чехословацких войск. Под ударами объединенных сил внутренней и внешней контрреволюции в мае—июне 1918 года пала советская власть в Иркутской губернии. Падение советской власти спасло нацдемов от окончательного поражения и дало им возможность оставаться господами положения до 1920 года. Вот почему нацдемы с таким восторгом встретили «свобододобивых чехов».

Но большевики в подполье продолжали свою работу и готовились к новому наступлению. Первые два месяца ушли на восстановление организаций, на установление связей между ними. Вся работа по организации вооруженных восстаний и партизанского движения велась под руководством Сибирского областного комитета партии, который с свою очередь работал под непосредственным руководством ЦК РКП(б).

В Иркутске сразу же после падения советской власти был создан подпольный губернский комитет партии во главе с тов. Ширямовым. От бурятской группы большевиков в Иркутский комитет вошел тов. М. Н. Ербанов, нынешний секретарь Бурято-Монгольского обкома партии. В 1919 году тов. Ербановым была организована при комитете бурятская секция. В нескольких улусах работали большевистские группы. В улусе Кондое был организован районный комитет партии во главе с В. И. Трубачевым. Сильная большевистская группа существовала в улусе Бохане. Такие же группы были в Мольке, в Олари и других местах. В конце 1919 года эти организации подготовили захват власти на местах и установили советскую власть.

Бурятская партийная организация не только оказывала материальную и моральную помощь начавшемуся партизанскому движению, но и сама принимала в нем активное участие. Буряты, группами и в одиночку, уходили

ли в партизанские отряды и организовывались в самостоятельные бурятские отряды. Боханская организация выделила в конце 1919 года кавалерийский отряд под командованием тов. Балтахинова, впоследствии погибшего в борьбе с белобандитами. Такой же отряд был организован Кондойским комитетом.

К началу 1920 г. советская власть была восстановлена в западной части Бурято-Монголии. Восточная часть Бурятии оказалась на территории буферной Дальневосточной республики. Земские управы были в Советской Бурято-Монголии распущены; в начале января 1920 г. был распущен и Нацком.

Бурятские большевики все время вели решительную борьбу с идеей бурятской буржуазно-националистической автономии, проповедуемой нацдемами. Но они, в том числе и автор данных строк, допустили в этой борьбе левачьи перегибы, выдвигая лозунг отказа от всякой автономии. На одном из заседаний бурятских коммунистов в конце 1920 года при Бурятской секции Иркутского губкома была принята резолюция по национальному вопросу, в которой была сделана попытка теоретически обосновать отрицательное отношение большевиков к бурятской автономии. В 1921 году тов. Ербанов ознакомил с этой резолюцией товарища Сталина, который отметил ошибочность решения бурятских большевиков и дал указание немедленно исправить ошибку.

На основе указания товарища Сталина, бурято-монгольская партийная организация изменила свою позицию по национальному вопросу и приступила к организации Бурятской автономной области. В 1923 году, по упразднении ДВР, была организована Бурято-Монгольская автономная социалистическая советская республика.

Бурятские нацдемы при организации автономной республики еще раз попытались использовать в своих интересах национальную политику ленинско-сталинской партии и протащить свои буржуазно-националистические идеи, но они получили должный отпор и с тех пор окончательно сошли с политической арены.

В. Шмидт

У ИСТОКОВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

ПОЛЬШИ И ЛИТВЫ

Конец 80-х годов и последнее десятилетие прошлого века отличались бурным ростом фабрично-заводской промышленности во всей Российской империи и в особенности в Царстве Польском. Растет текстильная промышленность, возникают новые металлургические заводы и рудники, развивается промышленность переработки сельскохозяйственных продуктов. В течение последних лет минувшего столетия стоимость продукции фабрично-заводской промышленности выросла больше чем вдвое. Начинается огромный прогресс в области развития техники, находящий свое выражение прежде всего в колоссальном развитии механизации. В 1892 году мощность механического оборудования (в лошадиных силах) в Царстве Польском составляла 32% мощности всей Европейской России.

Капиталистические предприятия начинают принимать форму акционерных обществ, которые множатся с необыкновенной быстротой, охватывая все основные отрасли промышленности¹. Уже в 1900 году акционерные общества сосредоточивают в своих руках половину всего промышленного производства Царства Польского.

Одновременно начинается процесс сращивания банковского капитала с промышленным.

Мощное развитие фабрично-завод-

¹ В 1897 году было 100 акционерных обществ, в 1900 году — 135 и в 1901 году — 157.

ской промышленности поглощало огромные массы пролетаризирующегося крестьянства и пауперизированных ремесленников, значительно увеличивая численность рабочего класса. В 1897 году число рабочих, занятых в предприятиях с количеством рабочих не ниже 50, составляло 250 тысяч, в 1900 году это число достигло почти 290 тысяч. Хотя такие предприятия составляли лишь половину общего числа фабрик и заводов, их продукция давала $\frac{7}{8}$ промышленной продукции всей страны.

Рабочие крупной промышленности концентрируются в это время главным образом в трех отраслях промышленности: текстильной, металлургической и горной, — причем наибольший удельный вес имеет текстильная промышленность, охватывающая около половины общего числа рабочих (свыше 115 тысяч).

Рабочий класс начинает играть серьезную роль в политической жизни страны.

Рабочее движение.

„Союз польских рабочих“

К концу 80-х годов рабочее движение начинает принимать массовый характер. В 1889 году в центре рабочего движения того времени — Лодзи — возникает пролетарская организация «Союз польских рабочих», который берет в свои руки руководство повседневной экономической борьбой рабочего класса. Во главе «Союза» стоят наборщик Генрих Вилькошевский, слесарь Ян Ледер и бывший член «Пролетариата»² Юлиан Мархлевский, начавший свою революционную деятельность уже в 1887 году.

«Союз» быстро охватил своей деятельностью ряд промышленных городов Польши: Варшаву и Сосновец (металлисты), Лодзь, Пабьянице, Згерж, Жирардов и Прушиков (текстильщики), Домбровский бассейн (шахтеры).

«Союз польских рабочих» создает массовые рабочие организации: многочисленные «кассы сопротивления»,

² Первая революционная партия польского рабочего класса (1881 — 1886).

стачечные кассы, кассы взаимопомощи, профессиональные союзы и рабочие библиотеки. Особенно быстро развивались «кассы сопротивления», которые становятся опорными пунктами в стачечной борьбе рабочих. Лодзинские «кассы сопротивления» насчитывали в 1890 году около 600 членов, а в 1891 году они охватывали уже несколько тысяч человек. Варшавские «кассы сопротивления» в течение нескольких месяцев в 1891 году собрали около 1000 рублей, хотя членский взнос составлял всего 20 коп. в месяц; за это же время кассы истратили 935 рублей на поддержку стачечной борьбы. Правления «касс сопротивления» выпускали нелегальные воззвания, информирующие о финансовом положении кассы, об успехах их деятельности по линии стачечной борьбы и призывали к вступлению в кассы.

«Союз польских рабочих» распространял многочисленные для того времени листовки и брошюры. К числу наиболее распространенных принадлежали брошюры: «Рабочий день», «Кто чем живет», «Праздник 1 Мая» и другие. Но самыми распространенными были брошюры «О кассах сопротивления» и «Устав общей кассы сопротивления», изданные в Варшаве в 1891 году на польском и немецком языках¹.

В своих нелегально издаваемых воззваниях и на нелегальных собраниях, созываемых в городе и за городом, «Союз польских рабочих» призывал к стачечной борьбе за повышение заработной платы и сокращение 14 — 16-часового рабочего дня. Начиная с 1890 года «Союз» выдвинул требование 8-часового рабочего дня.

Вскоре «Союз польских рабочих» завоевал себе большую популярность среди рабочих главных промышленных центров Царства Польского.

Но, организуя пролетариат на борьбу за непосредственные повседневные нужды рабочих, «Союз» не увязывал экономической борьбы пролетариата с его политическими задачами, с задачей свержения царского самодержавия и дальнейшей борьбой за победу

¹ По материалам Архива революции в Москве. Деп. полиции VII, № 258, 1891.

социализма. В начале своей деятельности «Союз» организовал только экономическую борьбу пролетариата, недооценивая значение политической борьбы (социалистическая пропаганда велась лишь в небольших кружках).

Отсутствие строгой конспиративности и руководящих центров отрицательным образом отзывалось на организационном состоянии «Союза», представлявшего рабочее общество, доступ в который был весьма нетруден. Широкая гласность и громоздкая отчетность облегчали работу жандармов. Этим объясняются массовые аресты, обрушившиеся на «Союз» в 1891 — 1892 годах.

Возникнув на почве быстрого роста массового рабочего движения, «Союз» был организацией, проникнутой стихийностью молодого рабочего движения. Хотя в конце своей деятельности «Союз» все больше переходит на путь политической борьбы, все же он никогда не сумел подняться до уровня подлинной социал-демократической организации.

Несмотря на это «Союз» имел большое историческое значение как первая организация массового рабочего революционного движения. «Союз» первый ввел празднование 1 Мая (начиная с 1890 года); он руководил многочисленными массовыми стачками в 1889—1892 годах², борясь за сокращение рабочего дня и повышение заработной платы. В результате стачки, проведенной на Привислянской железной дороге, железнодорожники добились 10-процентной прибавки.

К осени 1891 года относится организация первых профессиональных союзов; в одной лишь Варшаве образовалось в 1891 — 1892 году 10 профессиональных союзов, которые развернули широкую деятельность.

«Союз» борется против нового фабричного законодательства и издает

² В 1890 году, в день 1 Мая, бастовало в одной лишь Варшаве 8 тысяч рабочих, в 1891 году бастовало: в Варшаве — 8 тысяч, в Лодзи и Жирардове — 9 тысяч, в 1892 году всеобщая забастовка в Лодзи, Пабяницах и Згерже охватила свыше 80 тысяч рабочих.

в 1891 году воззвание по этому вопросу.

Царское правительство с возрастающим беспокойством следит за расширяющимся массовым движением рабочих и всячески преследует его. Растет число политических процессов, увеличивается количество лиц, привлекаемых к ответственности за революционную деятельность. В то время как в 1890 году аресты носят еще единичный характер, в последующие годы они становятся массовым явлением.

Обостряющиеся конфликты между рабочими и буржуазией, пользующейся прямой защитой властей, повышали классовую сознательность пролетариата и влияли на изменение характера борьбы «Союза польских рабочих».

✓ С 1892 года «Союз» начинает направлять свою борьбу против политического строя царизма. Огромное влияние оказали здесь кровавые события в Жирардове в мае 1891 года, и в особенности революционное движение в Лодзи в мае 1892 года, где имели место длительные массовые и кровавые бои с войсками. Благодаря работе «Союза» революционное движение перебросилось также вскоре в Домбровский бассейн (рудники «Ренард», «Андрей», «Флора»).

Несмотря на все усиливающиеся репрессии, которые на некоторое время дезорганизовали рабочее движение в Царстве Польском, социалистическая агитация и пропаганда ни на минуту не прекращаются. Массовая стачечная борьба наглядно показала значение классовой солидарности рабочих и классовый характер правительства. Движение все в большей степени приобретает политический характер. Об этом свидетельствуют воззвания «Союза» 1892 года, которые выдвигают лозунг политической борьбы за свержение самодержавия как главной преграды в развитии революционного движения. Значительную роль в деле направления деятельности «Союза польских рабочих» в сторону политической борьбы сыграл Юлиан Мархлевский — один из наиболее видных его организаторов и деятелей.

В начале 1893 года «Союз» вос-

организации и включает в свои ряды рабочих из «Пролетариата», которые под влиянием роста массового рабочего движения перешли на позиции «Союза», принявшего уже определенно политический характер.

В конце 80-х и начале 90-х годов значительно усилилось влияние польского национализма на рабочий класс. После разгрома «Пролетариата» и «Народной воли», в период усилившейся реакции, начинает развиваться патриотическое движение в Царстве Польском.

В связи с быстрым развитием промышленности в России обостряется конкуренция русских и польских капиталистов. Перед польской буржуазией, связанной с восточными рынками, открывается только один путь — явного соглашения с царизмом.

В то же время национальный гнет самодержавия создавал почву для постоянного недовольства среди средней и мелкой буржуазии. Идеологи ее — мелкобуржуазная интеллигенция, для которой политические условия Царства Польского не давали никаких надежд на применение ее сил в области хозяйства и управления страной, сделали носителями этих националистических стремлений.

Но национальный гнет прежде всего отражался на интересах широких рабочих и крестьянских масс, для которых национально-освободительная борьба была тесно связана с революционной борьбой против всего капиталистического строя. Патриотические буржуазные течения пытаются направить революционное национально-освободительное движение в националистическое русло. Приняв «народническую» позу, пытаясь говорить от имени крестьянских масс, а затем и рабочих, они выдвигают программу отторжения Царства Польского от России.

Группа эмигрантов-интеллигентов, бывших членов «Пролетариата», ориентируясь на обострение международных конфликтов, в особенности на нарастающую угрозу русско-германской войны, делает попытку протащить в рабочее движение Польши лозунг «независимости Польши». Революционные же элементы «Пролета-

риата», объединившиеся с «Союзом», стояли на позициях интернационализма.

Возникновение социал-демократии Польши

После короткой, но ожесточенной борьбы с патриотическими элементами, пытавшимися привить классовому рабочему движению националистический лозунг «независимости Польши», социал-патриоты были удалены из партийной организации, и, чтобы окончательно отмежеваться от них, партия приняла 30 июля 1893 года название польской социал-демократии, а впоследствии — социал-демократии Царства Польского. Ее организаторами были: Бронислав Веселовский, Юлиан Мархлевский, Казимир Ратынский, Станислав Кулик, Теофил Властовский, Станислав Палинский, Адольф Келза, Людвиг Красусский и другие. Кадры СДП состояли главным образом из бывших членов «Союза польских рабочих», который был фактически ее предшественником.

Почти в то же время (в июне этого же года) была основана в Париже Юлианом Мархлевским, Розой Люксембург и Адольфом Варшавским (Варским) социал-демократическая газета «Справа работнича»¹, унаследовавшая политические традиции «Союза». Партийная организация в Польше и редакция «Справа работнича» заключили соглашение, на основе которого «Справа работнича» становилась изданием СДП и ее центральным органом при условии, что она будет верна партийной позиции². «Справа работнича» имела важнейшее значение для выработки программно-тактических и организационных принципов партии и идеологического сплочения рядов СДП. Каждый номер газеты действовал как таран, разрушающий пепеэсовскую идеологию «независимости» Польши.

Руководящую роль в формировании взглядов партии сыграла Роза Люксембург, глава редакции «Справа работнича» и теоретик СДП с момента

¹ Первый номер «Справы работнича» вышел в июле 1893 года.

² «Справа работнича» № 2 за август 1893 года. Париж.

Роза Люксембург.

ее основания. Большое влияние имел также Леон Иогихес (Ян Тышка), бывший народоволец, член группы «Освобождение труда», связанный с членами «Пролетариата», который, находясь в постоянном контакте с Розой Люксембург, принимал непосредственное участие в редактировании всех важнейших материалов, помещенных в «Справа работнича».

Возникшая в борьбе против социал-патриотизма, СДП с первого момента своего существования высоко держит знамя пролетарского интернационализма. Когда в июне 1893 года пепеэсовцы выпустили за границей воззвание³ о праздновании 100-летней годовщины восстания Костюшки, призывая к образованию «Фонда 1894 года», рабочие дали им достойный ответ в августовском «Извещении» 1893 года. В пепеэсовской демонстрации памяти Костюшки 17 апреля 1894 года принимала участие только незначительная часть мелкобуржуазной интеллигенции, а СДП дала в специально изданной прокламации надлежащий отпор националистам из ППС. Майская брошюра 1893 года, издан-

³ Напечатано также в органе ППС «Пжедсвит». Серия III, № 6 за июнь 1893 года. Значительная часть тиража этой листовки была сожжена варшавскими рабочими.

Разгон демонстрации в Варшаве 1 мая 1900 г. Зарисовка Ю. Цишевского из польского журнала.

ная «Союзом заграничных польских социалистов», тоже не встретила сочувствия среди пролетариата и была уничтожена варшавскими рабочими.

СДП ведет широкую массовую работу и борется за повседневные экономические требования рабочих, организует рабочие «кассы сопротивления» и профессиональные союзы, являющиеся прикладными ремнями партии к широким массам пролетариата. Но одновременно с этим СДП развивает широкую пропаганду и агитацию за свержение самодержавия и за завоевание конституции в совместной борьбе с пролетариатом всей России, конкретно увязывая ее с массовой экономической борьбой. Это подчеркивание необходимости политической борьбы совместно с рабочим классом всей империи и отличает главным образом СДП от ее предшественника — «Союза польских рабочих».

Ранний период социал-демократии Польши

В раннем периоде своей деятельности (1893 — 1894 годы) СДП расширяет и укрепляет позиции, завоеванные среди пролетариата «Союзом». В это время СДП тесно связана с про-

летариатом крупной текстильной промышленности, металлургической, горной и пищевой. Организация имеет прочные опорные пункты в Варшаве, Лодзи, Жирардове, Белостоке, Домброве, Стараховицах, Сосновицах, Заверце, Радоме.

Особенно активны и многочисленны были организации в Варшаве, Лодзи и Жирардове.

В Варшаве был руководящий центр партии с Брониславом Веселовским («Феликс Малиновский») во главе. Центральной техникой руководил Станислав Палинский («Стах»), который держал также непосредственную связь с редакцией «Справы работница», через Ю. Мархлевского, находившегося тогда в Цюрихе.

Большую активность развивала также организация в Жирардове, в состав ее входили главным образом рабочие Жирардовской мануфактуры. Партийная организация состояла в 1893 году из трех кружков. После ноябрьских арестов того же года эти кружки были по инициативе варшавских руководителей реорганизованы в два кружка по профессиональному принципу. Во главе партийной орга-

низации стоял Ян Цепляк, впоследствии участник I съезда, руководивший также местной рабочей «кассой сопротивления».

На фоне разрастающейся по всей России общей стачечной волны развиваются массовые выступления, экономические стачки, первомайские демонстрации и в Царстве Польском. Руководящую роль в этих выступлениях и стачках играет СДП. Экономические стачки в прядильной, металлургической и горной промышленности в марте 1893 года, стачки в этом же году в Варшаве, Домброве, Ченстохове, Томашове, Заверце, Белостоке, события на лодзинской фабрике Гейнцель — Куницер в июне 1893 года (рабочих заставили силой приступить к работе) и крупная забастовка в Заверце (5 тысяч рабочих), ряд демонстраций в связи с похоронами (похороны Яна Ледера, одного из организаторов «Союза»), кампания по вопросу о введении рабочих книжек в Домбровском угольном бассейне — таковы главные моменты организационно-политической деятельности СДП в 1893 — 1894 годах, сильно поднявшие авторитет и значение партии как организатора боев польского пролетариата.

СДП вела широкую агитационную, организационную и пропагандистскую работу, проникая почти во все промышленные центры Царства Польского. Почти всюду, где СДП имела связь с рабочими, проникает «Справа рабочника», листовки распространяются в тысячах экземпляров. Так например сентябрьская прокламация 1893 года по поводу оживления в металлургической промышленности была выпущена в количестве 2500 экземпляров. Тираж первомайских прокламаций был еще больший. Широкое распространение имели «Устав профессиональных союзов 1894 года», брошюра на русском языке «Первое мая 1892 года, четыре речи еврейских рабочих», «Речь Алексева» и «Программа социал-демократической группы «Освобождение труда». Это свидетельствует о влиянии русского рабочего революционного движения на социал-демократию Царства Польского, что нашло также отражение в программе и деятельности СДП.

I съезд социал-демократии Польши

Фактом первостепенного значения в истории рабочего революционного движения Царства Польского явился I съезд СДП, состоявшийся в Варшаве 10—11 марта 1894 года¹.

Съезд был подготовлен редакцией «Справы рабочника» и в первую очередь Розой Люксембург. Накануне съезда состоялось в Цюрихе совещание редакции с главными руководителями СДП: Веселовским и Ратынским. Съезд придал партии форму единой и централизованной организации рабочего класса, принял политическую программу партии согласно программной статье в № 1 «Справы рабочни-

¹ На съезде принимали участие: 1) Бронислав Веселовский, 2) Роман Ратынский, 3) Максимилиан Козловский, 4) Владислав Ольшевский от варшавской организации, 5) Роман Боднарк, 6) Иосиф Ластковский, 7) Ян Цепляк, 8) Иосиф Гроликовский от Жирардовской организации и 9) С. Р. из Варшавы, фамилию которого не удалось установить. Большинство делегатов — рабочие.

Юлиан Мархлевский.

Бронислав Веселовский.

ча» в июле 1893 года ¹ и «Отчета» цюрихскому конгрессу.

Съезд подвел итоги политического и организационного опыта социал-демократического движения в Царстве Польском с момента основания «Союза польских рабочих» в 1889 году, до момента, когда классовая сознательность пролетариата и под'ем классовой борьбы переросли прежние организационные формы и программные основы, когда образовалась централизованная социал-демократическая партия с программой, выросшей на почве непосредственного политического и организационного опыта предыдущего периода. Хотя съезд не сумел законченно сформулировать всех принципов и принял ряд неправильных положений, тем не менее он имел огромное значение для дела координирования работы всех организаций и членов СДП, для установления единства в их агитации и всей политической деятельности вообще.

Борясь со всей решительностью против националистического лозунга «независимости Польши», старающе-

¹ «Политические требования рабочего класса», «Справа работница» № 4 за июль 1893 года.

гося совратить рабочее движение с позиций революционного марксизма, съезд прежде всего подчеркнул огромное значение совместной борьбы с революционным пролетариатом России. Резолюция его гласит: «Свержение самодержавия и завоевание демократической конституции, которая гарантировала бы рабочему классу наибольшее влияние на дела государственные, на положение дел в крае и волости, являются настолько же жгучей потребностью пролетариата России, как и пролетариата Царства Польского... соединение усилий польского и русского пролетариата сумеет ускорить исполнение этих политических задач» ².

Политическую борьбу за свержение самодержавия СДП увязывает с конкретной массовой борьбой за повседневные нужды пролетариата, выдвигая постоянно как конечную цель борьбу за социализм. «Эта программа (программа борьбы с абсолютизмом. — В. Ш.) вытекает как из потребностей повседневной экономической борьбы пролетариата, так и из его социалистических стремлений вообще» ³.

Эта позиция, подтвержденная в резолюции, единогласно принятой съездом, сделалась одной из главных и основных линий, определяющих направление деятельности СДП (позже СДП и Л), и явилась показателем ее пролетарского интернационализма.

Но наряду с этим СДП, возникшая как партия революционного марксизма, большой заслугой которой является неумолимая борьба с национализмом ППС и внедрение принципов пролетарского интернационализма, стояла по ряду основных вопросов революции на ошибочной позиции — позиции люксембургизма. Узловым пунктом ошибок СДП было неправильное отношение к проблеме власти и движущим силам революции.

СДП следующим образом характеризовала цель своей борьбы:

² Протоколы I съезда СДП. «Справа работница» № 10 за апрель 1894 года.

³ Отчет III международному социалистическому конгрессу в Цюрихе, 1893 (польский вопрос и социал-демократическое движение), стр. 173—177. Краков, 1905.

«Рабочие должны добиваться такого правительства, при котором они имели бы полную свободу агитации и на которое они могли оказывать все большее влияние»¹. При этом СДП указывает на германских рабочих, старающихся провести в законодательный орган — рейхстаг — «как можно большее число социал-демократов», как на пример того, как надо добиваться такого правительства. Тогда, по мнению СДП, будет образовано правительство, «избираемое всем народом, правительство, прислушивающееся к голосу всего народа и дающее ему свободу, защиту и законы»². Это свидетельствует о том, что в СДП были сильны иллюзии западноевропейской парламентарной демократии и не были до конца изжиты элементы «экономизма», которые влекли за собой недооценку роли буржуазного государства в его борьбе против революционного пролетариата.

Программный доклад, построенный главным образом на аргументах Эрфуртской программы, содержит элементы теории стихийности и автоматического краха капитализма. «Хаос и все более частые кризисы приближают этот момент (т. е. социализм.— В. Ш.). Капиталистическое хозяйство станет скоро совершенно невозможным. Рабочие явятся тогда на помощь обществу и введут новое плановое хозяйство с производством, рассчитанным на удовлетворение потребностей без купли и продажи»³. Докладчик устранил классовую борьбу из процесса общественного развития капитализма, естественное якобы развитие которого приведет к такому состоянию, что капиталистическое хозяйство «станет совершенно невозможно» и тогда на помощь обществу «явятся» рабочие и т. д. Элементы стихийности процесса развития, несомненно, имеются уже у колыбели ОДП и Л как выражение влияния идеологии II интернационала.

¹ «Наше отношение к русским рабочим». «Справа работнича» № 7 за январь 1894 года.

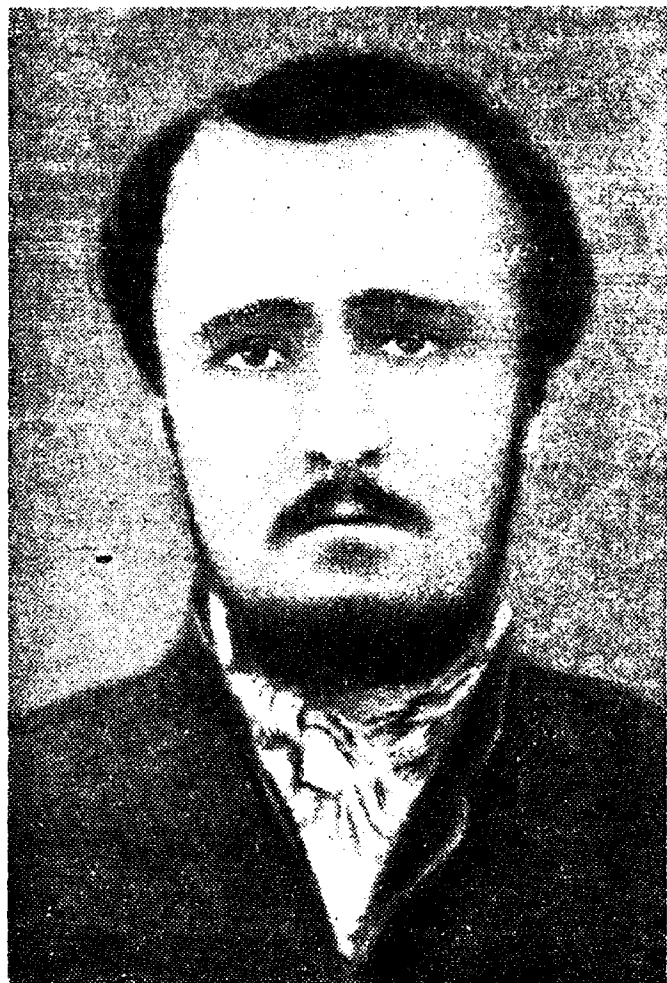
² «Политические задачи польского рабочего класса». «Справа работнича» № 1 за июль 1893 года.

³ Протоколы I съезда СДП. «Справа работнича» № 10 за апрель 1894 года.

В прениях по программе на I съезде выявилось расхождение во взглядах по вопросу о политических лозунгах. Ратынский, докладчик по вопросу о программе, и ряд делегатов защищали принцип выделения требования свободы коалиций, стачек, собраний и т. д. и отделения их от требования демократической конституции, доказывая, что эти требования могут быть осуществлены еще до завоевания демократической конституции. Веселовский с группой делегатов защищал другую точку зрения, доказывая, что выделение требования права коалиции могло бы создать иллюзию, что рабочие могут без революции, без свержения самодержавия добиться коренных политических реформ, обеспечивающих дальнейшее развитие классовой борьбы пролетариата. Съезд не разрешил этого спора, оставив вопрос открытым.

Источники реформистских взглядов, высказываемых на I съезде Ратынским и другими, коренились в наследстве, полученном от «Союза польских рабочих», и в идеологических положениях II интернационала. В основе этих взглядов лежали недооценка роли государства как защитника интересов имущих классов, иллюзия возможности преобразования самодержавного строя в конституционное и демократическое государство мирным путем. Эти взгляды, вытекающие из немарксистского понимания роли государства в борьбе классов, находили нередко выражение на столбцах «Справы работнича», что, безусловно, ослабляло борьбу пролетариата с самодержавием.

Значительные расхождения выявились также по вопросу о праздновании 1 Мая. Докладчик Веселовский при поддержке нескольких делегатов со всей решительностью ставил вопрос о необходимости празднования 1 Мая несмотря на правительственный террор, доказывая, что майское выступление является очень серьезным средством революционной мобилизации рабочих масс. Однако нашлись делегаты, высказавшиеся против первомайской забастовки. Против безусловного прекращения работы в день 1 Мая выступили прежде всего жирардовские делегаты: Цепляк и Гро-

Ян Цепляк.

ликковский. Они ссылались на жестокие репрессии, которым подвергся жирардовский пролетариат после известной кровавой первомайской забастовки в 1891 году, продолжавшейся четыре дня. Один из представителей Варшавы настаивал на том, чтобы празднованию 1 Мая придать мирный характер. Он доказывал, что первомайская забастовка «может повлечь за собой массовое увольнение, что со своей стороны будет иметь очень плохие последствия для движения и празднования мая в будущем»¹.

Однако эта позиция потерпела поражение, так как из 10 участников съезда 7 голосовали за обязательное празднование путем приостановления работы. Но все же надо сказать, что хотя этот реформистский тон и не преобладал в агитации и пропаганде СДП и Л, тем не менее он неоднократно проявлялся в отдельных статьях в органе партии, сеявших иллюзии относительно успешности мирных демонстраций, мирных методов борьбы и противопоставлявших их вооруженной борьбе. Это затруд-

¹ Протоколы I съезда СДП. «Справа работница» № 10 за 1894 год.

няло борьбу за революционное воспитание масс и защиту интересов польского пролетариата.

СДП, которой чужда была идея гегемонии пролетариата, не признавала революционного значения союза рабочих и крестьян, рассматривая на том этапе крестьянство как «опору» самодержавия. Не удивительно поэтому, что ни докладчик по вопросам программы на I съезде, ни прения по этому докладу не уделили ни слова крестьянскому вопросу.

СДП отрицала значение национально-освободительного движения широких масс, не видя в этом движении революционного фактора. Национально-освободительное движение, являясь, согласно взглядам СДП, пережитком начального периода развития капитализма, тормозит лишь и затемняет революционную борьбу единственно революционного класса капиталистического общества — пролетариата. Занимая такую позицию по вопросу о национально-освободительном движении, СДП уменьшала действенность своей борьбы против социал-патриотизма.

В основе взглядов СДП и Л на польский вопрос лежало механистическое понимание процесса капиталистического развития. Правильно подчеркивая, что промышленность Царства Польского выросла в связи со сбытом на русских рынках, СДП делала из этого ошибочный вывод о полном слиянии экономических интересов России и Царства Польского, отождествляя интересы польских и русских имущих классов. СДП недооценивала ни антагонизма между ними, ни противоречия между сравнительно высокой степенью развития польского капитализма и абсолютистским политическим строем царизма.

I съезд СДП имеет несмотря на все это большое историческое значение для дальнейшего развития социал-демократического движения в Царстве Польском, так как это был первый съезд рабочей марксистской партии, которая дала польскому революционному движению программу и единое, централизованное руководство, исходя в общем по ряду важнейших вопросов из правильных положений.

СДП как первая марксистская партия революционного пролетариата Царства Польского

СДП, ведя революционную борьбу рабочего класса, имела большое влияние среди фабрично-заводского пролетариата. Роль ППС в период I съезда СДП была незначительна. Если не считать интеллигентских групп и «руководящего» центра, ППС не имеет никаких серьезных позиций среди рабочего класса. Это признает сам ЦК ППС в своем отчете III съезду 26 июня 1895 года: «В организационном отношении дело обстоит у нас плохо, настолько плохо, что ни о какой борьбе думать не можем, пока не исправим состояния организации, пока не устраним перспективы естественной смерти ППС»¹.

Революционная деятельность СДП скоро обратила на себя внимание жандармерии. Первые аресты начались в октябре 1893 года в лодзинской организации. Было привлечено к суду 9 человек, и главные деятели были приговорены к тюремному заключению или ссылке. Из жандармских материалов следует, что лодзинская организация, связанная непосредственно через Красусского и Сементковского с редакцией «Справы работника», составляла тогда руководящий центр СДП.

В октябре 1894 года массовые аресты снова обрушились на организации СДП в Лодзи, Жирардове и Варшаве. В Лодзи было арестовано около 30 человек. Характерно, что во время обыска вместе с номерами «Справы работника» конфискованы были многочисленные русские листовки. Самые многочисленные аресты происходили в Варшаве, где было арестовано около 80 человек. Среди арестованных оказались почти все участники I съезда, ряд других партийных деятелей, а также рабочие-активисты, организаторы и агитаторы. Конфискованные во время обыска у Ратынского материалы свидетельствуют о том, что СДП намечала в 1895 году созыв II краевого съезда, на котором долж-

Демонстрация польской с.-д. партии в 1893 г. Один из числа пущенных по реке Висле флажков с надписью «Долой самодержавие». «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

но было быть представлено значительное число местных организаций.

Эти массовые аресты нанесли тяжелый удар СДП. Нормальное развитие организации в следующие годы, в годы общего спада рабочего движения, было заторможено.

С 1896 по 1899 год существовали только социал-демократические группы, деятельность которых сводилась к пропагандистской работе в кружках рабочих и молодежи.

Быстрый рост польского рабочего класса на базе бурного развития промышленности в конце 90-х годов обострил классовые противоречия и вызвал новый подъем революционного движения пролетариата.

Пролетариат все больше спланивает свои ряды; восстанавливается краевая организация СДП, которая разворачивает огромную массовую работу, подготавливая почву для грядущих боев и побед.

¹ «Материалы по истории ППС». Ч. 1-я, стр. 142. Издательство «Жизнь». Варшава. 1907.

МАРТОВСКИЕ БОИ

1921 ГОДА В ГЕРМАНИИ

1

1919 — 1920 годы ознаменовались в Германии вооруженными боями пролетариата, который пытался захватить в свои руки политическую власть и установить диктатуру пролетариата в форме советов. Эти вооруженные выступления пролетариата были потоплены в крови. Решающие завоевания ноябрьской революции 1918 г. в связи с установлением военной диктатуры и белого террора в важнейших промышленных районах были ликвидированы. Рабочие были разоружены. Революционные советы распущены и разогнаны, и буржуазно-государственный аппарат в основном вновь восстановлен.

Классовое господство буржуазии все более и более укреплялось. В среднегерманской промышленной области, особенно в той ее части, которая в дальнейшем стала центром мартовских боев, победное шествие реакции задержалось. Здесь до начала 1921 года буржуазии еще не удалось полностью сломить сопротивление пролетариата. В ряде решающих предприятий предприниматели все еще не были полностью «господами в доме». Все еще продолжали существовать органы советов; частью полуполигально, частью в нелегальных формах рабочие сохранили свое вооружение.

Это объясняется специфическими особенностями развития классовых боев в Средней Германии. Когда в марте 1920 года в ответ на Капповский путч рабочие восстали и, разбив вооруженные силы реакции, изгнали их из области, буржуазия не в состоянии была бросить сюда дополнитель-

ные силы для подавления движения, поскольку она была занята борьбой в Западной Германии. Поэтому буржуазия вынуждена была прибегнуть к соглашению с восставшими. Параллельно с Билефельдским соглашением¹ в Средней Германии также начались переговоры между представителями правительства (социал-демократическим президентом Герлингом) и представителями революционных рабочих и был заключен договор, на основе которого обе стороны обязались прекратить вооруженную борьбу и ликвидировать свои вооруженные организации.

Часть рабочих сдала оружие, а правительство обязалось не допускать в область полицию и рейхсвер, оставив лишь сравнительно малочисленную жандармерию. Революционные рабочие, а также и контрреволюционные буржуазные военные организации нелегально припрятали кое-какое оружие (это оружие контрреволюции с началом боев попало почти полностью в руки рабочих).

Таково было положение в Средней Германии в начале 1921 года.

В феврале 1921 года состоялись выборы в прусский ландтаг. В среднегерманских областях объединенная коммунистическая партия Германии получила 204 тысячи голосов, в то время как социал-демократическая партия получила 71 тысячу и независимая социал-демократия — 76 тысяч голосов. Объединенная компартия имела, следовательно, на 50 тысяч голосов больше чем обе других партии вместе, и таким образом выборы доказали, что большинство рабочего класса в Средней Германии было на стороне коммунистов.

Положение для буржуазии было тем более угрожающим, что влияние коммунистов было сконцентрировано в определенных областях (Мансфельд, Мерзербург, Лойна), где представители рабочих имели по ряду предприятий

¹ Конференция профсоюзов Рейнско-Вестфальской промышленной области в Билефельде приняла соглашение, по которому рабочим был обещан ряд уступок, впоследствии невыполненных.

Соглашение имело целью расколоть и ослабить революционный рабочий фронт и дать возможность правительству выиграть время и собраться с силами.

значительные полномочия и права (контроль условий работы, порядка увольнений, приема и т. д.). Революционные рабочие других областей, спасаясь от белого террора, находили здесь свое убежище.

Перед буржуазией стояла задача — привести и эту область в «спокойствие» и вновь восстановить свое нарушенное господство. К этому ее побуждало и внешнеполитическое положение: разгром коммунистического движения в Средней Германии должен был улучшить позицию германской буржуазии в переговорах с Антантой относительно репараций¹.

Однако общее положение германской буржуазии в первой половине марта 1921 года было еще довольно затруднительным. Переговоры с Антантой были безрезультатно прерваны. Французско-английские войска заняли несколько крупнейших промышленных городов (Дюисбург, Дюссельдорф и т. д.). Союзники установили у Рейна таможенный барьер и обкладывали все идущие из Германии товары специальной пошлиной в размере 50% стоимости. Экономическая война была в полном разгаре.

Один из пунктов прежнего соглашения, по которому германское правительство обязалось до 15 марта провести через рейхстаг закон о разоружении, еще не был выполнен. В Баварии находились еще довольно сильные вооруженные отряды реакции в лице буржуазных и студенческих контрреволюционных организаций. Правительства Антанты со всей энергией требовали выполнения пункта о разоружении. При таких обстоятельствах борьба германской буржуазии против «большевистского восстания» была удобным поводом, оправдывающим ее нежелание распустить вооруженные организации.

Дальнейшие трудности заключались в положении в Верхней Силезии. На 20 марта назначено было голосование, которое должно было решить вопрос, куда будет отнесена эта область — к Германии или к Польше? Как со сто-

¹ Переговоры эти получили свое завершение в мае 1921 года в лондонском соглашении, установившем репарационные обязательства Германии в размере 121 миллиарда.

Кiosk с революционными афишами.
Средняя Германия. Март 1921 года.

роны Польши, так и со стороны Германии в связи с этим проводилась военная подготовка и каждую минуту могло наступить вооруженное столкновение.

В Восточной Пруссии, в Померании, в Мекленбурге шла борьба сельскохозяйственных рабочих за повышение зарплаты, которая приводила к ряду серьезных столкновений (в особенности в Восточной Пруссии). Кроме того сильное брожение происходило в угольных районах (ряд забастовок в бассейне бурого угля в Средней Германии и Лаузитце). Все эти моменты ни в коей мере не создавали еще революционного кризиса, но они были теми исходными пунктами, из которых могли развиться решающие революционные массовые бои, если бы коммунистической партии удалось вовлечь в борьбу широчайшие массы трудящихся. Опасаясь этого, буржуазия решила спровоцировать среднегерманский пролетариат на преждевременную борьбу для того, чтобы таким образом ликвидировать очаг назревавшей пролетарской революции в Германии.

За организацию провокации взялись социал-демократические функционеры,

которые уже обладали определенным опытом в этой области. Прусский министр внутренних дел — социал-демократ Зеверинг — при помощи представителя государственной власти в самой области социал-демократа президента Герзинга осуществил провокацию под предлогом борьбы с бандитизмом и воровством. Ряд прав рабочих, уже вошедших в обычай, был ликвидирован; одновременно область была занята полицией.

Так были спровоцированы первые стачки рабочих, из которых выросло вооруженное восстание. Успеху этой контрреволюционной провокации способствовали и грубые политические ошибки руководства германской компартии во главе с Брандлером.

Германский пролетариат и его революционный авангард — коммунистическая партия — прошли со времени ноябрьской революции 1918 г. до начала 1921 года большой путь развития. Только родившаяся в начале этого периода коммунистическая партия Германии в огне боев, под постоянными ударами контрреволюции, делала свои первые шаги в сторону превращения в революционную массовую партию. В декабре 1920 года коммунистическая партия Германии («Союз Спартака») слилась с левым крылом независимой социал-демократической партии в «объединенную коммунистическую партию Германии».

Но создание истинно революционной партии и разрыв с меньшевиками, как на это указывал Ленин на III конгрессе, «...только подготовительная школа... Вторая ступень будет заключаться в том, чтобы, организовавшись в партию, научиться готовить революцию. Во многих странах мы не научились даже тому, как овладеть руководством»¹. Эти указания Ленина относились в первую очередь к германской компартии. Решающее значение Ленин придавал упорной систематической работе по завоеванию большинства пролетариата и эксплуатации народных масс на сторону коммунизма.

Съезд, на котором создавалась объеди-

¹ Ленин. Т. XXVI. стр. 446.

ненная компартия Германии, обратился с манифестом к германскому и международному пролетариату, в котором подчеркивал, что задачей вновь созданной партии как партии массовой является не столько пропаганда словом, сколько агитация действием. В манифесте говорилось: в то время как компартия Германии, будучи маленькой партией, не могла самостоятельно предпринимать массовых действий, «объединенная партия достаточно сильна для того, чтобы там, где этого потребуют и позволят обстоятельства, начать активные выступления, опираясь лишь на свои собственные силы, действуя на свой страх и риск».

Другими словами, центр тяжести деятельности партии переносился не на подготовку широких пролетарских масс к решающим битвам, а на немедленное выступление самого авангарда. В этих формулировках уже содержится прямая ревизия линии Ленина, который незадолго до этого, в апреле 1920 года, в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» подчеркивал: «С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции либо прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением»².

А в июле того же года в «тезисах об основных задачах II конгресса Коминтерна» Ленин указывал на то, что «...задача момента для коммунистических партий состоит теперь не в том, чтобы ускорять революцию, а в том, чтобы усиливать подготовку пролетариата»³.

Установка объединенной компартии Германии на организацию выступлений самого авангарда, вместо того чтобы организовывать на борьбу широкие массы пролетариата, вытекала из люксембургских пережитков, которые были еще сильны в рядах объединенной компартии. Существовавшие внутри

² Ленин. Т. XXV, стр. 228.

³ Там же, стр. 316.

партии группировки «левых» и правых являлись отклонением от линии Коминтерна; причем в то время как правая группа вообще относилась отрицательно к вооруженным боям и отталкивала революционных рабочих своей центристской политикой, «левое крыло» усиленно развивало так называемую «теорию наступления».

Сводилась эта «теория», примерно, к следующим положениям.

1. Капитализм терпит экономический крах и не в состоянии вновь наладить разрушенное войной производство. Мир стоит перед угрозой заката и распада производительной деятельности вообще, если пролетариат не возьмет в свои руки власть.

2. Революционный кризис является сейчас постоянным международным явлением, ибо объективные условия подгоняют массы к революционным боям. Пролетарская революция в европейских странах должна победить в кратчайшие сроки, максимально через год. Пролетарская революция невозможна в одной стране, необходимо международное революционное выступление.

3. Диктатура пролетариата в России не может удержаться без поддержки пролетарских революций в Европе. Сама диктатура пролетариата не опирается на союз пролетариата с крестьянством, а является скорее диктатурой над крестьянством и еще в большей степени диктатурой самой партии, диктатурой сознательного авангарда над отсталым большинством класса.

4. Имевшие место до сих пор поражения пролетариата, в особенности германского, объясняются прежде всего распыленностью революционных рабочих, состоящих в нескольких партиях, и отсутствием массовой революционной партии, которая могла бы руководить боями. Организация объединенной партии создает возможность перехода в наступление. Партия как таковая должна начать борьбу за власть и придти на помощь русской революции.

Кроме того все сторонники «теории наступления» отрицали революционную роль крестьянства как союзника пролетариата, считали крестьянство в целом реакционной силой и пря-

мо или косвенно занимали по национальному вопросу нигилистическую позицию. Поскольку ими делалась попытка дать анализ германской революции, они рассматривали ее или прямо как буржуазно-демократическую революцию или как революцию по типу русской революции, которая, однако, остановилась на своем первом, буржуазно-демократическом этапе.

Наряду с этими основными принципиальными установками носители этой «теории» допускали еще и ряд ошибок в области тактики.

Следовательно, еще до мартовского выступления в рядах партии имелась уже определенная система политических взглядов, которая возглавлялась «теорией наступления» и стояла в противоречии с линией Ленина и Коммунистического интернационала. На этой системе сказалось также влияние Зиновьева, который, как известно, считал германскую революцию ноября 1918 года буржуазно-демократической революцией и был того мнения, что за ней должна наступить немедленная победа коммунизма в Германии: «победа коммунизма в Германии абсолютно неизбежна... в ближайшие месяцы, возможно даже недели... По истечении одного года вся Европа будет коммунистической».

Давая критику «теории наступления», указывая на ту отрицательную роль, которую она сыграла в революционных боях германского пролетариата, необходимо также указать и на известное ее положительное значение. Ряд представителей этой теории резко критиковал дух пассивности, остатки пацифистских иллюзий, вообще те центристские пережитки, которые все еще имелись в партии. Они вносили в ряды германских рабочих, потерпевших тяжелое поражение, боевой дух и готовность к борьбе. И несмотря на ошибки партийного руководства, сыгравшие решающую роль в поражении движения, все же мартовские вооруженные бои были первым боевым выступлением германского пролетариата, сознательно подготовленным партией. До этого времени вооруженные бои рассматривались партией лишь как оборонительные бои. Учение Маркса—Энгельса—Ленина о вооруженном вос-

стании как искусстве было почти незнакомо германским рабочим. Все это обуславливалось, несомненно, центристскими пережитками в германской партии. Ошибочным в «теории наступления» был не принцип революционного наступления, а то, что в Германии начались разговоры «...о теории революционного наступления, после того, как действительное наступление не было подготовлено»¹.

Ленин на II конгрессе Коминтерна и вскоре после него дал германской партии директиву создать единую коммунистическую массовую партию, которая стала бы у руководства боями пролетариата за его повседневные интересы, завоевала бы его на свою сторону и повела на борьбу за диктатуру. Объединение независимой и коммунистической партий в декабре 1920 года было достижением ленинской политики. Ленин сам набросал те положения, на основе которых развернулась дискуссия с независимой партией Германии.

После объединения условия для завоевания большинства рабочего класса стали более благоприятными. Это надо было использовать, применяя правильную тактику единого фронта. Такая попытка была сделана вскоре после съезда. В «Роте фане» появилось открытое письмо, адресованное «Всеобщему германскому объединению профсоюзов» (реформистские профсоюзы), «Объединению свободных союзов служащих», «Всеобщему рабочему союзу» (радикальные отколовшиеся профсоюзы) и «Свободному рабочему объединению» (синдикалисты), социал-демократической партии Германии, независимой рабочей партии (правое крыло которой при объединении с коммунистами откололось) и коммунистической рабочей партии Германии.

Ленин на III конгрессе назвал это письмо «образцовым политическим шагом»². В вводной части письма давалась характеристика момента и вывод: «необходимо, чтобы класс пролетариев как целое поднялся на борьбу. Речь идет не только о промышленном пролетариате, но также и о тех людях, которые только сейчас просыпаются,

только сейчас приходят к пролетарскому самосознанию. Независимая коммунистическая партия Германии предлагает поэтому всем социалистическим партиям и профсоюзным организациям на следующих основах приступить непосредственно к переговорам об отдельных совместных выступлениях». Вслед за этим идет программа повседневных требований, в которой должны найти свое выражение потребности различных слоев трудящегося населения. Совершенно правильно ставится вопрос о единстве действий класса. «Мы вовсе не стремимся к тому, чтобы добиться от организаций, к которым мы обращаемся, просто словесного признания предлагаемой нам программы, мы хотим от них действий в пользу этой программы».

Кампания, которая была развита партией вслед за этим открытым письмом, содействовала росту влияния партии в особенности в реформистских профсоюзах.

Однако партия все же не сумела в должной степени использовать открытое письмо. Этому помешали ошибочные установки «левых» и правых по этому вопросу. «Левые» рассматривали письмо в лучшем случае как хорошее средство агитации, не придавая ему значения как средству завоевания широких слоев рабочего класса; часть же из них, главным образом берлинцы (Маслов, Рут Фишер и др.), стоявшие на ярко выраженных сектантских позициях, рассматривала письмо как бесполезный или даже вредный уклон в сторону реформистской политики.

Правые видели в письме лишь агитационное средство в связи с предстоящими выборами в ландтаг и не принимали ничего для перехода к агитации за единый фронт, к действительному единству действий. Во главе их стоял Пауль Леви, член ЦК германской компартии с 1919 года³. Пауль Леви, правда, вел борьбу с представителями «теории наступления», но делал он это не с позиций коммунизма. Придержи-

¹ Ленин. Т. XXVI, стр. 445.

² Там же, стр. 443.

³ После мартовских событий 1921 года был исключен из компартии за отказ порвать с социал-демократами. Превратился вскоре после этого в ярого врага Коммунистического интернационала.

Рейхсвер и полиция на улицах Мансфельда.

Март 1921 года.

ваясь в ряде решающих вопросов центристских взглядов, он считал, что создание компартии в декабре 1918 года в Германии было преждевременно, что не надо было еще рвать с независимцами и создавать самостоятельную революционную партию.

Пауль Леви издавна был противником вооруженной борьбы пролетариата. Уже в 1919 году он предостерегал коммунистическую партию от вооруженной борьбы. В ряде директив и воззваний он решительно высказывался против вооруженного восстания, выдвигая на его место генеральную стачку, восхваляя ее как решающее средство классовой борьбы.

В общем, программа его сводилась к тому, чтобы удержать партию в пределах общей агитации и пропаганды, не выходя за рамки той тактики, которая признавалась также и центристами. Когда II конгресс Коммунистического интернационала своим 21 словом провел определенную линию размежевания по отношению к центризму, Пауль Леви этим уже фактически был поставлен вне рядов Коммунистического интернационала, но ставался в нем, чтобы срывать его

решения. В связи с несогласием по сравнительно неважному вопросу он пытался увести с конгресса всю немецкую делегацию. В январе и феврале 1921 года он боролся против исключения итальянских центристов из Коминтерна и, когда его позиция не встретила поддержки со стороны руководства партии, он вышел из ЦК. С ним тогда ушли Деймиг, Брасс, Гоффман, и др.

Накануне мартовских дней у руководства германской компартии остались сторонники «теории наступления» — Брандлер, Тальгеймер, Фрелих и др.

17 марта состоялось заседание центральной комиссии совместно с представителями районов. Это заседание ни в какой степени не учло ленинской директивы о том, что актуальнейшая задача коммунистической партии сейчас заключается не в том, чтобы ускорить революцию, а в том, чтобы лучше подготовить пролетариат. Главным докладчиком был Брандлер, который дал следующий анализ: «Наше влияние выходит за рамки 400 — 500 тысяч членов нашей компартии. Мы можем сейчас уже воздействовать примерно

на 2 — 3 миллиона нечленов партии, которые могут быть нами вовлечены в выступление и бороться под нашими лозунгами. Такое положение обязывает нас покинуть пассивную позицию и активно выступить. Нашу деятельность в местных организациях мы должны направить непосредственно на активное наступление. Компартия, по крайней мере, должна вести борьбу за свержение правительства. Это самое малое. Промежуточной цели быть не может. Иначе рабочие и независимцы спросят себя, к чему нам тогда об'единенная компартия. Она делает то же самое, что мы раньше делали в независимой социал-демократической партии. Поэтому нашей обязанностью является выход из стадии пассивности».

Фрелих выступал еще более открыто, он говорил: «То, что предлагает сейчас ЦК, представляет полный разрыв с прошлым. Мы так сильны, и положение так чревато серьезными последствиями, что мы должны взять в свои руки судьбу партии и революции. Речь идет о том, чтобы свергнуть правительство».

Такие установки разделялись громадным большинством центральной комиссии. Центральный комитет полагал, что не реакция наступает и пролетариат обороняется, а, наоборот, что партия идет в наступление. При таких условиях, разумеется, провокация Герзинга не могла не удалась.

3

Вступление войск Герзинга 18 марта в Среднюю Германию совпало с об'явлением стачки рабочими мансфельдских рудников. Эта стачка была спровоцирована дирекцией мансфельдского союза горнозаводчиков, которая под предлогом борьбы с воровством негодной для шахт древесины наводнила предприятие шпионами и организовала из демобилизованных офицеров заводскую полицию, задача которой заключалась в том, чтобы шпионить за коммунистами. Горнорабочие, возмущенные преследованиями охраны и тем, что их стали подвергать при выходе из рудников персональному обыску, организовали демонстрацию из 10 тысяч рабочих, которая двинулась в

Эйслебен к дирекции мансфельдских рудников и потребовала удаления из предприятий шпиков и полиции.

Дирекция отклонила требование рабочих. При этом она опиралась на поддержку социал-демократической партии, правых независимцев, профсоюзы и войска Герзинга. Такое поведение дирекции и Герзинга, который заявил на одном из совещаний, что считает стачку горняков преступлением, побудило рабочих к революционным решительным действиям на территории всей Средней Германии.

21 марта появилось воззвание, в котором рабочие Мансфельда призывались к вступлению во всеобщую стачку.

«Рабочие Мансфельда! Реакция выполнила свою угрозу и заняла ваши мирные жилища белой гвардией. Под совершенно бессмысленным предлогом якобы борьбы с воровством на предприятиях и на полях она наводнила Мансфельд полицией. Она явилась с пулеметами и ручными гранатами. Белый поход начался!

Мансфельдские рабочие! Покажите, что вы не рабы и употребите все свои силы для того, чтобы отбить этот удар. Генеральная стачка должна начаться. Ни один рабочий не должен двинуть пальцем до тех пор, пока полицейская охрана не будет полностью выведена из Мансфельда. Рабочие! Власть в ваших руках, используйте ее вовремя, будьте вооружены на всякий случай.

Об'единенная коммунистическая партия, картель профсоюзов, стачечное руководство».

Стачка быстро распространилась на весь Мансфельд. Горняки бастовали, узкоколейная железная дорога прекратила свою работу; на сельскохозяйственных предприятиях также была об'явлена стачка. Лозунгом генеральной стачки было «Немедленный увод белой гвардии». Ответом Герзинга было дальнейшее стягивание полицейских отрядов в Мансфельд и телеграмма: «Полиция останется».

19 марта в Геттштедт пришел вооруженный до зубов отряд жандармерии в количестве 120 человек. Когда городское управление отказалось предоставить им помещение, жандармский

Пленные повстанцы. Средняя Германия.

Март 1921 года.

майор реквизировал школы, из которых он выгнал школьников. Рабочие ответили на это рядом митингов протеста, на которых были избраны комитеты действия. Было принято решение довести стачку до конца. Городское управление поставило жандармам ультиматум с требованием покинуть город в 24 часа, в противном случае все местные учреждения прекратят работу. Но еще до истечения срока ультиматума жандармы заняли ратушу и обстреляли рабочее собрание. Рабочие стали вооружаться.

21 марта в Среднюю Германию прибыл германский революционер Макс Гельц, который пользовался большой популярностью среди рабочих как руководитель партизанских отрядов. Он выступал на больших собраниях в Эйслебене и Геттштедте и организовал вооруженные отряды рабочих. Штаб рабочей обороны находился между Эйслебеном и Геттштедтом, 23 марта рабочие начали наступать на отряд жандармерии. Им удалось запереть его в школе. Рабочие прекращением железнодорожного сообщения не допустили кроме того переброски новых сил полиции. Но тем не менее рабочие не организовали сразу всеобщего вооруженного восстания: они применяли тактику партизанских выступлений, уклоняясь от превосходных сил буржуазии и вступая в бой лишь с небольшими отрядами, с которыми они могли успешно справиться.

Особенно благоприятствовало успеху провокации Герзинга то обстоя-

тельство, что высшая точка движения пришлось на пасхальные дни. Благодаря этому в решающие дни, с 24 по 29 марта, предприятия не работали и не было налицо необходимых предпосылок для расширения движения на основе политической массовой стачки против провокации Герзинга.

25 марта имело место второе вооруженное столкновение в Эйслебене. Рабочие принудили полицию к отступлению, заняли местечко Замгерхаузен, отвоевали у полиции оружие и провизию. После концентрации всех вооруженных сил восставшие пытались объединиться также с рабочими химических предприятий Лойна. Рабочие в Лойна объявили стачку 23 марта. Они также требовали немедленного ухода полиции из Средней Германии, разоружения фашистских союзов и вооружения рабочих. На предприятии имелось примерно 10 тысяч вооруженных рабочих. Они были соответствующим образом организованы и разбиты на отряды. Но руководители рабочих на предприятиях Лойна были того мнения, что вооруженные силы рабочих не должны покидать предприятия, считая, что занятие предприятия является решающим в вооруженном восстании. Благодаря этой ложной теории рабочие Лойна были фактически изолированы от боев и самый сильный отряд рабочих Средней Германии был лишен возможности помочь своим товарищам по классу.

Буржуазия вначале не наступала на

Развалины вокзала в Геттштеде.

Март 1921 года.

рабочих Лойна и направила свои усилия в первую очередь на уничтожение более мелких партизанских отрядов в области. Таким образом постепенно вся область вокруг предприятия была разбита и рабочие Лойна были полностью изолированы. После этого завод был почти без всякого сопротивления взят отрядами полиции. Только небольшой группе рабочих удалось прорваться через цепь полицейских отрядов и бежать в Тюрингию.

Рабочая оборона была окружена кольцом полиции. И лишь после ожесточенных боев с большими потерями ей удалось прорваться через него. 1 апреля имели место последние кровавые бои уже значительно ослабевших рабочих отрядов с полицией в Безенштедте. Полиция, которая получила серьезное пополнение (в том числе артиллерию), нанесла рабочим большой урон.

За весь период между 18 марта (дата занятия Мансфельда правительственными войсками) и 1 апреля (последний день крупного боя у Безенштедта) партии так и не удалось подчинить внезапно вспыхнувшее восстание единому руководству, а также в достаточной степени расширить его территориально. В конце концов,

борьба вылилась в большое число разрозненных, с чрезвычайным мужеством проведенных единичных выступлений, в то время как буржуазия располагала хорошо организованными войсками, батареей полевых орудий и большими резервами рейхсвера.

Восставшие были изолированы от трудящихся других областей, они не имели единого центрального руководства в самой области и были по частям разбиты численно преобладающими войсками буржуазии.

После этого наступил период самого свирепого белого террора. Полиция Герзинга расправлялась с восставшими рабочими Мансфельда с невероятной жестокостью. Убийства в Шрапльб, Геттштеде, Эйслебене, Лойне, Безенштедте превзошли даже те жестокости, которые имели место в 1919 и 1920 годах во время Капповского путча. Правительственными войсками было арестовано около 3½ тысяч рабочих.

Социал-демократическая партия и независимая социал-демократическая партия, так же как и профсоюзная бюрократия, солидаризировались полностью с кровавыми действиями президента Герзинга и правительством Зевринга. В сотнях тысяч экземпля-

ров распространялась ими подлая клеветническая листовка под заглавием «Кровавая вина коммунистов», в которой вина за расправу над рабочими возлагается на... Москву. Этой клеветой они пытались прикрыть кровавые деяния своего правительства, уничтожить возросшее влияние коммунистической партии.

Тогда подобные инсинуации еще могли иметь некоторый успех, ибо широкие слои рабочих в то время шли на удочку, брошенную им социал-демократами, и значительная часть из них верила клеветническим обвинениям, выдвигаемым против коммунистов.

Движение было жестоко подавлено.

Число рабочих, принимавших участие в вооруженной борьбе, исчислялось несколькими тысячами. Это обстоятельство говорит о большой силе движения. Мартовские дни 1921 года несмотря на ошибки были героическими страницами в истории среднегерманского движения. Пролетариат проявил невиданную до тех пор энергию, но ему не хватало организованного руководства, не доставало тактической гибкости в применении различных методов борьбы.

Были отдельные случаи, когда некоторые коммунистические организации распадались. Это объясняется тем обстоятельством, что лозунги партии были преждевременны и поэтому не могли найти в массах достаточного отклика.

В момент обострения борьбы в Средней Германии партия делала все усилия для того, чтобы вызвать и в остальной части Германии выступления солидарности. Она пыталась путем активных выступлений революционного авангарда, который действовал с решительностью отчаяния, вовлечь в борьбу остальных рабочих. Но из-за недостаточной подготовленности и недостаточного применения тактики единого фронта эти попытки не смогли привести к крупным выступлениям.

Гамбургский комитет партии призвал рабочих к демонстрации солидарности. Он требовал разоружения контрреволюции и угрожал генеральной стачкой.

23 марта несколько сот безработ-

ных появилось на верфи и потребовало принятия их на работу. Дирекция на это ответила, что безработные должны немедленно удалиться с предприятия, в противном случае все рабочие будут подвергнуты локауту. Рабочие поддержали требования безработных, создали комитет и захватили несколько верфей. В ответ на это социал-демократический полицей-президент отдал распоряжение стрелять в рабочих, как в тех, кто участвовал в демонстрации, так и в тех, которые оставались на верфи. В результате этого приказа много рабочих было убито и ранено.

В Берлине рабочие-коммунисты пытались вовлечь в стачку ряд предприятий. Социал-демократические профсоюзные вожди призывали к сохранению спокойствия и требовали от полиции охраны рабочих от натиска коммунистов. Вслед за этим появился приказ социал-демократического президента Рихтера, в котором объявлялось, что органы полиции обязаны всеми средствами бороться со смутьянами, которые нарушают покой и свободу германского народа. Этот приказ социал-демократического полицей-президента привел к тому, что полиция стреляла в рабочих, которые появлялись перед предприятиями с целью вовлечь рабочих в стачку. В Южной Германии партийная организация также сделала попытку повести рабочих в бой. Но призыв партии не вызвал широкого движения. В Штутгарте 29 марта состоялась двадцатитысячная демонстрация рабочих. В Мангейме, в Карлсруе и в других местах демонстрации рабочих были обстреляны полицией.

После того как в первые дни апреля движение во всей стране было разбито, центральный комитет партии на своем заседании от 7—8 апреля дал оценку движению. В принятых тезисах о мартовских боях все еще выступали старые ошибки «теории наступления». Все еще думали и верили в наступательную борьбу, думали, что мартовские бои являются лишь вступлением к генеральному наступлению рабочего класса в Германии. Но и неправильной, глубоко оппортунистичной была позиция Пауля Леви, который мартовское восстание называл

«бакунистским путчем». С резкой критикой позиции Пауля Леви выступил Эрнст Тельман. Свою борьбу против правых он продолжал и на III конгрессе и после него, добившись исключения Леви из рядов партии.

На III конгрессе Коминтерна ошибки «теории наступления» были с помощью Ленина исправлены. Резолюция III конгресса констатировала:

«В этой первой, со дня своего основания, крупной битве партия допустила целый ряд ошибок, из которых важнейшая заключалась в том, что оборонительный характер борьбы не был достаточно ясно подчеркнут и что призыв к наступлению дал повод бессовестным врагам пролетариата—буржуазии, социалдемократической партии и независимым — обвинить перед лицом пролетариата об'единенную коммунистическую партию Германии в подстрекательстве к «путчу». Эта ошибка была еще усугублена по вине целого ряда партийных товарищей, развивавших ту мысль, что при настоящем положении наступление является для партии главным методом борьбы...

Третий конгресс Коммунистического Интернационала считает мартов-

ское выступление шагом вперед. Мартовские выступления были геройской борьбой сотен тысяч пролетариев против буржуазии. И об'единенная коммунистическая партия Германии, взяв на себя руководство защитой рабочих Средней Германии, доказала, что она является партией революционного пролетариата Германии. Конгресс полагает, что об'единенная коммунистическая партия Германии будет в состоянии тем успешнее проводить массовые выступления, чем лучше она будет приспособлять свои боевые лозунги к действительному положению вещей, чем тщательнее она будет изучать это положение и чем более согласованы будут эти выступления»¹.

Учет опыта мартовских боев на основе большевистской критики III конгресса Коминтерна, борьба за выполнение его директив значительно способствовали преодолению в рядах молодой компартии Германии с.-д. пережитков, в то время еще сильно тяготевших над нею. А это в свою очередь приблизило процесс ее большевизации.

¹ Коммунистический интернационал в документах. 1919—1932, стр. 194. Партиздат. 1933.

В. Сергеев

ХРИСТИАНСТВО В ДРЕВНЕМ РИМЕ

1

Христианство зародилось в первом столетии нашей эры, в период кризиса Римской республики и образования Империи. Последнее столетие Римской республики в первом веке до нашей эры ознаменовано глубоким социально-политическим кризисом и гражданской войной, следствием которых была замена рабовладельческой республики рабовладельческой империей, представлявшей собой единую мировую средиземноморскую державу. Начался новый этап в истории античного (средиземноморского) мира. Империя была политической надстройкой нового соотношения классовых сил в бассейне Средиземного моря, которое было охарактеризовано Энгельсом следующим образом:

«Население (Римской империи.— В. С.) все больше и больше разделялось на три класса, составленные из самых разнообразных элементов и национальностей: богачи, среди которых было немало вольноотпущенных рабов (см. Петрония), крупные землевладельцы, ростовщики или то и другое вместе, вроде дяди христианства— Сенеки; неимущие свободные,— в Риме их кормило и увеселяло государство, в провинциях им предоставлялось самим заботиться о себе, наконец, огромная масса рабов. По отношению к государству, т. е. к императору, оба первых класса были почти так же бесправны, как и рабы по отношению к своим господам. Особенно в период от Тиберия до Нерона обычным явлением стало, что богатых

римлян приговаривали к смерти для того, чтобы захватить их состояние... в провинциях были еще крестьяне — свободные землевладельцы (местами даже еще с общинным владением) или, как в Галлии, в кабале у крупных землевладельцев. Этот класс всего меньше был затронут общественным переворотом: он религиозному перевороту сопротивлялся всего дольше¹. Наконец— рабы, бесправные и безвольные, которые не могли освободиться, как это уже показало поражение Спартака; при этом большинство их были некогда свободными или сыновьями свободнорожденных. Среди них должна была еще сохраняться по большей части живая, хотя по отношению к внешнему миру и бессильная, ненависть против условий их жизни»².

Такова социально-экономическая действительность античного мира в I веке нашей эры при первой римской династии Юлиев и Клавдиев. К сказанному надо присоединить еще политическую реакцию, последовавшую за гражданской войной и установлением империи. С установлением императорского режима политическая жизнь Рима совершенно замерла, что еще более усиливало сознание безвыходности положения.

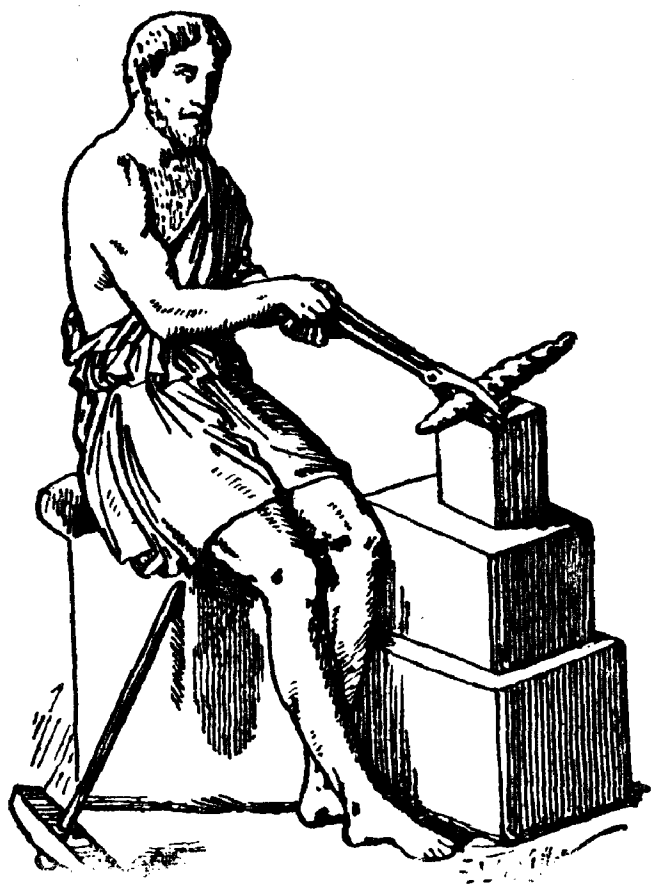
Своей высшей точки политическая реакция достигла в середине I века при Нероне, последнем представителе династии Юлиев и Клавдиев.

В условиях нероновского режима политическая борьба становилась трудной и безнадежной. Правда, восстания и протесты имели место то в одной, то в другой провинции и даже иногда принимали широкие размеры, но все они относительно легко подавлялись.

С отмиранием политической жизни наступало политическое онемение, и общество погружалось в мелкие дела профессионального, личного или семейного порядка.

¹ По Фальмерейеру, еще в IX в. на Майне (на Пелопоннесе) крестьяне приносили жертвы Зевсу.

² Ф. Энгельс «О первоначальном христианстве», стр. 18 — 19. Огиз — Гаиз. 1933.

Кузнец. Рим. Музей в Ватикане.

К замкнутости и отчужденности предрасполагал самый характер античного производства. Производство, построенное на ручной технике и ремесленном труде, не создавало крупных ассоциаций и широких социально-политических связей и интересов. В этом причина распространения в античных обществах, в особенности в Римской империи, всякого рода мелких ассоциаций: коллегий, братств, клубов и т. д.

Кроме того, что круг интересов мелких ассоциаций сам по себе был весьма ограничен, политическая реакция коснулась также и их. Деятельность коллегий и братств ограничивалась узко профессиональными интересами взаимопомощи, погребения и поминок по умершим членам.

Социально-политическая атмосфера была такова, что даже существенные вопросы многим начинали казаться ненужными и обременительными.

Следствием упадочного настроения явился всеобщий пессимизм, от которого одни искали спасения в чувственных удовольствиях, а другие в религиозно-мистических переживаниях и размышлениях.

«Всеобщему бесправию и утере надежды на возможность лучших порядков соответствовала всеобщая апатия и деморализация. Немногие оста-

вавшиеся еще в живых староримляне патрицианской складки и патрицианского образа мыслей были устранены или вымерли; последним из них был Тацит. Остальные были рады, если могли держаться совершенно в стороне от общественной жизни. Их существование заполнялось наживой, наслаждением, богатством, частными сплетнями, частными интригами»¹.

В идеологии, философии, литературе, поэзии и искусстве социально-политический индифферентизм и пессимизм выражались в перенесении центра внимания с общества на индивида, в культе формы в ущерб содержанию и повышении интереса к эротическим и религиозно-мистическим вопросам.

Соответствующим образом строилась и школа. Политическая реакция отразилась также и на образовании. Образование при империи сводилось или к приобретению некоторых сведений по специальным дисциплинам: праву, медицине, механике, математике и пр. — или же к усвоению формальных дисциплин: риторики, грамматики и диалектики, умению красиво писать, говорить и спорить.

Ни в одной области идейное вырождение не бросается так резко в глаза, как в области философии. При императорском режиме философия превращалась в схоластику, игру понятиями и словесно-логическую эквилибристику. Наступал период новой софистики, литературного мастерства, нарочитой учености и внутренней пустоты.

Реакцией против научно-философского формализма была моралистическая философия, ставившая более серьезные вопросы. Однако в условиях политической реакции моралистическая философия неизбежно перерождалась в религиозную философию и этику. Примером этого может служить стоическая философия Сенеки, сложившаяся в самый жестокий период реакции, в правление Нерона. Философия Сенеки с начала до конца проникнута безнадежным пессимизмом: на современное ему общество Сенека смотрит как на общество

¹ Ф. Энгельс «О первоначальном христианстве», стр. 19.

испорченных людей, «грабителей, разбойников и прелюбодеев».

Исправить это общество могут только мудрые философы, нравственно совершенные люди. Мудрец должен руководить толпой «моральных дезертиров», целиком погрязших в наживе, корыстолюбии, зависти и наглости, но не должен с ней смешиваться.

У Сенеки имеются морально-философские сентенции, настолько близкие к христианским идеям, что даже возникла мысль о знакомстве Сенеки с апостолом Павлом и заимствовании его идей.

Не менее силен уклон в сторону религии также в «Рассуждениях» Эпиктета, современника Сенеки:

«Мы — потомки божии. Каждый из нас вправе считать себя сыном бога. ...Человеческая жизнь имеет свое начало и конец в боге... Подобно тому как наше тело родственно вселенной и пока мы живем подвержено влиянию одних и тех же сил, а когда мы умираем, — разлагается на одни и те же элементы, так и душа наша связана с богом и родственна ему, ибо она часть его, часть его существа. Нет такого душевного движения, которого бы он не видел, потому что мы с ним одинаковы по существу. Все сердца раскрыты перед ним, все желания ведомы ему»¹.

Аналогичные мотивы и настроения слышатся в сочинениях и проповедях и других писателей I — II веков — философов-стоиков и -киников². Политическим идеалом большей части этих «народных философов» являлась «про-

свещенная монархия», опирающаяся на нравственную силу. Монарх (басилевс) — «просвещенный и высоконравственный человек» в изображении стоиков и циников — почти утрачивает человеческие черты и превращается в богочеловека, спасителя мира. Вместе с тем разрешение всех социальных проблем передвигалось с земли на небо.

Еще отчетливее религиозный оттенок выступает в мировоззрении низших слоев Римской империи, более угнетенных и менее культурных. Религия — самая примитивная форма идеологии, привычная большинству населения средиземноморской империи, в особенности восточных провинций, — являлась единственной легальной формой, в которой укладывались какое угодно содержание и какие угодно мысли и чувства. Доставлявшая же утешение интеллигентским верхам философия вследствие своей сложности и трудности не доходила до сознания низов. Таким образом, религия являлась последним убежищем всех отчаявшихся, захваченных кризисом и не находивших из него никакого другого выхода.

«...Во всех классах должно было быть известное количество людей, которые, отчаявшись в материальном освобождении, искали взамен него духовного освобождения, утешения в сознании, которое спасало их от полного отчаяния... Для того чтобы дать утешение, нужно было заменить не утраченную философию, а утраченную религию. Утешение должно было выступать именно в религиозной форме, как и все то, что должно бы-

¹ Эпиктет «Рассуждения» 1, 9, 14, III, 13 и т. д.

² Стоики — представители одного из философских направлений, зародившегося в III веке до н. э., — утверждали, что счастье человека обусловлено не чувственными наслаждениями, а сознанием своей добродетели. Человек добродетельный — истинный мудрец, стоящий выше богов.

Киники (циники) — последователи философской школы, основанной в начале IV века до нашей эры, — признавали в качестве источника познания только чувственное восприятие, доказывая, что человеку необходимо только удовлетворение основных жизненных потребностей, которое должно происходить в наиболее простой и грубой форме.

Камелотесы. Рим. Музей в Ватикане.

ло захватывать массы, — так это было в ту эпоху и так продолжалось вплоть до XVII в.»¹.

Религиозно-мистические настроения имели место еще при Республике. Даже такие сильные интеллекты как Цицерон и Цезарь и их общий учитель знаменитый философ Посидоний (135 — 50 гг. до нашей эры), склонялись к мистике и религии. Посидоний занимался точными науками: астрономией, математикой, — изучал природу вулканов, знал сферичность земли, дополнил и исправил географа Эратосфена, интересовался этнологией, написал историю рабских восстаний. И вместе с тем Посидоний увлекался астрологией, разделял и оправдывал многие суеверия, верил в магию, питал склонность к восточным культам и допускал поклонение идолам. Примеру Посидония следовали многие просвещенные римляне.

Одновременно с ростом религиозно-мистических настроений подготавливалась почва для слияния иранских, семитских и египетских верований.

На обширном пространстве средиземноморской империи существовало великое множество религий, культов и вероисповеданий. Наибольшее число последователей имели восточные и северные (фракийские) религии, полные мистики и таинственности.

Под римским владычеством старые религии, выросшие в иных социально-экономических и политических условиях, утрачивали почву. Нивелирующая сила Рима обрекала на гибель вместе с политическими особенностями провинций также их религии. Отсюда тенденция к созданию единой синкретической религии (культ Изиды, Сераписа, императора).

«Потребность дополнить всемирную империю всемирной религией, — писал Энгельс в «Людвиге Фейербахе», — ясно обнаруживается в том, что Рим пытался ввести у себя поклонение всем сколько-нибудь почтенным чужим богам. Но императорскими декретами нельзя создать новую всемирную религию».

Официальная греко-римская религия совершенно утратила свою притя-

гательную силу, превратившись в собрание сухих формул и обычаев.

Большее значение имели «варварские религии». Одной из самых привлекательных сторон «варварских религий» была идея бессмертия и будущей жизни, отсутствовавшая в греко-римской религии. Но ни одна из них не могла стать мировой религией.

Только христианство могло стать такой религией, так как оно, во-первых, отрицало (на первом этапе) всякую разделяющую верующих обрядность и было, таким образом, открыто для всех; во-вторых, нашло объяснение и оправдание всем социальным неурядицам во всеобщей греховности людей, провозгласило равенство людей перед богом (подобно тому как впоследствии эдикт Каракаллы уравнивал все население империи в бесправни); в-третьих, дало успокоение и утешение в идее искупителя; в-четвертых, сулило освобождение в загробном мире, открыло страждущим и обремененным выход из земной юдоли в мир иной.

Таким образом, христианство оказалось наиболее «удачным» в тех условиях опиумом для народа.

2

Из всех существовавших тогда религий наибольшее влияние на христианскую религию оказало иудейство. Среди всех остальных религий античного мира иудейская религия занимала особое положение, обусловленное своеобразием иудейской истории. История древнего иудаизма наполнена крупными перипетиями и катастрофами. В VIII веке Израиль подвергся нападению ассирийцев и сделался их добычей, в VI веке Иудея (другое полунезависимое еврейское царство) была разгромлена халдейским царем Навуходоносором — иерусалимский храм был разрушен, часть жителей погибла, около 10 тысяч было переселено в качестве военнопленных в Вавилон.

В конце VI века, после разгрома Халдеи персами, иудеи попали в сравнительно легкую зависимость от персов. Во II веке, когда евреи находились под властью сирийского царства

¹ Ф. Энгельс «О первоначальном христианстве», стр. 20 — 21.

Общий вид Иерусалима.

С рис. О. Шульца.

Селевкидов, восстание, поднятое Маккавеями против сирийского царя Антиоха Елифана, окончилось победой иудеев и основанием самостоятельного иудейского царства Маккавеев, или Асмонеев (II век). Однако царство Асмонеев, раздираемое внутренними противоречиями, держалось недолго. Оно вскоре подпало под влияние Рима, а в 53 году окончательно было покорено Помпеем. Дальнейшая история Иудеи уже связана с историей Рима.

Критическим моментом в истории отношений Рима и Иудеи была иудейская война (66 — 70 годы), окончившаяся взятием Иерусалима и массовой эмиграцией евреев. Но еще задолго до этого евреи расселились по всему эллинистически-римскому миру, усвоили греческий язык и создали то смешение вульгарной греческой философии с иудейским богословием, из которого вырос христианский монотеизм.

Города Римской империи были полны иудейских эмигрантов, занимавшихся торговлей, ремеслами, денежными операциями, интеллигентскими профессиями и нищенством. Немало среди евреев было также и земледельцев и рабов. Разрушение Иерусалима, как центра революционных брожений, заговоров и восстаний, сыграло решающую роль как в истории Иудеи, так и в истории христианства. Около

этого времени, собственно, и зародились христианство и христианская литература.

Во время существования Иудеи как отдельной хотя и подвластной Риму политической единицы рассеявшееся по всему миру иудейство не порывало связей с Иерусалимом как религиозным центром. Стоявшее во главе иерусалимской общины жречество в мельчайших подробностях регулировало отправления культа и строго следило за исполнением закона и обычаев. Благодаря этому иудейство, разбросанное по всему миру, сохраняло свое единство и не растворялось в пестрой массе народов. Это способствовало и укреплению идеи единого бога всех евреев, постепенно превращавшегося из местного, национального бога в бога всей вселенной. Старинное иудейское название бога — Яхве — постепенно вытеснялось более общими названиями: бог, господь, всевышний, небесный владыка и т. д.

После падения древнеиудейского царства надежды евреев на возрождение древнего царства Давида и Соломона не исчезли, вспыхивая ярким пламенем во время войн, поражений поработителей и внутренних переворотов.

Провозвестниками возрождения «Нового Израиля», или «Нового Иерусалима», являлись пророки.

Древнеиудейские пророчества, свя-

занные с культом Яхве, имели политическое содержание. Пророков было очень много, во время религиозных праздников они выступали целыми толпами с криками, музыкой, пением и плясками подобно современным дerviшам. Хотя наши сведения о древне-еврейских пророках (Амос, Исая, Иеремия и др.) во многом неисторичны, но важен самый факт существования пророков и пророчеств.

Пророчества проходят через всю историю иудейства. Для истории христианства наибольшее значение имеют более поздние пророчества эллинистической и римской эпохи. Эта эпоха отмечена большим подъемом в области религиозной литературы. К этому времени относятся книги пророка Даниила, «Мудрость Соломона», книга Еноха, «Оракулы Сивиллы», «Апокалипсис Баруха», так называемая четвертая книга Езры и много других.

По своему идеологическому содержанию названные памятники не однородны, но в них имеются некоторые общие мотивы. Таковыми являются скорая гибель языческого мира, возрождение царства Израиля, основание «Нового Иерусалима», воскресение мертвых, наступление страшного суда и тысячелетнего царства (хилиазм), связанного с пришествием Мессии. В более ранних пророчествах речь идет главным образом о возрождении Израиля, между тем как в поздних сочинениях чаще говорится о будущем царстве всех людей, об избавлении Мессией всего человечества от страданий и полном переустройстве человеческой природы.

Отчетливее всего эти мессианские чаяния, представлявшие собой отражение в религии классовой борьбы и борьбы за независимость, выступают в Апокалипсисе (откровении) Баруха и четвертой книге Езры, написанных в последние десятилетия I века нашей эры. Основная мысль Апокалипсиса Баруха — скорое наступление конца мира и пришествие Мессии.

Мессианские идеи нашли свое отображение и в памятниках христианской письменности, в особенности в древнейшем из них — «Апокалипсисе Иоанна», с острова Патмоса, написанном непосредственно в период разру-

шения Иерусалима Титом. Составитель богооткровенной книги полон горячего сочувствия иудеям, предвещая скорое падение Рима — «вавилонской блудницы». Падение Рима описывается в духе древних апокалипсисов и пророческих проповедей. «Семь чаш гнева божия выльется на землю... Дым мучения жителей нечестивого Вавилона (Рима. — В. С.) будет восходить во веки веков, и они не будут иметь покоя ни днем, ни ночью; на людях появятся жестокие и отвратительные раны, солнце будет жечь людей огнем, затем померкнет солнце и люди от страдания будут кусать свои языки, разразятся молнии и громы, земля потрясется». В результате всех бед и ужасов падет нечестивый город Рим, а его место займет святой город — «Новый Иерусалим».

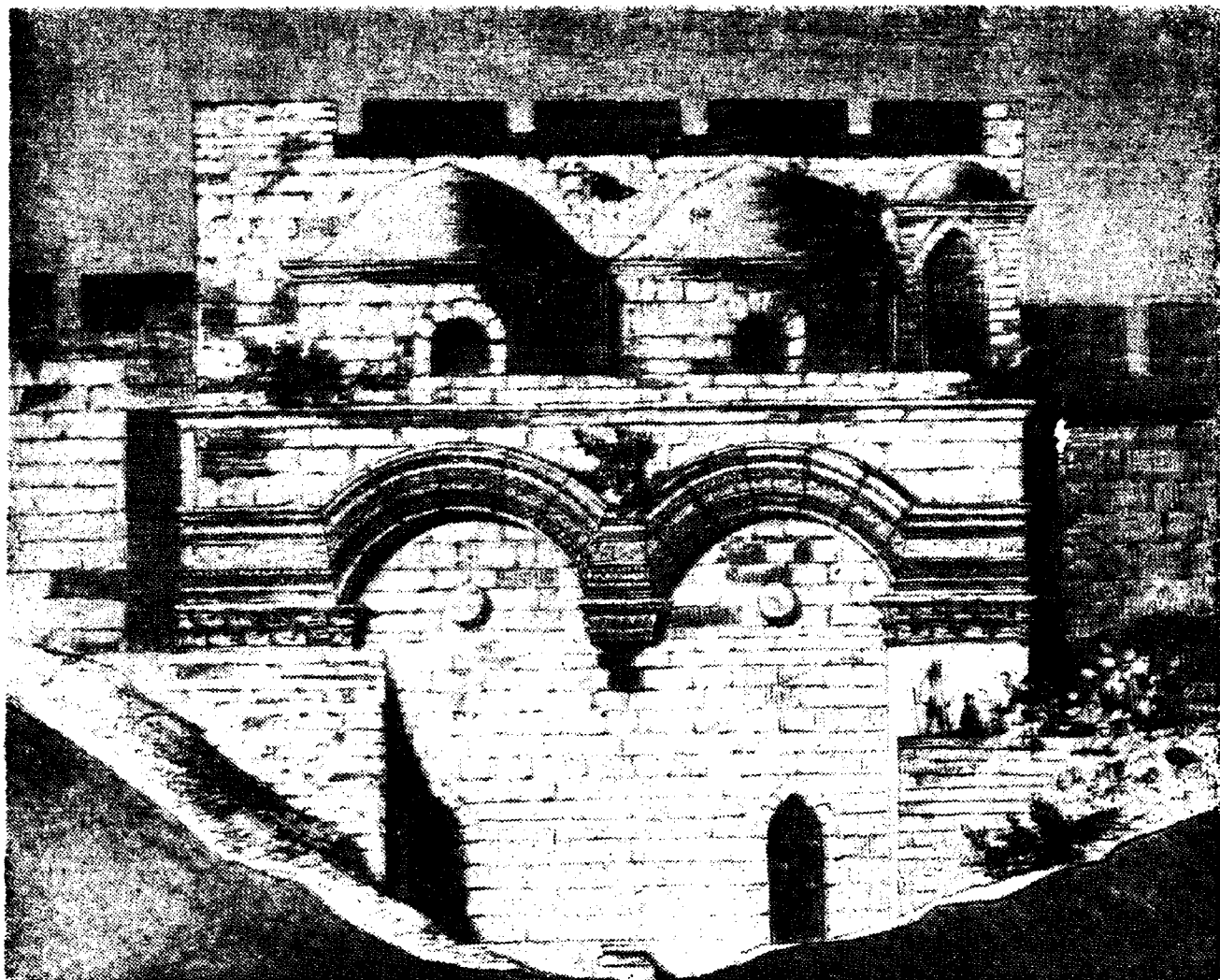
Новое царство изображается в ослепительных фантастических красках. Стены города «Нового Иерусалима» будут украшены драгоценными камнями: сапфиром, смарагдом, сардоником, хризолитом, бериллом, топазом и другими. Но право на «древо жизни» и на вход в ворота города получают лишь те «блаженные», которые соблюдают заповеди божии, не поддаются соблазну и творят правду.

Подобно еврейским апокалипсисам в древнейших христианских памятниках основание нового (тысячелетнего) царства мыслилось делом Мессии, царя или пророка.

В период господства Рима образ Мессии рисовался по образу всемогущего римского императора. Христианский Мессия, «славный воин», стоя во главе святой милиции (*Sacra militia*), сокрушит власть римского цезаря, подобно тому как этот последний сокрушал царства других народов.

3

Ранняя история христианства почти неизвестна. Передаваемые церковной историей факты из жизни Иисуса и его учеников, или апостолов, равно как и сама личность Иисуса, современной наукой отрицаются. Наиболее радикальные представители западной науки: голландцы Ломан, ван-Манен и американец Бенджамен Смит — приходят к заключению, что среди

Золотые ворота Иерусалимского храма.

По Дюри.

священных книг христианства (Нового завета) нет ни одного подлинного сочинения, что в действительности не было ни Иисуса, ни Павла, ни Иоанна крестителя. Все эти образы созданы в более позднее время и уже затем расставлены по своим историческим местам. И эту точку зрения на современном этапе науки следует признать наиболее правильной.

Христианство возникло в I столетии нашей эры, будучи одной из многочисленных иудейских сект — сектой назареев. История христианства есть история возникновения христианских общин, их освобождения от специфически иудейских элементов, развития христианства в мировую религию Римской империи и слияния общин в христианскую церковь¹.

¹ Источниками по истории христианских общин являются: «Послания апостолов», в особенности «Послания Павла», «Деяния апостолов», «Учение XII апостолов» (Дидахе), «Пастырь» Ермы, три первых евангелиста (синоптики), «Пастырские послания», «Конституция апостолов» и др. Капитальными сочинениями по истории распространения христианства служит произведение Адольфа Гарнака

Христианские общины имелись почти во всех крупных торгово-ремесленных городах Средиземноморья, в которых проживали евреи: в Иерусалиме, Антиохии, Эфесе, Коринфе, Риме, Путеолах и т. д. В европейских кварталах больших городов Средиземноморья собственно и возникли первые организации христиан. Вначале на христиан смотрели как на иудейскую секту и свое презрительное отношение к евреям переносили на христиан.

Первое время христианские общины почти ничем не отличались от других сект и объединений. Каждая община жила своей собственной жизнью и руководствовалась своими правилами. Общим между христианскими сектами была вера в мессию-искупителя Иисуса, в близкое наступление царства божия, в загробное воздаяние. Лишь во II веке была разработана христианская мифология и созданы мифы о земной жизни бога Иисуса

«Миссия и распространение христианства» и книга Эмиля Шюрера «История иудейского народа в эпоху Иисуса Христа».

Христа, по церковному преданию, родившегося в Палестине, в г. Вифлееме, осужденного еврейским синедрионом, распятого при наместнике Пилате в царствование Тиберия и на третий день воскресшего.

Подобно всем сектантам, христиане считали себя богоизбранными, святыми людьми, осеняемыми высшим вдохновением — святым духом. Число членов, неодинаковое в различных общинах, первое время вообще было невелико.

«Где двое или трое собираются во имя мое, там и я нахожусь среди них», — читаем в Евангелии Матфея.

Никакой организации в ранний период, собственно говоря, и не было. Входящие в состав общин «почитатели Христа» называли себя братьями и сестрами, считались равноправными, одинаково «боговдохновенными». Каждый верующий, «святой», был учителем, проповедником, пророком и слугой, находясь под воздействием высшей силы (*charisma*), осенявшей его в данный момент (*харисма* — состояние экстаза, получаемого непосредственно свыше или же через особые, религиозно-мистические действия).

Вступавшие в общину члены проходили обряд очищения. Символом очищения от первородного греха служило крещение, или омывание водой. Главную часть собраний во имя Христа составляли «вечери любви», совместные трапезы, проповеди, чтение и толкование «священного писания».

Социальный состав христианских общин с самого начала не был однородным, но, бесспорно, в них преобладали представители низших классов: рабы, вольноотпущенники и близкие к ним по своему социальному положению и настроению свободные.

«Из каких людей рекрутировались первые христиане? Преимущественно из «удрученных и обремененных», принадлежавших к низшим слоям народа, как и подобает революционному элементу. Из кого же состояли последние? В городах — из разорившихся свободных — людей из всех слоев народов, подобно «*mean whites*» * южных рабовладельческих штатов или

европейским бродягам и авантюристам колониальных и китайских портов, затем — из вольноотпущенников и главным образом рабов; в латифундиях Италии, Сицилии и Африки и в сельских округах провинций — из мелких крестьян, все более и более попадавших в кабалу из-за долгов»¹.

Для отчаявшихся людей, не видевших никакого другого выхода, «небесное царство», «Новый Иерусалим», разрисованный столь блестящими красками иудейскими и христианскими апокалиптиками, должны были казаться особенно привлекательными. Не меньшей притягательной силой обладало также сознание бессмертия и духовного превосходства над другими людьми и возможность освободиться от тяжелых условий жизни если не на земле, то по крайней мере хотя бы на небе.

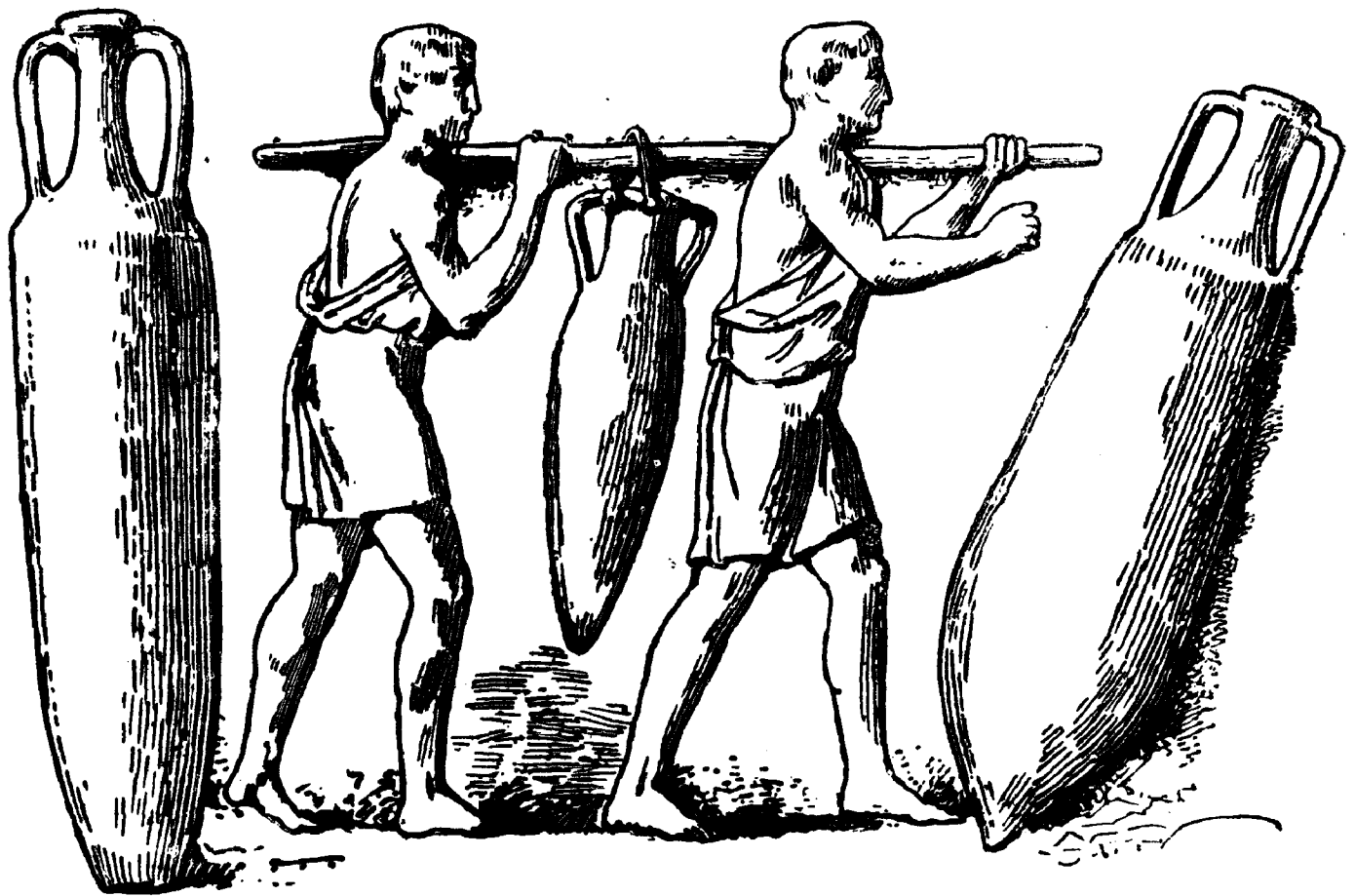
«Где же был выход, где спасение для поработанных, угнетенных и обнищавших — выход, общий для всех этих различных групп людей с чуждыми или даже противоположными друг другу интересами? ...При тогдашнем положении вещей он мог быть лишь религиозным. И вот открылся другой мир. Дальнейшее существование души после смерти тела стало по-прежнему в римском мире общепринятым символом веры. Точно так же все больше и больше распространялась вера в то, что умершие души ждут награды или кара за совершенное ими на земле. Впрочем, награда представлялась довольно сомнительной...»².

Отношение христиан к существующему строю неопределенно и противоречиво. Христианская литература: евангелия, апостольские послания, защитительные речи (апологии), проповеди (гомалии) и др. — отрицает существующий строй постольку, поскольку она отрицает мир вообще, культуру, право, учреждения и всю земную жизнь. Конечно, никакой революционности в этом слишком общем отрицании не было. «Не любите мира, ни того, что в миру: кто любит мир, в том нет любви к богу, — говорит апостол Иоанн. — Ибо все, что

¹ Ф. Энгельс «О первоначальном христианстве», стр. 34.

² Там же, стр. 35.

* Белым из низших классов.

Продавцы вина. Помпея.

в мире, — похоть плоти, похоть очей и гордость житейская — не есть от отца, но от мира сего».

В мире царит одно сплошное зло: богатство, слава, почести, звания и т. д. — все это пустая суета. «Мир, — говорится в «Послании к мученикам» Тертуллиана, — носит тяжчайшие цепи, изнуряющие душу. Мир преисполнен вредных испарений, это соблазн распутства и сладострастия».

Из приведенной цитаты видно, что христианский нигилизм, отражавший взгляды римских низов, не имеет ничего общего с подлинной революционной идеологией. Несмотря на воинственную фразеологию (в частности в Апокалипсисе) на практике христиане признавали существующий строй, не отрицали также и рабства.

«Каждый пусть остается в том звании, в котором он в настоящее время находится», — говорится в послании Павла к Коринфской общине. Кто принял христианство рабом, тот пусть им и остается. Христиане не преследовали никаких политических целей и не имели никакой социальной программы.

Отрицанием земных ценностей и перенесением идеала с земли на небо христианство сглаживало классовые

противоречия, освящая и укрепляя тем самым существующие порядки. «Социальные принципы христианства оправдывали античное рабство, превозносили средневековое крепостничество»¹.

Реакционное значение имела и имеет проповедуемая христианами любовь к ближнему. «Эта любовь раскрывается в сентиментальных фразах, которые не могут устранить действительных, фактических отношений; она усыпляет человека той теплой сентиментальной размазней, которой она его кормит»².

По времени христианство было самой последней религией античного мира и наиболее приспособленной к новым условиям. Христианская религия, зародившаяся в I веке империи, была столь же универсальна, космополитична и синкретична, как и сама породившая ее империя.

Одним из преимуществ христианской религии по сравнению с другими современными ей религиями была упрощенность христианского культа.

¹ К. Маркс «Коммунизм рейнского обозревателя». Собр. соч. Т. V, стр. 173. Гиз. 1929.

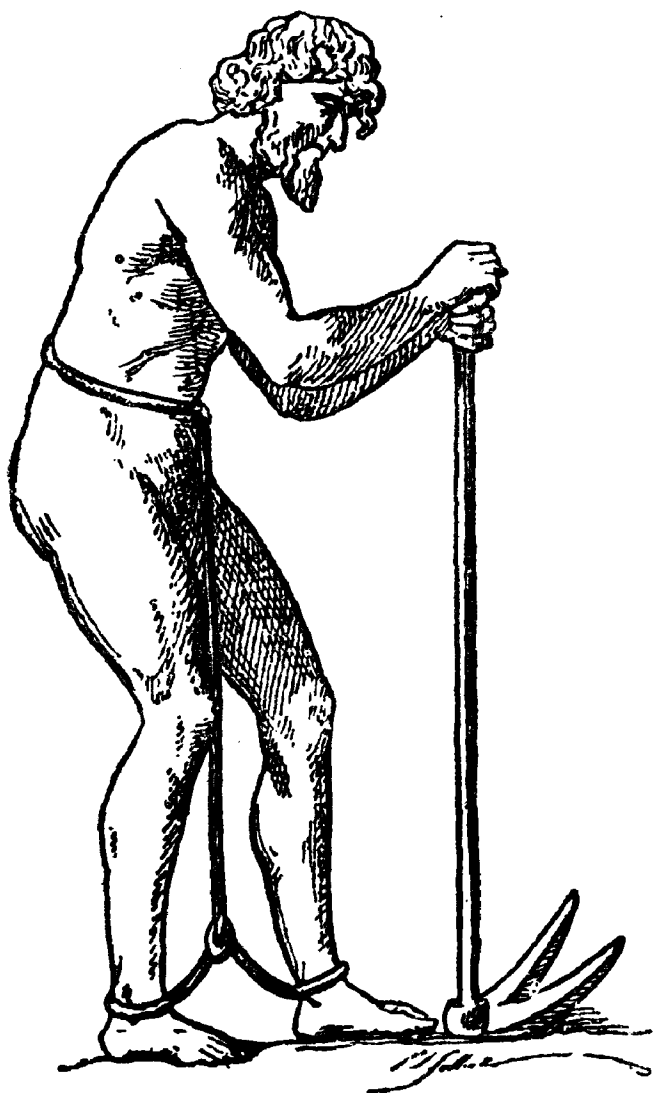
² К. Маркс и Ф. Энгельс «О религии и борьбе с нею». Т. I, стр. 211. Гаиз. 1933.

В то время когда другие религии требовали от своих членов мелочного исполнения предписываемых обрядов и за несоблюдение их грозили наказанием, в древнем христианстве обрядовая сторона была до последней степени упрощена.

«Христианство,— пишет Энгельс,— не знало никаких вносящих разделение обрядов, не знало даже жертвоприношений и процессий классической древности. Отрицая все национальные религии и общую им всем обрядность, обращаясь ко всем народам без различий, христианство становится первой возможной мировой религией»¹.

Решающую же роль в истории христианства сыграла организация христианских общин. И в этом отношении христианство шло по путям, проложенным Римской империей и иудаизмом. Внутренняя организация христианских общин имеет много сходных черт с римскими религиозно-профессиональными союзами, колле-

¹ Ф. Энгельс «О первоначальном христианстве», стр. 21.

Скованный раб.

гиями и еврейской синагогой. Общинная организация, наметившаяся уже в половине I века, создавалась в процессе борьбы христианской религии с приверженцами старой веры (язычниками с одной стороны и с разными течениями (сектами) внутри самого христианства — с другой).

История христианства до образования церкви (II век) есть история внутренней борьбы между христианско-иудейскими сектами. Внутриобщинная организация явилась естественным следствием их расширения и усложнения функций «братьев и сестер», входивших в их состав.

Раньше всего выделялась чисто хозяйственная должность диаконов, или служителей. Старые вожди общин (апостолы) жаловались, что они не могут одновременно проповедывать, объяснять «слово божие» и обслуживать общины, собирать приношения, устраивать «вечери любви» и помогать бедным. Это и послужило поводом к образованию специальной выборной коллегии диаконов, заведывавших хозяйственной частью. Для этой цели, по предложению апостолов, было выбрано 7 человек, отличавшихся высокой репутацией.

По образцу коллегии диаконов вскоре возникла другая коллегия — старейших, или пресвитеров, проповедников и толкователей «священного писания». К пресвитерам постепенно и перешло руководство всей общиной. Во II веке из пресвитеров выделился 1-й пресвитер, или епископ. Епископ был казначеем общины, ведал, распоряжался и даже владел церковным имуществом, был официальным представителем общины перед властями. Именно в силу этих своих функций епископы прибрали власть в общинах к своим рукам. Ревнителю «старой веры» (например монотанисты) не признавали главенства епископа. Еще в «Дидахе» епископу отводится второстепенное место «аппаратного» церковнослужителя. Впоследствии попы создали теорию примата епископа.

Вначале епископы выбирались на общинном собрании и находились под непосредственным ее наблюдением. В дальнейшем же это положение ради-

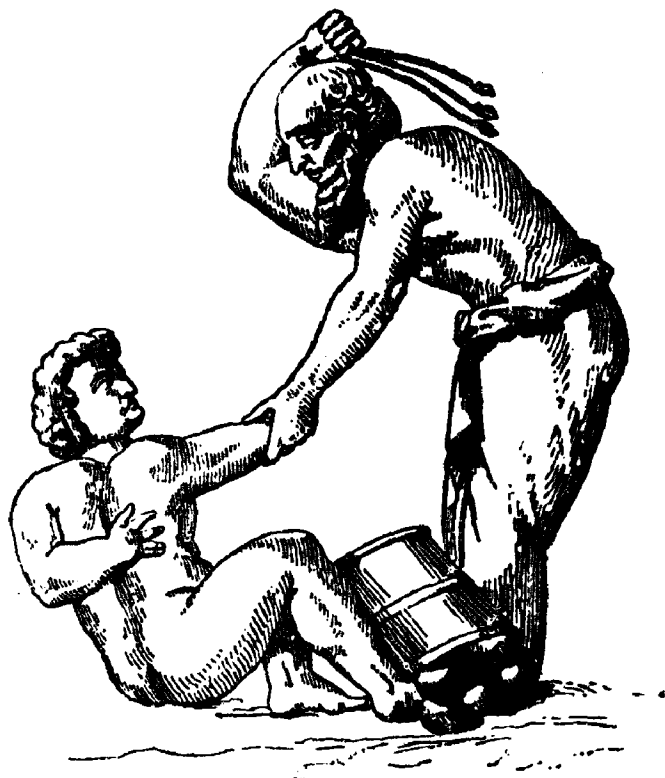
кально изменилось: община верующих растворилась в лице епископа и его помощников — священнослужителей (клира).

Выгодную для клира перемену старались поддержать ссылкой на апостольское предание, согласно которому епископы, пресвитеры и клир якобы существовали раньше общины. Первые пресвитеры были рукоположены самими апостолами по указанию святого духа, и с тех пор благодать божья продолжает пребывать на священнослужителях, в особенности же на главных из них — епископах и пресвитерах.

С точки зрения церковного авторитета, первостепенное значение имело то обстоятельство, что только епископы могли совершать таинство евхаристии (причащения), т. е. самый важный акт христианского культа.

Раздачи милостыни, устройство трапез, приютов, странноприимных домов, распоряжение общинными средствами и т. д. тоже целиком зависело от епископа и подчиненного ему клира. «Кого ненавидит епископ, того должен ненавидеть и весь народ общины. С кем епископ не говорит, с тем не должны говорить и члены общины», — говорится в одном наставлении II века. Епископства объединялись в метрополии, находившиеся в наиболее крупных городах Римской империи: Александрии, Карфагене, Константинополе, Антиохии, Риме и т. д. Из всех епископов и митрополитов по своему влиянию и материальной силе с III века выделяется епископ римской общины, будущий римский папа.

Благодаря своему столичному положению, большому числу членов и богатству римская церковь приобрела господствующее положение среди всех остальных христианских общин. Благодаря пожертвованиям, дарениям, церковным сборам (воскресный сбор) и землям, получаемым по завещанию умерших членов, римская община была богаче других, ссужала им деньги и располагала большим числом служителей. Материальные и организационные преимущества были главной причиной возвышения римской общины среди других христианских

Избиваемый раб. С бронзового сосуда, Помпеи.

общин и римского епископа среди других епископов.

Так было положено начало христианской церкви. В подтверждение законности своих притязаний римские епископы ссылались на авторитет апостолов Петра и Павла, якобы основавших римскую общину. Впоследствии притязания римских епископов были подтверждены императорскими конституциями.

«Мы желаем, чтобы все народы, которыми управляет наша кротость, пребывали в вере, переданной римлянам божественными апостолами Петром и Павлом и которой следует епископ Дамасский»¹.

Все другие христианские общины — церкви — должны признавать авторитет и подчиняться предписаниям римской церкви, продолжающей традиции апостолов.

4

Объединению христианских общин и образованию церкви способствовала внутрицерковная борьба, в особенности борьба с гностиками. Под гностиками разумеют не одну какую-либо определенную секту, а массу самых разнообразных, отчасти христианских, а отчасти нехристианских сект. Общей для всех гностических сект чертой была вера в необходи-

¹ Кодекс Феодосия, XVI, 1, 2.

мость освобождения духа от материи путем экстаза, усвоения тайной науки и отрицания всех земных учреждений, радостей и даже самого смысла жизни.

С учением гностических сект знакомят нас апокрифические, непризнанные церковью евангелия, из которых сохранилось довольно много отрывков.

Некоторые из гностических сект требовали радикальной переоценки всех ценностей.

«Если вы не делаете правое левым и левое правым, — говорится в одном из апокрифических евангелий (египетское евангелие), — верхнее нижним и нижнее верхним, переднее задним и заднее передним, то вы не можете постичь царствия божия».

«Двойственное должно сделаться единым, наружное слиться с внутренним, мужское с женским, не должно быть мужчины и женщины».

Гностики отрицали какую бы то ни было догму и организацию, проповедывали платоновский коммунизм, общность имущества, общность жен (секта Карпократ), отказывались от мясной пищи, проповедывали полный социальный индифферентизм, бедность, аскетизм и т. п. Из гностических вождей наибольшим влиянием пользовались: Карпократ, Маркион, Басилид и Валентин.

Гностические учения больше всего сочувствия находили в низших слоях населения и среди интеллигенции, тяготевшейся существующим строем и неудовлетворявшейся официальной религией и философией.

Напротив, более состоятельные элементы спланивались вокруг зарождавшейся христианской церкви и вступали в христианские общины. К концу II века, ко времени образования церкви, социальный состав христианских общин значительно аристократизировался и плутократизировался. Прилив в общины состоятельных элементов оказал свое действие также и на идеологию христиан, в особенности на их отношение к богатству и богатым. В принципе все еще порицая богатство, церковные писатели вместе с тем начинают отмечать и отрицательные стороны бедности.

«Человек, находящийся в стесненном материальном положении, — говорится в сочинении «Пастырь» Ерма (середина II века), — терпит муки, пытки и мучает себя, как закованный в цепи, и многие, очутившись в подобном положении, истерзанные нуждой, налагают на себя руки». Ориген считает бедность результатом слабости человеческой природы и лениности.

«Никто, — говорит он, — не станет без разбора хвалить нищих, из которых большинство по своей жизни люди негоднейшие».

Та же мысль проводится в толковании Амвросия на евангелие Луки: «Не всякая бедность свята, а богатство преступно».

В процессе роста церкви и в борьбе с гностиками создавалась церковная догма, составлялся канон священных книг Нового завета и устанавливались формы культа. Самым актуальным вопросом церковной догматики было обоснование необходимости церкви и епископского авторитета. С теоретическим обоснованием необходимости церкви как духовного посредника между общиной верующих и богом выступил карфагенский епископ Киприан, создавший настоящую теорию власти церкви и епископов. «В самом деле, мы ведь знаем, что существует единый бог, единый владыка Христос, которого мы исповедуем, единый святой дух, следовательно, должен быть и единый епископ»¹. «Без посредничества церкви нет спасения».

Копируя в организационных вопросах империю, в вопросах ритуала церковь повторяла греко-эллинистические обряды. Все, что можно было взять из богатого арсенала языческой религии, христиане брали и выдавали за свое «богооткровенное наследие», приспособляя для своих «божественных» целей чудеса, суеверия, веру в загробную жизнь и т. п.

В основу христианского ритуала положены мистерии, состоящие из посвящений, купаний в чистой воде (крещение), общих трапез, причащений и многое другое. Мистерии совершались при свете свечей, служивших

¹ Киприан «Письма». 49, 2.

символом жизни, смерти и воскрешения. Самой важной частью христианского ритуала считалось причащение, означавшее мистическое соединение человека с богом. Причащение—один из наиболее ярких пережитков анимизма, веры в духов.

Чем больше плутократизировался социальный состав христианских общин и чем больше выветривалась революционная фразеология, тем настойчивее выступало стремление о единения церкви и государства. Однородные по своему социальному составу и организации, церковь и государство шли навстречу друг другу.

Уже в сочинениях церковных апологетов II века проскальзывает идея о возможности совместного существования церкви и империи. Так например Юстин Мученик, церковный писатель первой половины I века, готов признать цезарское государство при условии взаимного признания государством христианской церкви и наказания всех, кто клеветает на христианскую религию и церковь.

Еще далее по пути сближения с государством идет епископ г. Сард— Мелитон, живший при Марке Аврелии (конец II века). В своем трактате об истине, сохранившемся на сирийском языке и посвященном Марку Аврелию, Мелитон перечисляет выгоды, которые принесет государству сближение с церковью.

«Наша вера, — пишет Мелитон, — возникшая среди чуждой народности, начала расцветать в провинциях твоего государства при твоём великом предшественнике Августе и принесла государству великие блага. Лучшим доказательством того, что вера наша процветала на благо монархии служит тот факт, что со времени правления Августа ни одно несчастье не постигло вашу державу, напротив, все умножало ее славу и великолепие.

Только Нерон и Домициан, совращенные злонамеренными людьми, стремились очернить вашу веру. От них и пошла ложь на христиан».

Государство, со своей стороны, шло на сближение с церковью. По мере того как Римская империя превращалась в мировую державу и республиканский строй уступал место

централизованной монархии, римский император силой вещей превращался в абсолютного монарха, сверхчеловека — августа. В провинциях император почитался наравне с богами.

Взгляд на императора как на бога с полной отчетливостью выражен в недавно открытой надписи в г. Приене, сделанной в 9 году до нашей эры и посвященной дню рождения Августа.

В этой надписи император называется «спасителем», «миротворцем», «богом» и т. п. «Этот день (день рождения Августа. — В. С.), — говорится в надписи, — преобразил весь мир. В дне рождения императора начало всей жизни, всех жизненных благ. Он ниспослан как спаситель нам и будущим поколениям. Великой гражданской смуте наступает конец, все получит великолепное устройство».

После этого уже нетрудно было приравнять императора к идеальному основоположнику христианства—Христу, а самого Христа облечь в императорскую мантию и наделить императорскими атрибутами.

Впоследствии сферы влияний были поделены: за императором оставлена власть на земле, а за Христом — на небе.

Отношение императоров к христианской религии скорее было терпимым чем враждебным. Тиберий, например, предлагал сенату зачислить Иисуса в сонм богов, а императоры из династии Антониев, известные своей религиозной терпимостью, допускали культ Христа наравне со всеми другими религиями.

Таким путем исподволь, в силу внутренней логики, подготовлялось сближение церкви и государства, двух равновеликих организаций рабовладельческого Рима. Обе они были организациями состоятельных классов, не чувствовавших тогда себя достаточно прочно. Идеологическая подготовка началась уже во II столетии, провозглашение же христианства государственной религией состоялось лишь в IV столетии.

Союз церкви с государством состоялся в результате жестокой борьбы между ними, имевшей место во 2-й половине III века и известной под именем христианских гонений.

И. Арский

КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ В XV ВЕКЕ

1

Трудовое крестьянство Испании, в котором испанский пролетариат находит с каждым днем все более широкие и мощные кадры союзников в борьбе с буржуазно-помещичьим господством, знает в своей многовековой истории немало героических боевых страниц. Указание Ленина о том, что «вся эпоха крепостного права... полна постоянных восстаний крестьян»¹, особо ярко иллюстрируется историей испанского крестьянства.

История феодальной Испании имеет ряд специфических особенностей. Эти особенности давали возможность дворянским и буржуазным идеологам испанского национализма создавать всевозможные теории об особенностях «народного духа» испанского народа, якобы преодолевающего классовую борьбу и создающего «особые» исторические пути развития последнего.

Завоевание Испании арабами и господство мавританско-мусульманской феодальной культуры (на первых порах несколько облегчившее положение непосредственных производителей — крестьян — и способствовавшее значительному прогрессу страны, как хозяйственному, так и общекультурному), продолжавшиеся с начала VIII века до середины XIII века, а частично на территории Гранадского эмирата — этого последнего оплота мавров

¹ Ленин. Собр. соч. Т. XXIV, стр. 371.

в Испании — до 1492 года, наложили своеобразный и значительный отпечаток на экономический и политический строй христианской феодальной Испании, особенно в ее южных областях.

Не менее глубокий отпечаток наложила на историю феодальной Испании та борьба, которая велась с VIII по XV век между испанской и мавританской феодальной знатью. Эта многовековая, упорная и кровавая борьба, так называемая реконкиста, т. е. отвоевание, отразилась на всем хозяйственном укладе и общественном строе средневековой Испании. Об этом писал Маркс: «Важно также, что медленное избавление от арабского владычества в процессе почти восьмисотлетней упорной борьбы привело к тому, что полуостров, освободившись вполне, получил характер, совсем отличный от тогдашней Европы»².

Заселение отвоеванных земель, опустошенных длительными войнами и продолжавших еще долгое время находиться в сфере постоянных пограничных стычек и набегов с обеих сторон, происходило в чрезвычайно своеобразной обстановке. Это отразилось на особенностях складывавшихся социальных отношений. Сохранение максимально тяжелых форм крепостнической эксплуатации крестьянства помещиками, заселявшими эти земли, в подобной обстановке не могло иметь места. Помещику, если он хотел получить выгоды от завоеванных земель, приходилось идти на определенные уступки и в некоторой мере смягчать степень и форму феодальной эксплуатации. Энгельс сравнивал Кастилию со скандинавским севером и указывал на то, что «норвежский крестьянин никогда не был крепостным, и это обстоятельство — как и в Кастилии — накладывает свою печать на все развитие»³.

Нормы и способы этой эксплуатации фиксировались в особых договорных грамотах (*cartas pueblas*, как они

² К. Маркс и Ф. Энгельс. «Революционная Испания». Соч. Т. X, стр. 719.

³ Ф. Энгельс. Письмо к Паулю Эрнсту. Сборник «Маркс и Энгельс об искусстве», стр. 201. 1933.

позже назывались), которые заключались помещиками «новых» земель с крестьянами, соглашавшимися обрабатывать эти земли. Эти грамоты перечисляли разнообразные и многочисленные обязанности крестьян по отношению к помещикам в натуральной, отработочной, а частично и денежной форме феодальной ренты. Они определяли условия, на которых степные равнины Кастилии, цветущие горные долины Андалузии и Валенсии, как и все вообще отвоеванные у мавров земли, заселялись крестьянами, выходцами из областей Северной Испании, а также многочисленными переселенцами из Франции и Италии.

Ясно, что помещики соблюдали статьи этих грамот только до тех пор, пока не чувствовали себя прочно утвердившимися в стране. Стоило ослабеть напряженности военной обстановки — и помещики более решительно наседали на крестьянство. Но суровая школа пограничной жизни воспитывала боевой дух в испанском крестьянстве. На насилия помещиков оно отвечало бесчисленными восстаниями, которые заставляли помещиков умерять свою эксплуататорскую жадность. Разрозненность этих восстаний, обусловленная раздробленностью всей страны, нисколько не умаляет их напряженности и исторического значения.

Чем удаленнее от арены Реконквисты была какая-либо область Испании, тем тяжелее было в ней ярмо крепостнической эксплуатации.

Крайняя северозападная область Испании — горная Галисия — и особенно крайняя северо-восточная область — Каталония — являлись районами наиболее тяжелых форм крепостничества в Испании. Не удивительно, что в Каталонии и на близких к ней Балеарских островах в XV веке вспыхнули настоящие крестьянские войны, в результате которых была облегчена, хоть в некоторой степени, участь закрепощенного крестьянства.

2

Положение трудового люда в Каталонии и на Балеарских островах (обе области входили в состав Арагонского

Арагонский крестьянин. С рис. XV века.

королевства, точнее, Арагоно-Каталонской унии) не было одинаковым.

В Каталонии постепенно все более усиливающийся гнет феодалов XII—XIII веков создал категорию наиболее бесправных крестьян, называвшуюся ременсами (*remensas*). Крестьяне эти были прикреплены к земле, которую они не могли покинуть без соответствующего выкупа — ременса (откуда и пошло название этой категории крестьян), при этом они были подчинены целому ряду тягостных и унижительных, так называемых «дурных обычаев» (*malos usos*). Эти «дурные обычаи» охватывали ряд сторон жизни ременс. Так, помещик имел право на часть имущества крестьянина, пострадавшего от пожара, как штраф за неосторожное обращение с огнем, право на захват имущества крестьянина, умершего без законных детей, право на часть (от трети до половины) имущества крестьянина, умершего без завещания, право требовать крестьянских жен в кормилицы господским детям, право на часть имущества крестьянина, жена которого вступила в незаконную связь с посторонним, право на первую ночь с новобрачной крестьянкой или на выкуп ее, и т. п.

В XIII веке ременсам даже было запрещено жаловаться на своих господ, многие из которых имели право суда

Колбасник. Из каталонской рукописи XIV века.

над своими крестьянами, вплоть до вынесения смертных приговоров.

Ременсы преобладали среди крестьянства северной части области, так называемой Старой Каталонии (до реки Лобрегат), а также в областях Русильон и Сердань, к северу от Пиринейских гор, входивших в состав арагоно-испанских земель. В так называемой Новой Каталонии (к югу от реки Лобрегат, отвоеванной у мавров позже чем Старая Каталония) ременсы составляли меньшую часть крестьянства. На положении ременс в середине XIV века находилось около 20 тысяч крестьянских хозяйств, т. е. не менее четверти населения всей области, так как, по данным переписи 1359 года, можно установить, что во всей Каталонии имелось около 84 тысяч крестьянских дворов, из числа которых в руках крестьян-собственников находилось не более одного процента их, в руках короля — 28% и в руках помещиков и горожан — 71%.

Особенностью Балеарских островов, покрытых цветущими плантациями и садами, являлось широкое применение рабского труда. Рабы ввозились сюда из различных стран: Греции, Сербии,

Болгарии, румынских земель, Руси, Кавказа, Египта и т. д. Реконкиста в XIII веке наполняла острова рабами-маврами, а оживленная работоторговля итальянских купцов в XIV веке и позднее поставляла на острова все новые партии живого товара. Еще в середине XIII века рабы не были редкостью и в Каталонии. Однако таких огромных размеров и такого затяжного характера, как на Балеарских островах, рабовладельческий уклад нигде в Испании не имел. В одном официальном документе 1374 года указывается, что на одного свободного человека на островах приходилось по 20—30, а в некоторых районах и по 50 рабов и что рабы все время пытались бороться с угнетателями: убежали от своих господ и, образуя отряды, напали на них. В 1287 году на одном только острове Менорке (который приблизительно в 5 раз меньше Майорки — самого большого острова) насчитывалось до 20 тысяч рабов.

В страхе перед возможным всеобщим восстанием рабов на островах королевские чиновники не раз пытались сократить их численность. Однажды правительство предписало продать на сторону всех рабов, кроме тех, труд которых будет признан необходимым для сельскохозяйственных работ на островах. В конце XIV века на островах была утверждена специальная должность по надзору за рабами для предотвращения их побегов и восстаний. Рабам, осмелившимся где-либо собраться в числе более трех или обзаведшимся без разрешения хозяина каким бы то ни было оружием, грозило 25 ударов плетью. Им запрещались пребывание на пристанях и покупка лодок. За отлучку в течение более чем 30 дней рабов казнили. На рабов-магометан, считавшихся особенно опасными, одевались для отличия специальные железные кольца.

Правительство Арагонского королевства не раз пыталось усилить на островах испанский элемент, поощряя иммиграцию свободных ремесленников, а также крестьян из Каталонии, Арагона и других испанских земель, но конкуренция дешевого рабского труда вкорне убивала все попытки та-

кого рода. Гибельная для труда свободных людей, конкуренция рабов вызвала среди ремесленников, а также крестьян Балеарских островов чрезвычайное ожесточение. Несознательная масса свою ненависть к эксплуататорам переносила и на их невольное орудие — рабов. Поэтому ремесленные цехи на островах всячески отгораживались от рабского населения, не принимая их в число своих членов и запрещая обучать их ремеслу. Крестьянские восстания обычно сопровождались убийствами рабов, в которых крестьяне видели орудие помещичьего произвола и конкурентов, обрекавших самих крестьян на полурабские, нищенские условия существования.

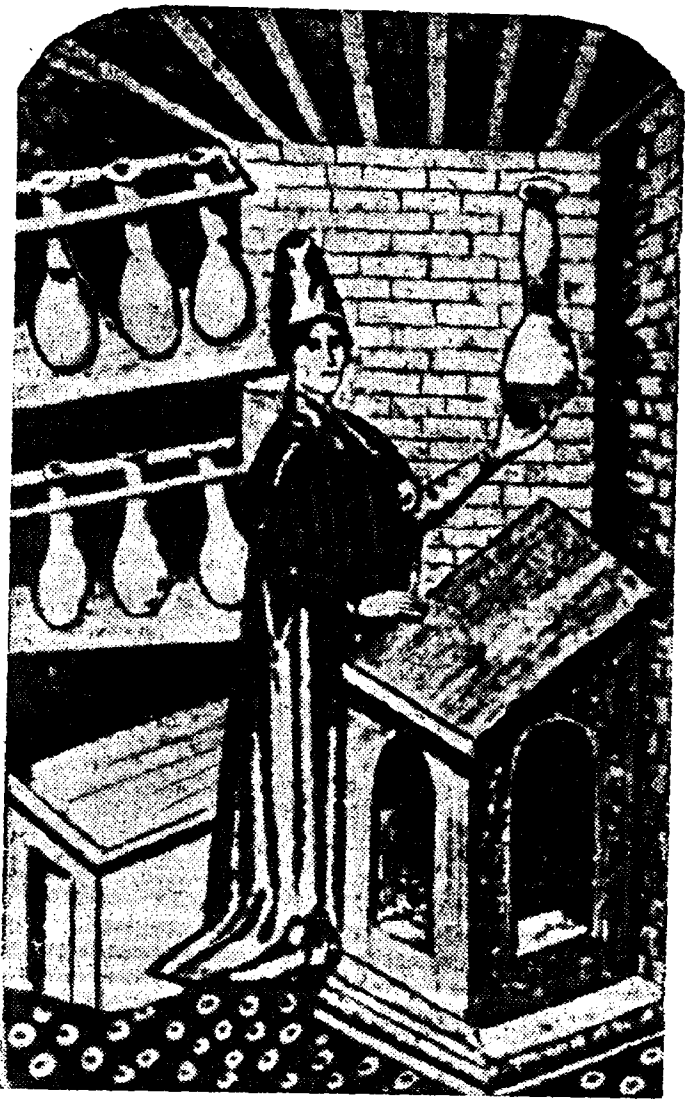
Обстановка на Балеарских островах имела еще одну особенность: значительное развитие средиземноморской торговли в городе Пальме — главном городе Балеарских островов — способствовало быстрому обогащению торговой буржуазии, которая превращала свои богатства в земельную собственность, тем самым пополняя собой кадры помещичьего класса.

Процесс сосредоточения земель в руках городской буржуазии достиг особенной силы в начале XV века. Городской патрициат не только стремился совершенно вытеснить крестьянское землевладение, но и заменял труд крестьян на скупленных землях рабским трудом. Все это доводило крестьянство до полной нищеты.

Увеличение налогового бремени, распределявшегося на основе круговой поруки, усугубляло исключительно тяжелое положение крестьян. Наконец, ряд мероприятий муниципалитета Пальмы, например принуждение крестьян свозить весь урожай хлеба на городской рынок для продажи по пониженным ценам, окончательно истощал терпение крестьянства.

3

Интенсивное хозяйственное развитие Каталонии в XIII—XIV веках, когда Барселона, ее центр, стала одним из важнейших торговых городов Средиземноморья, привело к бурному вторжению товарно-денежных отношений и в сельское хозяйство. Барсе-

Аптекарь. Из каталонской рукописи XIV века.

лона постепенно втягивала в свою хозяйственную орбиту все большую и большую часть Каталонии. Каталонские феодалы, приобщившись к участию в торговле и к роскоши, стремились выжать из своего крестьянства максимум денежных доходов. Усугубление внеэкономического принуждения в целях увеличения доходности имений натолкнулось, однако, на противодействие крестьян, ответивших на рост феодальной эксплуатации восстаниями.

В конце XIII и начале XIV века в ряде местностей Херонской епархии (Каталония), где феодалы-церковники особенно жестоко и упорно эксплуатировали крестьянство, прокатился ряд крестьянских волнений и восстаний. Фактически в течение нескольких десятков лет этот район находился в состоянии непрекращавшейся гражданской войны. Помещики вешали непокорных крестьян, а повстанческие отряды нападали на угнетателей, убивая их при всякой возможности.

Ворота средневекового испанского города Валенсии.

Развитие в Каталонии городов привлекало в них значительные массы окрестного крестьянства и способствовало медленной ликвидации личной крепостной зависимости. В 1283 году Барселона получила привилегию, согласно которой пребывание в ней крепостного крестьянина в течение года и одного дня делало его лично свободным. В 1284 году эту же привилегию получила Херона, а в следующем году — и ряд других городов. Распри Барселоны с окрестными феодалами приводили к тому, что и этот срок не соблюдался: крестьянину достаточно было только добраться до города. Но в целом городская буржуазия вовсе не стремилась к освобождению крестьянства и не оказывала ему помощи в борьбе с помещиками. Барселона, Херона и другие города осуществляли свои сеньериальные права феодальных господ над целым рядом сел не менее рьяно чем помещики.

Сопrotивление крестьянства, бегство их в города или вообще за пределы досягаемости для их господ заставляли помещиков соглашаться на выкуп у них крестьянами всех тех повинностей, которые основывались на так называемых «дурных обычаях», особенно ненавистных для крестьян.

Постепенный перевод феодальной ренты из натуральной формы в денежную (так называемая коммутация) и замена повинностей, взимавшихся на основе «дурных обычаев» определенными денежными взносами помещику, способствовали ослаблению тех

пут, которые накрепко привязывали крестьянина к земле, но ряд натуральных повинностей еще долго оставался неприкосновенным.

Чумные эпидемии, свирепствовавшие с 1348 по 1397 год, и жестокие неурожаи произвели в Каталонии, как и во всей Испании, сильнейшие опустошения.

Чрезвычайное сокращение рабочих рук вызвало со стороны арагонского правительства декреты, направленные против их удорожания и восстанавливающие те таксы на заработную и наемную плату, которые существовали до начала чумной эпидемии. За их превышение штрафовали и рубили руки. Под страхом жестоких казней городским поденщикам и батракам запрещались сходки, сговоры, стачки. Попам было предписано оказать воздействие на народ путем проповедей. Но стремление крестьян бросать опустошенные земли и переселяться в города заставляло помещиков идти на уступки и смягчать до некоторой степени эксплуатацию.

Попытки королей Хуана I (1389—1395 годы) и Мартина (1395—1410 годы) сосредоточить в своих руках процесс выкупа наиболее тяжелых «дурных обычаев» не имели успеха, так как папа, к которому короли обращались, отказался дать соответствующее предписание церковным феодалам Каталонии. Между тем это сулило королевской власти большие материальные выгоды и помогло бы предотвратить неминуемый взрыв со стороны крестьян.

Альфонс V, «Мудрый» (1416—1458 годы), чрезвычайно нуждаясь в деньгах для своих широких политических замыслов и войн, стал особенно широко производить операции выкупа, распространяя их даже и на земли, никогда не принадлежавшие казне.

Эти операции производились примерно таким образом: получив от крестьян деньги за выкупленные от феодалов земли — крестьяне предпочитали более регулярную эксплуатацию со стороны правительства совершенно безудержной и дикой по форме эксплуатации отдельных помещиков, — Альфонс V вновь передавал за соответствующую взятку эти земли в руки

помещиков. В результате такой «политики» он еще более расширил помещичьи права над крестьянами. Такие «операции» проделывались и его предшественниками.

Все это сильно возбуждало крестьян. Крестьяне демонстративно рыли могилы для помещиков, предвкушая час расправы с угнетателями.

В 1448 году ряд общин обратился к правительству, требуя разрешения беспрепятственно устраивать крестьянские сходы для организации выкупа и обсуждения его условий. Наместница короля в Каталонии, его жена королева Мария, вынуждена была дать такое разрешение, ограничив число участников сходов максимумом в 50 человек. Скоро крестьяне сговорились на том, чтобы добиваться за 64 тысячи флоринов выкупа по всей Каталонии.

Дворяне забили тревогу, и их делегат, отправившийся к королеве, заявил ей: «Лица, называющие себя крестьянскими комиссарами, рыщут по отдельным частям каталонского княжества, злоупотребляя своими полномочиями. Они производят смуты, волнения и беспорядки, возмущают народ, проповедуя освобождение крестьян от крепостной зависимости и заявляя, что крестьяне не будут обязаны больше платить оброк и нести другие повинности; к ним пристают и другие крестьяне, становятся их сообщниками и бунтуют; они беспрепятственно собираются на сходы и готовы поднять восстание, заявляя, что они или их синдики (старшины. — И. А.) добьются в кортесах (в словесном сейме. — И. А.) княжества освобождения от налогов, установленных депутацией (постоянным комитетом кортесов Каталонии. — И. А.), так как сами захватят в свои руки правление, выбирая одного, двух или трех депутатов, в сравнении со всеми членами других сословий, взятыми вместе. Если же кто-нибудь попытается помешать им в этом, того, говорят они, разорвут на части; и если они не добьются от короля или королевы того, чего требуют, то поставят во главе княжества или французского короля, или дофина (старшего сына французского короля. — И. А.), или

Ренэ Анжуйского¹, или кого-нибудь другого... и тогда видно будет, осмелится ли кто-нибудь помешать им в этом. Наши деньги, говорят они, мы даем королю в надежде получить свободу; но если мы будем платить, а свободы не получим, то по отношению к королю-изменнику и вассалы будут изменниками»².

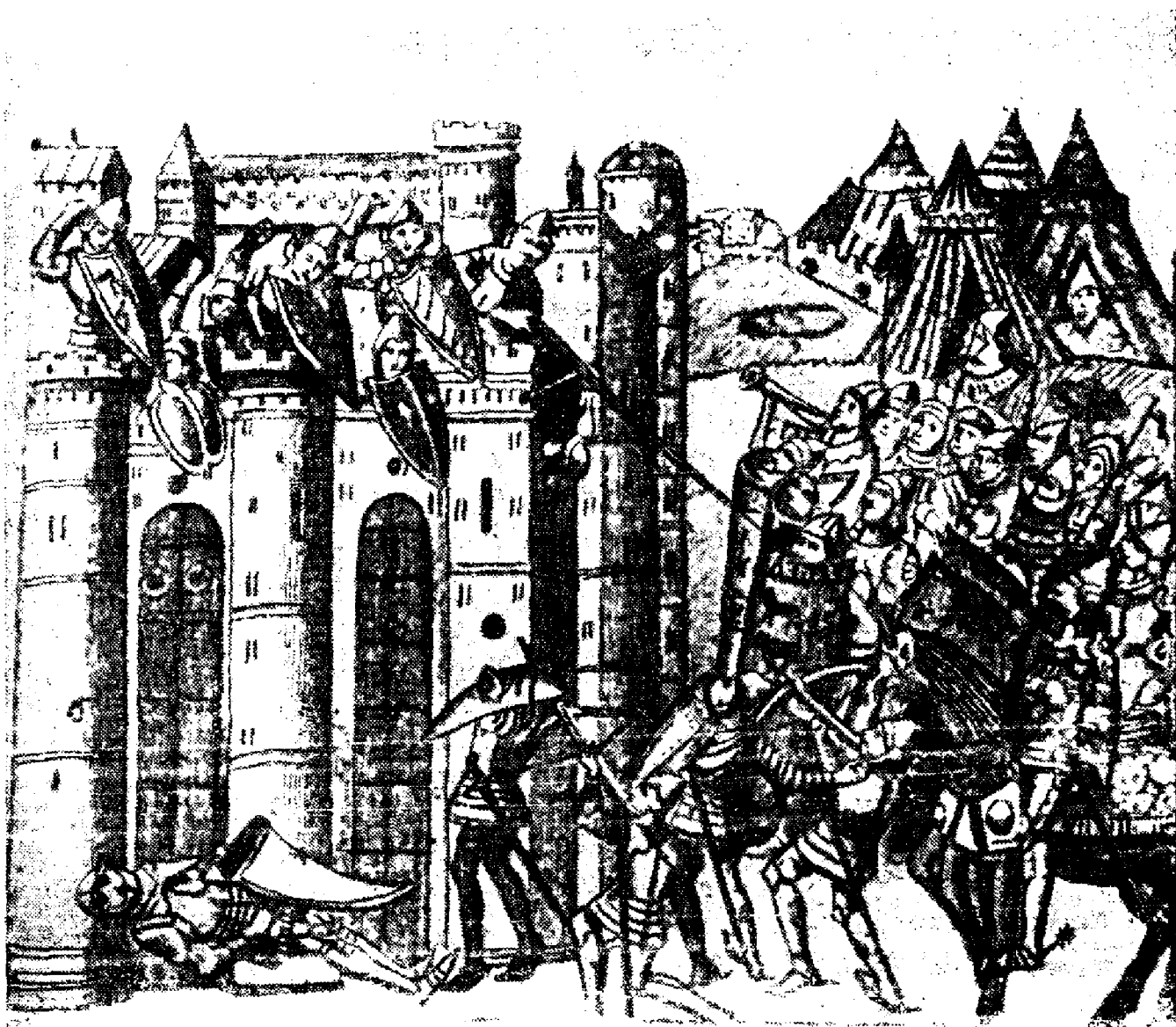
Правительство растерялось: с одной стороны, оно не желало затрагивать интересы феодалов, с другой — становилось ясным, что чинить препятствия выкупу значило вызвать массовое восстание крестьян. Королева пыталась затормозить ход выкупа, ограничив его только «дурными обычаями» и сохранив все остальные повинности и помещичью юрисдикцию над крестьянами, определив при этом выкупную сумму в 3 флорина со двора. Но крестьяне продолжали собирать деньги и отказывались выполнять старые повинности, считая себя уже лично свободными. Между тем помещики настаивали на несении крестьянами попреж-

¹ Ренэ Анжуйский был соперником Альфонса V в его борьбе за Неаполь.

² Pella y Fordas «Historia de Ampordan», p. 667. Madrid. 1883.

Каталонский купец. Намогильное изображение XV века.

Взятие штурмом средневекового города.

Из каталонской рукописи XV века.

нему их старых повинностей. Положение становилось критическим. В 1455 году король прислал указ, временно приостанавливавший взимание помещиками с крестьян прежних ненавистных повинностей; в 1457 году его пришлось снова повторить.

Вступивший в это время на престол Хуан II (1458—1479 годы) продолжал по отношению к крестьянству вымогательскую и двуличную политику своих предшественников.

4

В середине XV века положение крестьянства на Балеарах привело к взрыву, вызвавшему крестьянскую войну на острове Майорке.

Опасаясь возможного перехода части земель к крестьянству на основе выкупа, распространявшегося и на Каталонию и на Балеары, местные помещики начали требовать с крестьян

письменных, документальных доказательств их прав на земельные участки, которых у крестьян, конечно, не было и не могло быть. На этом «юридическом» основании помещики начали отнимать у крестьян их земельные участки. Чиновники, посланные с этой целью из Пальмы по деревням, натолкнулись, однако, на сопротивление.

Движение среди крестьян нарастало.

В июле 1450 года в Сан-Мартгарите собралось крестьянское ополчение. Во время похода его через Монакор и Петру численность его непрерывно возрастала, и, дойдя до Инки, оно насчитывало 6 тысяч человек. Во главе восстания стал энергичный и храбрый батрак Симон Балестер, из Монакора. Любопытно, что восставшие действовали именем короля и вожди движения именовали себя в воззваниях, обращенных к жителям сел и местечек, «королевскими капитанами».

7 июля авангард ополчения подошел к стенам Пальмы. Крестьяне отбили город от воды и сельских протопов и решили взять его измором. Положение осажденного города шло к угрожающему, тем более о городская беднота выражала явное сочувствие осаждающим, но ольмскую буржуазию спасло посредничество епископа Урхельского, находившегося в это время в Пальме. Итрий поп сумел уговорить крестьян отступить от городских стен и отправить совместно с горожанами депутацию к королю, находившемуся в Италии. Между тем муниципалитет Пальмы тайно отправил воззвания о помощи к дворянству и купечеству всего архипелага, Каталонии и Арагона.

Вернувшись 25 февраля 1451 года, крестьянские депутаты привезли с собой королевского посланца, Бернарда де Ольмс, с инструкциями губернатору острова Майорки. Королевские инструкции предлагали не церемониться с крестьянами. Руководствуясь ими, губернатор присудил обманутых королем крестьян к уплате штрафа в 2 тысячи ливров и вечному закрепощению.

Эти репрессии толкнули на решительные действия. Крестьянское ополчение, успевшее было значительно поредеть, но все же насчитывавшее 1500 человек, обратило в бегство губернатора и его солдат, которые заперлись в Пальме. В это время Симон Балестер снова собрал воедино крестьянские отряды, к которым присоединилось немало людей из городской бедноты. Осада Пальмы возобновилась. Муниципалитет решил устрашить крестьян казнью нескольких захваченных повстанцев, но по прошествии 4 дней недостаток продовольствия и воды заставил городскую буржуазию вступить в переговоры.

Крестьяне согласились отступить от города, добившись обещания всеобщей амнистии, отставки некоторых представителей власти и разрешения созывать крестьянские сходы для выборов членов новой депутации к королю, но вероломные власти решили учинить расправу над доверчивыми крестьянами. Пользуясь тем, что повстанческие отряды стали расходиться по домам, губернатор послал карательную экспедицию под командой Хайме Корделя в центральные очаги движения: Монакор, Синеу, Луканор.

Осажденного везут на казнь.

Из каталонской рукописи XV века.

Кордель натолкнулся на самого Симона Балестера. Отряд Корделя, состоявший из городских ополченцев, перешел на сторону крестьян. Кордель остался жив и вернулся в Пальму лишь благодаря великодушию Балестера.

Среди буржуазии Пальмы началась паника, тем более что в самом городе усиливалось движение бедноты против богачей.

Вскоре движение среди городской бедноты Пальмы приняло более реальные формы. Ткач Педро Маскаро организовал заговор бедноты в пользу крестьян. Но заговор был раскрыт, и Маскаро пришлось бежать. Часть заговорщиков попала в руки властей и была казнена.

Сцена казни. С карт. Хайме Угуэ. XV век.

Между тем 21 мая 1451 года из Италии прибыли королевские посланцы—граф де Прад и Хуан Маримон, возвещавшие перемирие, призывавшие крестьян к переговорам и обещавшие повстанцам неприкосновенность на тот период, пока будут длиться мирные переговоры. Если исход их окажется неблагоприятным для крестьян, — за месяц до окончания срока перемирия по всем селам должно было быть объявлено о результатах этих переговоров. Крестьянам при этом было воспрещено пребывание в Пальме, а горожанам— в деревне с целью отрезать городскую бедноту от общения с восставшими крестьянами.

Но, наученные горьким опытом, крестьяне отвергли эти предложения и стали готовиться к новой осаде Пальмы. Понимая, что осада может быть удачной лишь в том случае, если удастся закрыть доступ в город и с моря, крестьяне стали производить по селам сбор на постройку галерного флота. Однако этот сбор вызвал противодействие со стороны зажиточных арендаторов земель, что внесло несогласие, раздоры и разединение в лагере повстанцев.

На остров приехал новый королевский посланец, лейб-медик короля Герард Феррер, сам выходец из крестьян, что должно было снискать к нему доверие со стороны восставших. Ему удалось уговорить крестьян послать в Италию, к королю, новую делегацию из 250 человек во главе с самим Симоном Балестером.

В это время на Майорку прибыли наемные королевские войска, и в бою под Инкой разрозненные отряды крестьян, лишенные благодаря коварству Феррера своего мужественного предводителя, были разбиты. Разнузданные банды королевских наемников под начальством Франсиска де Риль, казнившего всех попадавшихся в его руки, предали дикой расправе села и деревни острова. Остатки повстанческих отрядов бежали в горы и здесь под руководством нового предводителя — Москана — некоторое время оказывали героическое сопротивление противнику, но вскоре и они были разбиты.

Буржуазия Пальмы послала верно-подданническую депутацию к королю с выражением благодарности за предательскую расправу с крестьянством и с просьбой навсегда закрепостить побежденных. Текст этой петиции дышит трусливой ненавистью и жаждой мести за пережитый страх: «Спокойствие немисливо без их (т. е. повстанцев.— И. А.) истребления. Виселица ждет вожаков. Остальных надо подвергнуть, кого членовредительным наказаниям, кого вечному изгнанию. Особенно необходимо это по отношению к крестьянам Инки, Алькудии, Моленза и Сольера. Им предстоит теперь поплатиться за неправду»¹.

В то же время торговая буржуазия Пальмы приступила к ликвидации движения цеховых ремесленников, которых располагала к бунтам конкуренция рабского труда, и к расправе с городской беднотой, активно помогавшей крестьянам. Буржуазия потребовала воспрещения ремесленникам носить оружие, лишения их права быть членами органов городского самоуправления и даже поставила перед властями вопрос о ликвидации цехов, этих очагов опасного брожения, разрешив общую «свободу» ремесленной деятельности всем и узаконив таким образом ремесленную деятельность рабов. «Свобода ремесла» означала в создавшейся обстановке полную беззащитность ремесленного люда, лишение его каких бы то ни было организационных форм и закабаление ремесленников купцами. Разрешение заниматься ремеслом рабам означало низведение вольного труда конкуренцией рабского до произвольно низкой оплаты и новые источники обогащения рабовладельцев.

250 крестьянских депутатов, приехавших, по предложению предателя Феррера в Италию, к королю, искать правды и справедливости, были насильно включены королем в ряды арагонского войска, воевавшего с враждебной ему анжуйской династией. Симону Балестеру в 1456 году удалось пробраться на родину, где он и погиб насильственной смертью при невыясненных обстоятельствах. Есть

¹ «Historia de Soller». V. I, p. 497.

Средневековый замок в Сеговии.

основания предполагать, что он был четвертован.

На крестьянство было возложено возмещение убытков и военных издержек, равно как и уплата всех недоимок. Невыносимое бремя крепостнической эксплуатации заставило значительные массы балеарского крестьянства искать спасения в эмиграции на Корсику и в другие соседние земли.

5

Вести о героической борьбе балеарских крестьян еще более накалили атмосферу в Каталонии.

В это время в Каталонии возник конфликт в среде самих правящих классов. Сословные кортесы Каталонии были недовольны все более растущими абсолютистскими тенденциями арагонских королей. Наместницей в Каталонии была жена короля Хуана II—королева Хуана Энрикес, стремившаяся обеспечить полное повиновение Каталонии королевской власти.

Внутренняя борьба в лагере господствующих классов создавала благоприятный момент для выступления крестьян.

По всей Каталонии происходили крестьянские сходки. Крестьяне по всей стране отказывались вносить

оброки и повинности, требуемые с них помещиками, заготавливали оружие, выбирали вождей. В ряде местностей начались крестьянские волнения, перераставшие в бунты. Дворянство Хероны сообщало об этом в столицу: «С великим ужасом доводим до вашего сведения о больших толпищах крестьян, стечение которых вызвано тем обстоятельством, что землевладельцы потребовали платежей. Если божье милосердие не заступится за нас, неминуемая гибель постигнет нашу страну»¹.

Королева издала ряд декретов, требуя от крестьян повиновения помещикам и указывая, что никаких королевских распоряжений об отмене их обязанностей еще не было и, стало быть, они должны вносить платежи так же, как и всегда. Крестьянство, однако, не подчинялось декретам королевы-наместницы, причем его вожди заявляли, что действуют от имени короля

¹ См. «Levantamiento y guerra de Catalunya en tiempo de don Juan II». V. 18. Coll. de documentos inéditos del archivo de Aragón, publicada por D. M. de Bofarull y de Sartorio.

против его ослушников в Каталонии.

В феврале 1462 года крестьяне заставили помещика Джильберта де Круиллес освободить двух крестьян, заключенных им в темницу за отказ вносить платежи. В марте гористый район Ампурдана наполнился «квандрильями» (отрядами) повстанцев по 100, 200 и 500 человек. Вооруженные чем попало, повстанцы маршировали под звуки свирелей, флейт, барабанов, потрясая копьями и угрожая смертью всем помещикам, которые осмелились бы требовать с них платежей. Эти отряды осадили город Безалю. Крестьяне предъявили требование освободить одного из их товарищей, содержащегося в городской тюрьме, и требование было исполнено. Муниципалитет Безалю взывал о помощи к Хероне, но херонская буржуазия и дворянство тряслись за свою собственную шкуру и ограничились пересылкой королеве обращения Безалю.

Недостаток продовольствия заставил крестьян временно снять осаду Безалю. Повстанцы взяли штурмом соседний замок, Кастьеллолит, владельце которого, помещице Беатрисе де

Охвата крестьянских восстаний в Каталонии в XV веке.

Круиллес, они, впрочем, не причинили никакого вреда. Посланному туда военному отряду не удалось отбить замок.

Королева не особенно спешила с принятием решительных мер. Уверенная в том, что восстание крестьян она всегда сумеет подавить, и в то же время рассчитывая сыграть на нем в интересах королевской власти, чтобы держать в повиновении каталонские кортесы, королева рассылала успокоительные заверения, что крестьяне обещают разойтись по ее настояниям. Между тем из Вика в Барселону приходили вести о том, что «дерзость крестьян настолько велика, что они открыто на городской площади угрожают разрушить дома духовенства и сакристию собора, где хранятся драгоценности собора и вклады частных лиц»¹. Кроме того, как сообщали церковники, крестьяне заявляли: «Мы будем платить ударами копий всякому, кто потребует с нас платежей»². Из Хероны, охваченные паникой, церковники сообщали также, что «нельзя и думать о спокойствии, ибо они (повстанцы.—И. А.) не повинуются приказанию королевы платить оброк и повинности помещикам, восстают против них и их уполномоченных»³.

В восстании участвовали не только ремесленники и «личносвободные» крестьяне, но и батраки и вся деревенская беднота. В Каталонии нарастала всеобщая крестьянская война против феодалов.

Во главе крестьянского движения стал захудалый дворянин Франсиско де Вернтальят. Этот авантюрист решил использовать восстание как козырь в конфликте между каталонскими кортесами и королевской властью в интересах последней, рассчитывая заслужить этим благодарности короля и проложить путь личной карьере. Правая рука Вернтальята — Серроли, нотариус из Вика, ловкач и пройдо-

¹ Colléction de documents inéditos del archivo general de corona de Aragón, publicada por D. M. de Bafarull y de Sartorio. V. 18, p. p. 488—489.

² Выписка из документов барселонского городского архива. См. Пискорский «Крепостное право в Каталонии», стр. 180.

³ Documentos inéditos. V. 19, p. p. 41—42.

Схема Баlearских островов.

ха, — объезжал села, уговаривая крестьян подняться против феодалов и городов, послушников воли короля, якобы благорасположенного к крестьянам, и ждать помощи от короля.

Вернтальят по-военному организовал нестройные толпы крестьян. Свою собственную персону он окружил отрядом телохранителей. Остальное войско, доходившее до 3 тысяч человек, он разбил на роты и эскадроны, снабдил знаменами, требовал от повстанцев присяги ему в верности, ввел налог по 2 флорина с крестьянского двора для содержания войска. Его стратегический план имел целью захватить Балагер, Безалю, Монкаду, Сан-Селони и Вик, т. е. все те города и местечки, которые лежали на пути из Арагоны в Каталонию, чтобы проложить этим дорогу королю. Посланные им отряды возобновили осаду Безалю, осадили Вик и другие города.

Однако среди повстанцев произошел раскол. Часть крестьян в Ампурдане и кое-где в других районах не желала подчиниться Вернтальяту, видимо, понимая, куда гнет этот пройдомец. Барселонская буржуазия и дворянство со своей стороны всячески старались раз'единить восставших, заводя переговоры с обещанием частичных уступок по вопросу о «дурных обычаях».

Серроли обо всех своих действиях доносил королю в Арагон. Королева в бездействии отсиживалась в Хероне. Барселонская буржуазия усиленно навязывала крестьянам свое посредничество. Постоянный комитет кортесов, так называемая «депутация», разрабо-

Каталонский рыцарь и знатная дама. XIII век.

тал компромиссное соглашение, обещающая амнистию, но затем под давлением дворянства стал вносить ограничения в его условия. Однако дворянство районов наиболее тяжелых форм эксплуатации крестьян не желало идти даже и на тот компромисс, который сострепала депутация кортесов. Херонские помещики обратились к депутации со следующим посланием:

«До сведения рыцарей дошли некоторые условия договора, заключенного при вашем посредстве между ременсами и их сеньерами. Еще раньше уполномочившее нас местное дворянство, подвергнув обсуждению этого рода вопросы, теперь спрашивает нас, знакомы ли мы с договором и участвовали ли в его заключении, на что мы должны ответить: «Нет». Нас удивляет, как подобный договор мог быть заключен без участия сеньеров этого (Херонского. — И. А.) епископства, где сосредоточена большая часть ременс и где сеньеры вследствие этого наиболее заинтересованы в данном вопросе. И в настоящее время здесь еще происходят волнения и бунты в большей степени, чем где бы то ни было в другом месте. Поэтому мы просим вас дать себе отчет в том, какая власть дана вам, и вспомнить, что главная задача ваша состоит в заботах об

охранении справедливости. Справедливость же требует охраны прав собственности, основанных на давности и на письменных договорах. Между тем ременсы оспаривают это и лишают нас некоторых, принадлежащих нам прав без нашего согласия и не заключая с нами никаких соглашений. Это представляется нам делом, крайне несправедливым. Крестьяне утверждают, что «дурные обычаи», являясь для них великим бременем, не представляют для сеньеров никаких выгод. Это совершенно ошибочно, ибо, по вычислению, оказывается, что доходы от этих обычаев составляют третью часть стоимости манса¹, а это в итоге образует огромную сумму. По смыслу заключенного договора, выходит, что сеньеры должны потерять половину постоянных доходов, вытекающих из этих обычаев. Относительно других пунктов договора, заключенного без согласия сеньеров, также можно сказать, что они клонятся к ущербу их интересов. Между тем нет ни малейшего основания оказывать милости крестьянам, тем более что они коварным образом устроили синдикат², желая при его посредстве скупить наши земли, и для этой же цели подделали одно распоряжение короля Альфонса, другими словами, воровски присваивают себе наши ренты и владения. Но, не довольствуясь тем, что заключал в себе этот произвольный указ, они стали нарушать и другие наши права, просто называя «дурным обычаем» все то, что не захотят нам платить. Видя, однако, что справедливость и здравый смысл не на их стороне, они взялись за оружие и стали убивать каждого, кто решался что-нибудь потребовать от них. Приняв во внимание и другие, не менее ужасные и отвратительные преступления их, можно сказать, что их следует лишить не только оказываемых им благодеяний, но и тех личных и имущественных прав, которыми они пользуются, ибо дерзость их дошла до такой степени, что они, намереваясь взять на себя представительство страны, открыто выступают и словом и делом против того, что установлено и клятвенно подтверждено

¹ Земельный участок.

² Соглашение, сообщество.

всем княжеством, непреложным свидетельством чему служит опыт известных всем событий»¹.

6

Между тем конфликт между каталонскими кортесами и королем все более обострялся. Депутация собрала войска и двинула их против крестьян с целью разбить Вернтальята, а затем захватить королеву с инфантом. Командующий войсками депутации граф де Пальяр разбил Вернтальята, пытавшегося заградить ему путь, и занял Херону. Королева скрылась в епископском замке Джиронелла. Серроли попал в плен. Король Хуан II в это время заключил договор с французским королем Людовиком XI, согласно которому в обмен за помощь против каталонцев уступил ему Руссильон и Сердань. Вскоре король с войсками вступил в Каталонию. Прежде всего он попытался пробиться к Хероне и освободить свою семью, но безуспешно. Однако силы графа де Пальяра слабели из-за массового дезертирства и скоро сократились до 600 человек.

Вернтальят, созвав крестьянские ополчения из окрестных сел, заставил графа де Пальяр снять осаду замка Джиронелла, освободил королеву и осадил ряд городов, но смог взять только Безалю, Олот и Баньолас. Рипполь и Вик отбили приступы крестьян. Гражданская война принимала затяжной характер.

Каталонская депутация об'явила Хуана II в Каталонии низложенным и обратилась с предложением каталонской короны к королю кастильскому, королю португальскому и герцогу лотарингскому, но безуспешно.

Вскоре, однако, общий страх перед углублением крестьянской войны заставил обе враждующие фракции господствующих классов пойти на мировую. В октябре 1471 года был заключен мирный договор. Хуан II даровал амнистию приверженцам депутации и обещал уважать «вольности» каталонского княжества. Взамен этого каталонские кортесы вновь признали его, и он вступил в Барселону.

Вернтальят за свои предательские

заслуги получил титул виконта де Бас, звание члена королевского совета и ряд поместий с закрепощенными крестьянами, которых он эксплуатировал еще усерднее всех прочих помещиков Каталонии. Одному из своих друзей он писал: «Свое копье я поднял не для того, чтобы уничтожить ременсу и прочие обычаи, но для того, чтобы дать возможность моему господину, королю арагонскому, совершить правосудие над теми и другими жителями Каталонии и наказать злодеев... Да здравствует король и да совершит он истинное правосудие!»².

Так крестьянское движение было предано примазавшимися к нему в качестве «вождей» дворянами и крючкотворами. Крестьяне получили только отсрочку платежей и частичное сложение недоимок. Волнения продолжались. В Херонской епархии крестьяне непрерывно нарушали покой церковников, которые считали себя «окруженными со всех сторон нечестивым племенем ременс» — виновников смут.

Король декретом 1479 года и кортесы решением 1481 года (уже при новом короле, Фердинанде Католике) восстановили прежнее закрепощение крестьянства. Крестьяне были обмануты и преданы, но не сломлены.

Весной 1482 года выстрелом из лука был убит один из самых жестоких крепостников Херонского округа — Хуан Десверн. Там же, в долине Миерес, ременсы убили осенью 1484 года дворянина Аймерика, родня которого в отместку учинила ряд зверств над крестьянами. В ответ на это окрестное крестьянство восстало под предводительством крестьянина Пере Сала.

Авторитет королевской власти и надежда на короля еще держались в крестьянских массах несмотря на все испытанные ими разочарования. Пере Сала, надев куртку королевского стрелка, обходил деревни и призывал ременс к восстанию против помещиков, ссылаясь на то, что якобы действительная воля короля — освободить крестьян от крепостной зависимости. Отряд, высланный против

¹ Documentos inéditos. V. 20, p. p. 27—30.

² Documentos inéditos. V 21, p. p. 379—380.

повстанцев, встретился с 300 вооруженных крестьян во главе с Пере Сала и был ими прогнан. Двоюродный брат короля Генрих выступил против повстанцев, но ременсы рассеялись, уклоняясь от боя. Генрих вернулся в Барселону, а Пере Сала снова собрал свои отряды и двинулся к Аусоне, Вику и Хероне, безуспешно пытаясь захватить эти города. В декабре его племянник Бартоломео Сала поднял восстание ременс в Викской епархии. При Монторне Бартоломео Сала разбил высланный из Барселоны отряд (пехотинцы, сопровождавшие дворян, неохотно шли в бой с крестьянами) и даже захватил одно из предместий Барселоны.

Близ Гранольерса отряды дяди и племянника соединились, насчитывая в своих рядах около тысячи бойцов. Этим городом они завладели, применив военную хитрость. Группа наиболее отважных повстанцев, переодевшись и спрятав оружие, под видом окрестных крестьян вошла в город, будто бы с целью продать на рынке свои продукты. В заранее установленный час они отперли городские ворота, и через несколько минут город оказался в руках Пере Сала и его бойцов. Но вскоре их выбил оттуда барселонский отряд. Попытка крестьян вернуть себе город окончилась неудачей. Четверо захваченных в плен крестьян были немедленно повешены. Однако повстанцы произвели диверсию на Барселону и даже захватили один из ее пригородов. В погоне за ними выступил коннетабль арагонский Хуан. Ночью при Лероне он настиг крестьян. Зарево горевшей церкви освещало место боя. Крестьяне были застигнуты врасплох и потерпели тяжелое поражение. Из 800—1000 участвовавших в бою повстанцев свыше 200 было убито и взято в плен, тогда как коннетабль лишился всего 10 человек. Сам Пере Сала попал в плен.

Крестьянского вождя возили напоказ по улицам Барселоны. На следующий день Пере Сала привязали к трем ослам, которые приволокли его к морскому берегу. Там его четвертовали и обезглавили, а голову выставили на страх народу на городской башне.

Несмотря на жестокую и мучительную казнь вождя крестьяне не сдавались. В горах и лесных районах продолжалась партизанская война крестьянских отрядов в 100—200 человек, которые нападали на замки и монастыри, убивая своих угнетателей.

Перед королевским правительством стала задача — путем каких-либо уступок умиротворить крестьянство. Королевский уполномоченный Мендоса приступил к переговорам с вождями крестьянских отрядов, получив на это согласие дворян. Крестьянская депутация и делегация помещиков во главе с Мендосой в качестве посредника отправились к королю, находившемуся в это время в Андалусии.

В результате переговоров 21 апреля 1486 года в монастыре Санта Мария де Гвадалупе Фердинанд Католик опубликовал сентенцию (решение), составленную, как полагают, вице-канцлером Алонсо де ла Кабаллерия. Этой сентенцией правительство отменяло так называемые «дурные обычаи» (числом 6), за выкуп в 50 барселонских солидов со двора единовременным взносом или за ежегодный взнос в 3 солида. Те крестьяне, которые подчинены были не всем 6 «дурным обычаям», а лишь некоторым из них, платили 10 солидов единовременно или 6 динариев в год за каждый «обычай». Выкуп этот крестьяне могли производить коллективно, всей общиной, разверстав выкупную сумму между собой.

Помещичья юрисдикция и право суда над крестьянами отменялись. Крестьяне получили право, покончив все счета с помещиком, уходить с участка земли, захватив всю свою движимость (кроме виноградного пресса). Равным образом за ними было признано право свободно распоряжаться землей, приобретенной на собственные средства. Две трети недоимок, накопившихся за годы гражданской войны, были сложены. В то же время король в заключение объявил о своем намерении казнить зачинщиков восстания и главарей повстанческих отрядов.

Таким образом, наиболее тяжелые формы крепостнического гнета в Каталонии были отменены, хотя и це-

ной тяжелых жертв. Это, конечно, нисколько не означало, что зависимость крестьянства Каталонии от феодалов переставала существовать, ибо при феодализме юридическое признание крестьянина «личносвободным» вовсе не освобождало его от помещичьей эксплуатации. Да и вообще в ряде случаев грань между «личносвободными» крестьянами и официально крепостными была очень шаткой и легко стиралась. Личная зависимость крестьян от помещика составляла одну из характернейших сторон феодального строя. Об этом говорил Маркс: «...перенесемся в мрачное европейское средневековье... Личная зависимость характеризует тут общественные отношения материального производства в такой же степени, как и иные, воздвигнутые на этой основе сферы жизни»¹.

Восстание каталонских крестьян, на которое значительное влияние имело крестьянское движение на Балеарах, в свою очередь явилось сигналом к новому восстанию балеарских крестьян в 1463 году. На этот раз и здесь во главе восстания стал вначале выходец из дворянства Педро Альберти, а после него—монахорский торговец де Змас. Уже в октябре того же года губернатору удалось сломить вооруженные отряды крестьян. Захваченных в плен повстанцев вешали и четвертовали. Новая вакханалия контрибуций и вымогательств обрушилась на крестьянство. Захват крестьянских земель еще более усилился.

Однако под влиянием упорной кровавой борьбы крестьянства к концу XV века и на Балеарских островах феодалы принуждены были отменить

старые, наиболее тяжелые формы крепостнической эксплуатации, ибо применять их дальше было слишком опасно.

* * *

История восстаний каталонских и балеарских крестьян в XV веке лишний раз подчеркивает огромное исторически прогрессивное значение крестьянских войн в средневековой Европе. Вместе с тем она с особенной яркостью иллюстрирует то положение, на которое указывал товарищ Сталин: «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели»².

Городской плебс, городская беднота того времени, сочувствовавший и поддерживавший крестьянство, был еще слишком слаб и не мог своим участием решить судьбу героической борьбы крестьянских масс против эксплуататоров.

Предательство ряда вожаков, выходцев из чуждой и враждебной народным массам среды, которым удавалось становиться во главе движения лишь благодаря темноте и неорганизованности крестьянства, и крайне скудный политический опыт и доверчивость вождей из собственной среды ускорили поражение восставших крестьян.

¹ К. Маркс «Капитал». Т. I, стр. 35. Партиздат. 1932.

² И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом, стр. 9. Партиздат. 1933.

Ф. ЭНГЕЛЬС

**О РАЗЛОЖЕНИИ
ФЕОДАЛИЗМА**

**И РАЗВИТИИ
БУРЖУАЗИИ***

Публикуемая ниже рукопись Энгельса о разложении феодализма и развитии буржуазии относится к середине 70-х или к началу 80-х годов. С середины 70-х годов Энгельс занялся историей Германии. У него был план переиздать свою работу: «Крестьянская война в Германии». В этой его работе наступил перерыв с 1876— по 1878 гг., когда он был занят полемикой с Дюрингом. В начале 80-х годов Энгельс снова вернулся к своим работам по истории Германии. 22 декабря 1882 года он писал Бебелю о своей только что им законченной брошюре «Марка»: «Это первый плод моих работ по немецкой истории, которой я занимаюсь несколько лет, и я очень рад, что могу поднести его в первую очередь не педантам и «образованным», а рабочим».

В рукописи о разложении феодализма дается как раз характеристика периода, непосредственно предшествовавшего крестьянской войне в начале XVI века. Очень возможно, что этот отрывок должен был служить введением к новому изданию «Крестьянской войны».

Ряд начатых Энгельсом исторических работ остался незаконченным, потому что после смерти Маркса Энгельс все свои силы отдал изданию работ Маркса — и в первую очередь изданию «Капитала».

*Институт Маркса—Энгельса—Ленина
при ЦК ВКП(б)*

* Перепечатано из журнала «Пролетарская революция» № 6 за 1935 год.

* * *

В то время как неистовые битвы господствующего феодального дворянства заполняли средневековые своим шумом, незаметная работа угнетенных классов подрывала феодальную систему во всей Западной Европе, создавала условия, в которых феодалу оставалось все меньше и меньше места. Правда, в деревне феодалы хозяйничали еще во-всю, истязали крепостных, роскошествовали, в то время как те обливались потом, вытаптывали их посевы, насиловали их жен и дочерей. Но кругом уже вырастали города; в Италии, Южной Франции, на Рейне возродились из собственного пепла старо-римские муниципии; в других местах, особенно в три Германии, создавались новые города; все они были обнесены для обороны стенами и рвами, их крепости были гораздо более неприступными, чем дворянские замки, потому что взять их можно было только с помощью значительного войска. За этими стенами и рвами развилось средневековое ремесло,— правда, достаточно пропитанное бюргерской цеховщиной и мелочностью,—накоплялись первые капиталы, возникла потребность взаимного общения городов друг с другом и с остальным миром, а вместе с потребностью создавались также и средства охраны этого общения (*disen Verkehrg*).

В XV веке городские бюргеры стали в обществе уже более необходимы, чем феодальное дворянство. Правда, земледелие было все еще главной отраслью производства, в нем была занята громадная масса населения. Но небольшое количество свободных крестьян, уцелевших кое-где от притязаний дворянства, достаточно убедительно доказывало, что в земледелии суть-то совсем не в туеядстве и вымогательствах дворянина, а в труде крестьянина. Да к тому же и потребности дворянства настолько выросли и изменились, что даже и ему стали нужны города; ведь оно же получало свое единственное орудие производства — свой панцырь и свое оружие из города! Сукно, мебель и украшения.

производящиеся внутри страны, итальянские шелка, брабантское кружево, северные меха, арабские благовония, восточные фрукты, индийские пряности — все это, за исключением мыла, оно получало у горожан. Возникла в некотором роде мировая торговля: итальянцы плавали по Средиземному морю и за его пределы вдоль берегов Атлантического океана до Фландрии. Несмотря на соперничество голландцев и англичан, Северное и Балтийское моря все еще находились во власти ганзейцев. Между северными и южными центральными гаванями, куда сходились морские пути сообщения, связь поддерживалась сухопутным путем; эти пути, по которым поддерживалась эта связь, проходили через Германию. В то время как дворянство становилось все более и более излишним и мешало развитию, горожане стали классом, который воплотил в себе дальнейшее развитие производства и сообщения (Verkehr), просвещения, социальные и политические учреждения.

Все эти успехи производства и обмена с современной нам точки зрения носили очень ограниченный характер. Производство оставалось замкнутым в рамках чисто цехового ремесла, следовательно, по существу, сохраняло еще феодальный характер; торговля шла в пределах европейских вод и не распространялась дальше левантских прибрежных городов, в которых происходил обмен на продукты Дальнего Востока. Но хотя ремесла и вместе с ними и горожане-ремесленники были мелки и ограничены, у них хватило силы совершить переворот в феодальном обществе, и они по крайней мере находились в движении в то время, как дворянство коснело в неподвижности.

Притом у жителей городов было могучее оружие против феодализма — деньги. В образцовых феодальных хозяйствах раннего средневековья для денег почти вовсе не было места. Феодал получал от своих крепостных все, что ему было нужно, или в форме труда, или в виде готового продукта; женщины пряли и ткали лен и шерсть и шили платья; мужчины обрабатывали поля, дети пасли скот господина, собирали для него грибы и

ягоды, птичьи гнезда, подстилку для скота; кроме того вся семья должна была доставлять еще зерно, овощи, яйца, масло, сыр, птицу, молодняк скота и многое другое. Каждое феодальное хозяйство само удовлетворяло свои нужды целиком, даже военные поставки собирались продуктами. Торговли, обмена не было, деньги были излишни. Европа дошла до такого низкого уровня, ей настолько приходилось начинать все сызнова, что деньги обладали тогда гораздо менее общественной функцией, а лишь политической: они служили для уплаты налогов и добывались главным образом грабежом.

Теперь все это совершенно изменилось, деньги снова стали всеобщим средством обмена, и в силу этого масса их значительно увеличилась. И дворянство тоже уже не могло обходиться без них. А так как у него очень мало было, или даже вовсе ничего не было такого, что можно было бы продавать, — грабить же теперь стало также не так-то уж легко, — ему пришлось решиться прибегать к займам у городского ростовщика. Еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты выстрелами новых орудий, их основы были подрыты деньгами. На самом деле порох был, так сказать, простым судебным исполнителем на службе у денег. Деньги были великим политическим уравнителем бюргерства. Всюду, где личное отношение было вытеснено денежным отношением, натуральная повинность — уплатой денег, там место феодального отношения заступало буржуазное. Правда, в большинстве случаев в деревне продолжало существовать старинное грубое натуральное хозяйство; но уже были целые округа, где, как, например, в Голландии, Бельгии, на Нижнем Рейне, крестьяне вместо барщины и оброка натурой платили господам деньги, где господа и подданные сделали уже первый решительный шаг к превращению в землевладельца и арендатора, где, следовательно, и в деревне тоже политические учреждения феодализма лишались своей общественной основы.

До какой степени в конце XV столетия деньги подкопали и раз'ели из-

нутри феодализм, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой; золото искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; золото было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан; золото — вот чего первым делом требовал белый, как только он вступал на вновь открытый берег. Но эта тяга к далеким путешествиям, приключениям в поисках золота хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полуфеодальных формах, все же была в корне несовместима с феодализмом; основой последнего было земледелие, и завоевательные походы его по существу дела имели целью приобретение земель. К тому же мореплавание было определено буржуазным промыслом, который наложил печать своего антифеодального характера также и на все современные военные флоты.

В XV столетии во всей Западной Европе феодализм находился, таким образом, в полном упадке; повсюду в феодальные области вклинивались города с антифеодальными интересами, с собственным правом и с вооруженным бюргерством. Они поставили феодалов в зависимость от себя, отчасти в общественном порядке с помощью денег, а кое-где даже и политически; даже в деревне, там, где земледелие поднялось более высоко в силу особо благоприятных условий, старые феодальные связи стали ослабевать под действием денег; только во вновь завоеванных землях, как, например, в Ост-Эльбской Германии, или в иных отсталых, удаленных от торговых путей областях продолжало процветать старое дворянское господство. Но и в городах и в деревне повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно про-

должало существовать в течение всего средневековья. Будучи сами по себе еще слишком слабыми, чтобы осуществить свое желание на деле, элементы эти находили сильную поддержку в главе всего феодального порядка — в короле. И здесь мы подходим к тому пункту, когда рассмотрение общественных отношений ведет нас к рассмотрению отношений государственных, где мы от экономики переходим к политике.

Из этой сутолоки народов, которая существовала в раннее средневековье, развились постепенно новые национальности, процесс, в котором, как известно, побежденное население в большинстве когда-то бывших римских провинций, побежденные крестьяне и горожане ассимилировали себе победителя, германского завоевателя. Следовательно, современные национальности являются также продуктом угнетенных классов. Каким образом в одном месте происходило слияние, в другом разделение — об этом нам дает наглядное представление карта округов (Gau) Средней Лотарингии, составленная Менке¹. Стоит только проследить границу между романскими и германскими названиями мест, чтобы убедиться, что она в Бельгии и Нижней Лотарингии в общем совпадает с существовавшей 100 лет назад границей между французским и немецким языком. Кое-где встречается узкая полоска, где оба языка борются за преобладание; но в общем совершенно ясно, что должно быть немецким, что романским. Древне-нижне-франкская и древне-верхне-немецкая форма большинства названий мест на карте доказывает, что они относятся к IX, самое позднее, к X веку, что, следовательно, граница в главных чертах была проведена в конце каролингского периода.

На романской стороне можно найти, в особенности поблизости от тех мест, где проходит граница языков, смешанные имена, составленные из германского имени и романского названия местности, например, главным образом на Маасе близ Вердена:

¹ Шпрунер-Менке. Атлас по истории средних веков и нового времени. 3-е изд. Гота. 1874. Карта № 32.

Erpone curtis, Rotfridi curtis, Ingolini curtis, Teudegisilo villa, ныне Иппекур, Рекур ла Крё, Анбленкур сюр Эр, Тьервилль. Это были франкские резиденции феодалов (Herrensitze), мелкие немецкие колонии на романской земле, которые рано или поздно подверглись романизации. В городах и отдельных частях страны находились более крупные немецкие колонии, которые более продолжительное время сохранили свой язык; из такой колонии, например, еще в конце IX века вышла Ludwigslied; то, что еще раньше большая часть франкских дворян (Herren) была романизирована, доказывают формулы присяги королей и феодалов (Grossen) 842 года, в которых романский язык уже является официальным языком Франкского королевства.

Как только произошло разграничение на группы по языку (оставляя в стороне позднейшие завоевательные войны и такие войны, ставившие своей целью полное истребление, которые велись, например, против приэльбских славян), вышло само собой, что эти группы стали служить основой образования государств, что национальности стали развиваться в нации. Насколько силен был этот стихийный процесс уже в IX веке, доказывает быстрый распад смешанного государства Лотарингии. Правда, в течение всего средневековья границы языка далеко не совпадали с границами государства; но все же каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством, и тенденция к созданию национальных государств, выступающая все яснее и сознательнее, является одним из существеннейших рычагов прогресса в средние века.

В каждом из этих средневековых государств король представлял собой вершину всей феодальной иерархии, верховного главу, без которого вассалы не могли обойтись и по отношению к которому они находились в состоянии непрерывного бунта. Основное отношение всего феодального хозяйства — пожалование в лен земли за определенные личные услуги и дань — даже в своем первоначальном, простейшем виде давало достаточно

поводов к ссорам, в особенности когда так много народу было заинтересовано в том, чтобы находить поводы для смут. Как можно было избежать конфликтов в эпоху позднего средневековья, когда ленные отношения во всех землях образовывали запутанный клубок прав и обязанностей, дарованных, отнятых, снова возобновленных, прекратившихся вследствие давности, измененных или каким-либо иным способом обусловленных, — клубок, который никак невозможно было распутать? Карл Смелый, например, был в одной части своих земель ленником императора, в другой — ленником короля Франции; с другой стороны, король Франции, его сюзерен (Lehnsherr), был в то же время в известных областях ленником Карла Смелого, своего собственного вассала. Как тут было избежать конфликтов? Вот в чем причина той длившейся столетия, переменчивой игры силы притяжения вассалов к королевскому центру, который один был в состоянии защищать их от внешнего врага и друг от друга, и силы отталкивания от центра, в которую постоянно и неизбежно превращается эта сила притяжения; вот причина непрерывной борьбы между королевской властью и вассалами, дикий шум которой в течение этого длительного периода, когда грабеж был единственным достойным свободного мужа способом добывать себе средства к существованию, заглушает решительно все; вот причина этой бесконечной, непрерывно продолжающейся вереницы предательских убийств, отравлений, коварств и всяческих низостей, какие только возможно вообразить, которые скрываются под поэтическим именем рыцарства и при наличии которых все же решаются говорить о чести и верности.

Что во всей этой всеобщей путанице королевская власть (das Königtum) была прогрессивным элементом, — это совершенно очевидно. Она была представительницей порядка в беспорядке, представительницей образующейся нации в противоположность раздроблению на бунтующие вассальные государства. Все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к

королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним. Союз королевской власти и буржуазии ведет свое начало с X века; нередко он нарушался в результате конфликтов, далеко не всегда в течение всех средних веков дело шло этим путем объединения, все же этот союз возобновлялся все тверже, все могущественнее, пока, наконец, он не помог королевской власти одержать окончательную победу, и королевская власть в благодарность за это поработила и ограбила своего союзника.

Как короли, так и горожане нашли могущественную поддержку в сословии юристов, влияние которого возрастало. Одновременно с тем, когда снова открыли римское право, установилось разделение труда—между попами, юридическими консультантами феодальной эпохи и учеными юристами, не принадлежавшими к духовному сословию. Эти новые юристы, разумеется, по самому существу своему принадлежали к городскому сословию; да к тому же и то право, которое они изучали сами, которому учили других и которое применяли, по характеру своему было решительным образом антифеодальным и в известных отношениях буржуазным. Римское право настолько является классическим юридическим выражением жизненных условий и конфликтов общества, в котором господствует чистая частная собственность, что все позднейшие законодательства не могли внести в него никаких существенных улучшений. Но буржуазная собственность средних веков была еще сильно связана феодальными ограничениями, состояла, например, главным образом из привилегий. Таким образом, римское право по сравнению с тогдашними буржуазными условиями ушло далеко вперед. Дальнейшее историческое развитие буржуазной собственности могло состоять только в том, что она, как это и случилось, стала развиваться в чистую частную собственность. Это развитие должно было найти могучий рычаг в римском праве, в котором содержалось уже в развитом виде все то, к чему городское сословие позднего средневековья стремилось пока еще только бессознательно.

Правда, во множестве отдельных случаев римское право служило предлогом к еще большему угнетению крестьян дворянством, в том случае, например, когда крестьяне не могли представить никаких письменных доказательств их свободы от обычных налогов,—но это по существу несколько не меняет дела. Дворянство нашло бы и без римского права сколько угодно таких предлогов и ежедневно их находило. Во всяком случае огромным прогрессом было то, что в силу вошло такое право, которому феодальные отношения абсолютно неизвестны и которое полностью предвосхитило современную частную собственность.

Мы видели, каким образом в обществе позднего средневековья феодальное дворянство в экономическом отношении начало становиться излишним, даже прямо помехой; каким образом и политически оно точно так же стояло поперек дороги и развитию городов и национальному государству, которое тогда было возможно только в монархической форме. Несмотря на все это, его поддерживало то обстоятельство, что за ним до сих пор сохранялась монополия в военном деле (*Waffenführung*), что без него невозможно было вести войны, невозможно было давать сражения. И в этом отношении дело должно было измениться; надо было сделать последний шаг, чтобы раз'яснить феодальному дворянству, что наступил конец тому периоду, когда оно господствовало в обществе и в государстве, что в качестве рыцарей оно не нужно больше даже и на поле битвы. Вести борьбу против феодального хозяйства с помощью войска, которое само было феодальным, в котором солдаты были соединены со своим непосредственным сюзереном более тесной связью, чем с главнокомандующими королевской армии, — это очевидно означало вращаться в заколдованном кругу и не быть в состоянии сдвинуться с места. С начала XIV столетия короли стремятся освободиться от этого феодального войска, создать собственное войско. С этого времени мы в королевских армиях встречаем все более увеличивающуюся часть, состоящую из на вербованных и нанятых

полков. Сначала это по большей части пехота, составленная из городских подонков, беглых крепостных, ломбардцев, генуэзцев, немцев, бельгийцев и т. д., их употребляли главным образом для гарнизонов городов и для службы при осаде, в открытом бою на поле битвы сначала они были мало пригодны. Но уже в конце средних веков мы встречаем рыцарей, поступавших вместе со своими неизвестно каким путем набранными отрядами дружинников (Gefolgschaften) на службу иностранных государей, что было признаком окончательного крушения феодального военного устройства (Kriegswesens).

Одновременно создавалось основное условие для пригодной к войне пехоты в лице горожан и свободных крестьян там, где они были или вновь стали появляться. До тех пор рыцарство вместе со своей конной дружиной составляло не столько ядро войска, сколько самое войско; крепостные пешие ратники, состоящие при обозе и следующие за войском, в счет не шли; они появлялись на поле битвы только для того, чтобы обращаться в бегство, и для грабежа. До тех пор, пока продолжался расцвет феодализма, до конца XIII века, рыцарство вело и решало все сражения. С этого момента повсюду дело меняется. Постепенное исчезновение крепостничества в Англии создало многочисленный класс свободных крестьян, землевладельцев (yeomen) или арендаторов — сырой материал для новой пехоты, умевшей владеть луком, английским национальным оружием того времени. Появление этих стрелков из лука, которые сражались всегда пешими, независимо от того, пользовались ли они во время переходов лошадьми или нет, послужило толчком к существенному изменению в тактике английских войск. Начиная с XIV столетия английское рыцарство предпочитало сражаться пешим, там, где это допускала местность и прочие условия. Позади стрелков из лука, которые начинают сражение и сламывают сопротивление врага, замкнутая фаланга спешившихся рыцарей выжидает вражеской атаки или подходящего момента для наступления, в то время как только часть рыцарей

остается на конях, для того чтоб фланговыми атаками оказывать поддержку в решающий момент. Непрерывные победы англичан во Франции в то время в значительной степени были обусловлены как раз тем, что в войске восстановлен был элемент обороны. Сражения эти по большей части были оборонительными, сочетавшимися с наступательным ударом, подобно тому как Веллингтон действовал в Испании и Бельгии. С того времени, как французы перешли к новой тактике — возможно, что с тех пор, как наемные итальянские арбалетчики заняли у них место английских стрелков из лука, — победам англичан был положен конец.

Точно так же в начале XIV столетия пехота фландрских городов отважилась — и часто с успехом — выступить против французского рыцарства в открытом бою, а император Альбрехт своей попыткой предательски отдать свободных швейцарских крестьян в руки эрцгерцога австрийского, которым он сам же был, сам дал толчок созданию современной пехоты, завоевавшей себе славу во всей Европе. В результате тех побед, которые одержали швейцарцы над австрийцами и в особенности над бургундцами, пехота нанесла окончательное поражение закованным в железо рыцарям, — на конях или спешенным, — начатки современного войска разбила наголову феодальное войско, бюргеры и крестьяне победили рыцарей. И швейцарцы, для того чтобы с самого начала установить буржуазный характер своей первой независимой республики в Европе, сейчас же обратили в деньги свою военную славу. Все политические соображения исчезли; кантоны превратились в конторы для вербовки наемников для поступления на службу к тому, кто больше платит. И в других местах, главным образом в Германии, повсюду раздавался треск барабанов вербовщиков; но цинизм правительства, которое существовало как бы только для того, чтобы продавать своих подданных, не имел себе равного до тех пор, пока во времена глубочайшего национального унижения его не превзошли немецкие князья. Потом, в XIV же столетии арабы че-

рез Испанию ввели в Европе употребление пороха, артиллерии. До конца средних веков ручное огнестрельное оружие не имело значения, что понятно, так как лук английского стрелка при Креси стрелял так же далеко, как и ружье пехотинца при Ватерлоо, и, может быть, еще более метко, хотя и не с одинаковой силой действия. Полевые орудия также находились еще в своем младенческом возрасте; напротив, тяжелые пушки сделали уже много пробоин в стенах рыцарских замков и возвестили феодальному дворянству, что вместе с порохом пришел конец его царству.

Распространение книгопечатания, оживление изучения древней литературы, все культурное движение, которое с 1450 становилось все более сильным, все более всеобщим, — все это послужило на пользу бюргерству и королевской власти в борьбе против феодализма.

Совместное действие всех этих причин, усиливавшееся из года в год благодаря тому, что все они все более энергично действовали в одном и том же направлении, обеспечило во второй половине XV столетия победу над феодализмом, хотя и не бюргерства, но королевской власти. Повсюду в Европе, вплоть до отдаленных окраин, которые не прошли еще через феодальный строй, всюду королевская власть восторжествовала. На Пиренейском полуострове два тамошних племени, по языку романских, объединились в королевство Испанское, это подчинило говоривший на провансальском языке Арагон кастильскому литературному языку; третье племя объединило область, в которой господствовал его язык (за исключением Галисии), в королевство Португальское,

в Иберийскую Голландию оно отделилось от центральной части страны и своей деятельностью на море доказало свое право на отдельное существование.

Во Франции Людовику XI, наконец, после гибели Бургундского промежуточного государства (Zwischenreichs), удалось, на основе тогда еще очень урезанной французской территории (Gebeit) настолько восстановить национальное единство, представителем которого была королевская власть, что уже его преемник был в состоянии вмешаться в итальянские смуты, и единство это всего лишь однажды на непродолжительное время благодаря реформации было поставлено под вопрос.

Англия прекратила наконец свои дон-кихотские завоевательные войны во Франции, в которых она, если бы они продолжались дольше, истекла бы кровью; феодальное дворянство попыталось вознаградить себя войнами Роз и получило больше, чем искало: оно истребило себя во взаимной междоусобице и возвело на королевский трон Тюдоров, которые могуществом своей власти превзошли и всех своих предшественников и всех своих наследников. Скандинавские страны были объединены уже давно, Польша, королевская власть которой еще не ослабла, со времени своего объединения с Литвой шла навстречу периоду своего блеска, и даже в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига и окончательно было закреплено Иваном III. Во всей Европе были еще только две страны, в которых не было ни королевской власти, ни без нее тогда не мыслимого национального единства, или они существовали на бумаге: Италия и Германия.

А. Клинов

АНТИИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СССР

Пионтковский. Очерки истории
СССР XIX—XX веков

1

В решении ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 16 мая 1934 года о преподавании гражданской истории в школах СССР и в замечаниях на конспект по учебнику истории СССР было указано на необходимость борьбы с подменной связного изложения истории «отвлеченными социологическими схемами».

Не чем иным, как стремлением учесть эти указания, нельзя объяснить факт переиздания тов. Пионтковским своих «Очерков истории СССР XIX и XX веков», изданных впервые в 1924 году.

Новое издание очерков подписано к печати 7 июля 1935 года, т. е. через год после того, как тов. Пионтковскому стали известны замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова, однако следов какого-либо влияния этих замечаний на 520 страницах убористого шрифта книги большого формата обнаружить невозможно.

Прежде всего бросается в глаза анти-историзм очерков, вульгарное социологизирование, непоследовательность изложения, игнорирование целой группы исторических фактов и событий.

Как и в издании 1924 года, тов. Пионтковский больше рассуждает по поводу событий, не заботясь об их изложении, следуя призыву М. Н. Покровского познавать исторический процесс «не столько исследованием фактов, сколько отвлеченно логическими соображениями». Отсюда у Пионтковского игнорирование фактов и последовательности изложения, отсюда же и голый социологизм.

Тов. Пионтковский пропускает ряд важных исторических фактов, умалчивает о крупных исторических личностях и даже забывает сказать о целых направлениях общественной мысли.

Цифровые данные и фактический материал поданы в ряде случаев небрежно и противоречиво.

С первых же страниц тов. Пионтковский приводит читателя в недоумение, утверждая, что «воцарение Александра I было торжеством феодалов» (стр. 5). Можно подумать, что в предшествующие времена феодалы не были господствующим

классом. На этой же странице тов. Пионтковский заявляет, что «Александр I, отдав временно аппарат екатерининским феодалам, стремился не к укреплению их господства, а к созданию послушного и гибкого аппарата, защищающего интересы помещиков и находящегося в руках самодержавия». И безграмотно, и неудобоваримо, и противоречиво!

Абсолютно невозможно понять у тов. Пионтковского, каким образом Наполеон потерпел поражение в войне 1812 года. Сначала (стр. 14) он утверждает, что против дворянства воевали, кроме французских войск, русские крестьяне; затем (стр. 15), пользуясь свидетельством Рунича, уверяет читателей, что крестьяне восстали против Наполеона «из-за своих кур и гусей», и в этом видит корни их патриотизма. Пионтковский забыл указания Маркса, что войны Наполеона делятся на две группы: прогрессивные и реакционные. Война 1812 года носила характер захватнический, и она несла русским крестьянам не освобождение их со стороны французов, а новое закабаление. Этим и объясняется то, что крестьяне так же активно участвовали в борьбе против Наполеона.

В замечаниях на конспект учебника по истории СССР товарищи Сталин, Киров и Жданов 8 августа 1934 года писали: «В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше («царизм, как международный жандарм»)». Здесь давалось не только указание, но и решение важнейшего вопроса истории нашей страны. Известно, что Екатерина дала приют политическим эмигрантам из Франции в период буржуазной революции, известно, что она всеми мерами поддерживала борьбу против революционной Франции. Сын ее, Павел I, посылал войско под руководством Суворова для борьбы с революционной Францией. Не менее известна также роль Александра I в реставрации Бурбонов в 1815 году и в священном союзе.

Однако в очерках вопрос о «царизме как жандарме Европы» разработан совершенно недостаточно и только на стр. 47 и 76 тов. Пионтковский пишет: «Русский феодализм выступает как жандарм европейских феодалов» и «Монархия Николая I, подавив польское восстание в 1831 году и венгерскую революцию 1848 года, стала оплотом феодальной реакции в Европе». И этими абзацами тов. Пионтковский считает тему исчерпанной.

Мы уже не говорим о путанице у тов. Пионтковского по вопросу о реакционной политике Николая I. Как известно, тов. Пионтковский на стр. 24 своих очерков договорился до признания какого-то «блока» дворян и феодалов и сделал вы-

вод, что «победа феодальной реакции» должна была разлагать «самые основы дворянско-феодального блока». Констатируя подобные невероятные вещи, тов. Пионтковский, не вдаваясь в объяснения, заканчивает на этом раздел о феодальной реакции.

2

Руководители партии и правительства указывали на необходимость отражения в учебнике «роли и влияния западноевропейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России».

Это указание тов. Пионтковский также игнорировал в своей работе. Он проходит мимо влияния французских энциклопедистов и французской буржуазной революции XVIII века на декабристов.

Только на стр. 27 и 28 автор мимоходом говорит о связи декабристов с движением в Западной Европе. «Здесь, — пишет он, — еще не было резкой размежки среди буржуазных революционеров, но вместе с тем движение декабристов имело много общего с европейским». С чем европейским, что общего, по какой линии — об этом тов. Пионтковский умалчивает.

Вообще декабристов тов. Пионтковский трактует весьма странно. Так, Пестель у тов. Пионтковского выглядит как «представитель радикальных слоев мелкой буржуазии» (стр. 31), как «мелкобуржуазный якобинец» (стр. 35). Декабристы Каховский и Рылеев и вообще тайные общества представляют собой, по Пионтковскому, мелкобуржуазную интеллигенцию, в то время как Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати» (Ленин. Т. XVII, стр. 341) и в статье «Памяти Герцена» (Ленин. Т. XV, стр. 464) период освободительного движения до 1861 года называет дворянским и только с 1861 года, по его мнению, начинается движение разночинной мелкобуржуазной интеллигенции. Пионтковский же, вопреки Ленину, дворянских революционеров зачисляет в мелкобуржуазные.

Недопустимо игнорирует тов. Пионтковский влияние западноевропейской философии на русскую общественную мысль, в частности на Белинского. Без всякого пояснения он пишет, что Белинский «в 30-х годах защищал необходимость и разумность существовавшего в России порядка» (стр. 84). Подобные взгляды Белинского, как и последующая его эволюция к социализму, могут быть поняты только в связи с тем влиянием Гегеля, Фейербаха, Сен-Симона и других, которые испытал на себе Белинский. Увлечшись гегелевской диалектикой и восприняв консервативную сторону системы Гегеля, заключенную в формуле: «все действительно разумно и все разумное действительно», Белинский первое

время исповедывал эту теорию. Однако знакомство с материализмом Фейербаха и учением Сен-Симона помогло ему в непродолжительный срок преодолеть консервативную сторону гегельянства. Все это должно быть известно тов. Пионтковскому, но он упорно не хочет, чтобы это было известно также и его читателям.

По ряду вопросов тов. Пионтковский совершенно откровенно высказывает взгляды, противоположные взглядам Ленина.

Всем известна оценка Лениным Герцена. Всем известны колебания Герцена между демократизмом и либерализмом. Пионтковский же в оценке Герцена выдвигает следующий тезис: «При всем своем отрицательном отношении к либералам и преданности социализму Герцен принес в Европу отражение крестьянских настроений и поддерживал мелкобуржуазных революционеров против пролетарского социализма...» (стр. 83). Таким образом у Пионтковского Герцен предан социализму и отрицательно относится к либералам. Как же тогда объяснить позицию Герцена в период реформы 1861 года и его письма Александру II, которые «нельзя теперь читать без отвращения»? (Ленин). Как объяснить разрыв Чернышевского с Герценом?

По мнению тов. Пионтковского, «революция 1848 года навсегда привязала Герцена к рядам борющихся за освобождение от феодального и капиталистического гнета» (стр. 82). По мнению Ленина, у Герцена после революции 1848 года имел место «духовный крах», который Ленин называл «крахом буржуазных иллюзий в социализме» (Ленин. Т. XV, стр. 465).

Совсем не ленински дана характеристика Чернышевского. Совершенно обходя ленинскую оценку провозвестителей. Пионтковский не видит разницы между Чернышевским и Герценом. По Пионтковскому, Чернышевский — только основоположник народничества, а Лавров и Бакунин дополнили его учение в новой обстановке (стр. 149). Тов. Пионтковский не показывает, что взяли народники у Чернышевского (а заимствовали они у него, как известно, только те взгляды, которые не определяли его мировоззрения и были его слабыми сторонами). Отказавшись от признания оценки Чернышевского, данной Марксом, Энгельсом и Лениным, как последовательного демократа, тов. Пионтковский дает свою собственную, крайне путаную оценку. На стр. 89 читатель узнает, что Чернышевский «убежденный бланкист». Пионтковский схематично характеризовал Чернышевского как народника только потому, что Чернышевский верил в крестьянскую общину, и совершенно игнорировал Чернышевского как социалиста и последовательного демократа. Наряду с неправильной оценкой роли Чернышевского тов. Пионтковский отводит непомерно большое ме-

сто Бакунину. Пионтковский свой очерк о Бакунине начал с его биографии и подробного описания всех революционных «заслуг» Бакунина в строго хронологическом порядке. Идеализируя Бакунина, автор лишь мимоходом говорит о борьбе Маркса и Энгельса с Бакуниным и анархистами, о разлагающей работе Бакунина и бакунистов и совершенно умалчивает об исключении Бакунина из Интернационала. Разумеется, такая трактовка роли Бакунина не имеет ничего общего с ленинской оценкой деятельности Бакунина.

О Добролюбове, игравшем исключительно большую роль в борьбе с крепостничеством, Пионтковский не смог сказать ни одного слова, игнорируя высокую оценку его деятельности, данную Марксом, Энгельсом и Лениным.

3

Крайне небрежно, неряшливо даны реформы 60-х годов. Тов. Пионтковский и здесь говорит больше по поводу реформ чем о самих реформах. Так, в реформе 19 февраля 1861 года совершенно не показаны выкупные операции, хотя разговор об ограблении крестьян очень много. Не показаны и градации, при помощи которых помещики обеспечили себе выкуп не только земли, но и личности крестьянина. Нет у тов. Пионтковского и борьбы двух путей развития капитализма в сельском хозяйстве в период реформы. Только в одном месте, в цитате из Ленина, упоминается, что реформа была шагом по пути к буржуазному развитию. И уже только говоря о пореформенном периоде тов. Пионтковский упоминает (стр. 122) о борьбе двух путей, не показывая, однако, самой борьбы.

На стр. 99, анализируя реформу, тов. Пионтковский пишет: «В Подольской губернии крестьянство имело раньше 5,5 десятины, а после реформы—2,2 десятины земли» на душу. На стр. же 101 он утверждает, что «был один лишь район, где в результате реформы крестьянское хозяйство не потеряло земельной площади, а, наоборот, значительно ее увеличило—именно бывшие польские губернии: Витебская, Ковенская, Подольская». Допустим, что память тов. Пионтковскому изменяет и через 1 страницу он забыл, что писал на предыдущей. Но этот случай крайне пренебрежительного отношения к фактам не исключение. На стр. 100, в 5-й строке сверху, имеется утверждение, что крестьяне Московской губернии потеряли всего лишь 7,5% земли. Через 20 строк ниже не менее авторитетно заявляется: «В Московской губернии, например, в результате реформы площадь крестьянского землевладения даже увеличилась. Раньше на крестьянскую душу падало 2,6 десятины, после реформы—2,9 десятины.

Говоря о народовольцах, автор пишет, что «народовольцы стали понимать, что

город в лице рабочего населения является резервуаром революционных сил» (стр. 170). По его мнению, они «учитывали большое революционное значение рабочего класса».

Террористическую деятельность «Народной воли» Пионтковский совершенно не подвергает критике. Не показывает он и тех основ эволюции народничества 70-х годов к либерализму, которые были заложены уже в «Народной воле». Вообще у тов. Пионтковского марксизм распространяется и побеждает в России не в борьбе с народничеством, а в результате эволюции последнего. В специальной главе «От народничества к марксизму» (стр. 186) он пишет: «Рост революционного движения рабочего класса властно ставил перед народническими группировками вопрос о роли рабочих, о роли пролетариата, как революционной силы». Он уверяет, что народникам пришлось «в конце 80-х годов довольно сильно изменять взгляды на рабочих, их роль как революционной силы», и на основе этого Пионтковский устанавливает эволюцию через «Черный передел» к марксизму Плеханова и др. (стр. 189).

О борьбе марксистов с народничеством он ничего не говорит и, что еще удивительнее, не говорит даже о борьбе Ленина против либеральных народников 90-х годов. Что такое либеральное народничество, каковы его взгляды, кто его вожди, как и почему произошло вырождение народнического социализма в пошлый мещанский радикализм—все эти вопросы тов. Пионтковский обошел в своей работе.

4

Глава о буржуазно-демократической революции 1905—1907 годов также составляет желать лучшего.

Тов. Пионтковский путает термины буржуазная и буржуазно-демократическая революция, ставя между ними знак равенства. «Теорию перманентной революции» он не подвергает критике, ограничиваясь лишь указанием на враждебное отношение троцкизма к крестьянству (стр. 263). Примитивно и путано он дает историю и позиции эсеровской партии. Возникла эта партия, объединившая различные народнические группы, враждебные революционному марксизму, в конце 1901 года. Пионтковский же относит ее организацию к 90-м годам.

Московское вооруженное восстание освещено так же недостаточно, даже вопрос о том, когда и как появились баррикады, автор не счел нужным осветить в своих очерках.

Ошибочную оценку дает тов. Пионтковский Крестьянскому союзу. В статье «Победа кадетов и задачи рабочей печати» Ленин писал: «Крестьянский союз рос со сказочной быстротой в период революционного вихря. Это была, действительно, народная, массовая организация, податливая к мелкобуржуазным ил-

люзиям крестьянина (как податливы к ним и наши с.р.) но безусловно «почвенная» реальная организация масс, безусловно революционная в своей основе, способная применить действительно революционные методы борьбы» (Ленин Т. IX, стр. 129). Можно подумать, что тов. Пионтковский не знает этой блестящей характеристики, данной Владимиром Ильичем. По мнению тов. Пионтковского, «Крестьянский союз выражал интересы сельской буржуазии и политическую несознательность попавших под его влияние крестьян и не отражал тех действительно революционных процессов, которые происходили в деревне. Революционное крестьянское движение Крестьянским союзом не было выявлено и оформлено; союз не содействовал объединению этого движения в единое целое, а, наоборот, распылял его на ряд отдельных выступлений. Такие действия привели не к передаче земли народу, а к тому, что в одном лишь Прибалтийском крае в 1905 году за 10 месяцев деятельности карательных отрядов по деревням было расстреляно и повешено до 10 тысяч крестьян и сожжено до 2 тысяч крестьянских хозяйств» (стр. 304).

Как видим, эта оценка далеко не похожа на ленинскую. Становится непонятным, почему Ленин 25 ноября 1905 года посылал горячий привет Крестьянскому союзу и приветствовал решения его съезда (Ленин Т. VIII, стр. 382—385).

Причины поражения революции 1905 года, отношение к ней мировой буржуазии и пролетариата Пионтковский также не показывает. Оценку третьеиюньского режима дает путаную. Так, наряду с правильными положениями он уверяет читателя, что самодержавная власть периода третьеиюньской монархии «мало отличается от власти Иоанна IV или Петра I» (стр. 341). Подобное утверждение в корне противоречит ленинской оценке самодержавия, данной тогда же (в годы реакции) в статье «О социальной структуре власти». Анализируя третьеиюньский режим, Пионтковский проходит мимо «Вех», мимо кризиса блока в 1911—1912 году и его последствий.

Говоря о выборах в IV Государственную думу, тов. Пионтковский не указывает даже, кто из большевиков был туда избран; ничего не сказано о фракции большевиков в IV думе в начале войны и об ее аресте.

Совершенно недопустимо, далее, отсутствие указания на то, что в годы империалистической войны основным лозунгом большевистской партии был лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую. Тов. Пионтковский совершенно неправильно приписывает нашей партии лозунг «война войне» (стр. 422). И таким образом четкий лозунг Ленина, представлявший собою основное содержание борьбы нашей партии за революционный выход из империалистической войны, был заменен старой формулировкой, принятой на Базельском конгрессе.

В очерках истории СССР не получили освещения и вопросы революционного движения в годы империалистической войны в Иваново-Вознесенске, Костроме, Москве, Петербурге, на Урале.

Вся глава о Февральской революции дана не исторически. Уже само деление ее на разделы говорит об этом. Стоит только сравнить эту разбивку на главы с оглавлением первого тома «Истории гражданской войны в СССР», чтобы убедиться в резком игнорировании тов. Пионтковским последовательного изложения истории.

На стр. 443 тов. Пионтковский пишет, что «основной движущей силой Февральской революции, уничтожившей самодержавный строй, был пролетариат». Подчеркивая роль пролетариата, автор на этом ставит точку и ни слова не говорит о крестьянстве, в том числе и о крестьянах, одетых в серые шинели.

Политика Временного правительства изложена очень поверхностно. Характерно, что в очерках огульно упоминается все время «Временное правительство всех составов» (466, 469, 471 стр.). Не случайно поэтому тов. Пионтковский забыл рассказать о контрреволюционной подготовке буржуазии и Временного правительства к сдаче Питера накануне великого Октября.

Ни слова нет в очерках и о создании Красной гвардии.

Игнорирование тов. Пионтковским фактического хода истории привело его к тому, что он даже не упомянул о приезде В. И. Ленина в Россию.

Глава об Октябрьской революции дана так же поверхностно.

Тов. Пионтковский не сумел показать роли Ленина и Сталина в непосредственном руководстве восстанием, не дал критики позиций Троцкого, предлагавшего отложить восстание до съезда советов и его заявлений на II съезде советов о несомненной гибели советской власти, если не будет в ближайшее время мировой революции.

Читатель не найдет в книге Пионтковского и попытки подойти к разрешению поставленного партией вопроса о создании истории народов СССР (Украина, Белоруссия, Закавказье, республики Средней Азии и др.). И в этом смысле «Очерки истории СССР XIX и XX веков» Пионтковского не оправдывают своего заголовка.

Можно привести еще ряд ошибок из очерков тов. Пионтковского. Однако приведенного выше достаточно, чтобы сделать вывод о весьма низком уровне разбираемой работы.

Книга тов. Пионтковского является яркой иллюстрацией отставания исторической науки и подтверждает еще раз настоятельную необходимость выполнения указаний ЦК и вождя нашей партии товарища Сталина в деле поднятия преподавания истории на должную высоту.

И. КУТЯКОВ «Василий Иванович Чапаев». Лениблиздат. 1935. 78 стр. 65 коп.

Книга тов. Кутякова, который был близким другом Чапаева, хорошо знал его и вместе с ним рука об руку бился с врагами, займет должное место в ряду произведений, посвященных Чапаеву.

Автор сначала дает краткие биографические сведения о Чапаеве и его семье. Чапаев прошел в детстве и отрочестве тяжелую школу нужды. На 9 едоков семье приходилось две десятины суглинка. Жилось так бедно, что Чапаеву за отсутствием средств, теплой одежды, сапог даже не пришлось учиться в школе. С ранних лет его отдали к купцу в лавку, а потом в трактир мальчиком, где его жестоко эксплуатировали. Потом он два года бродил по городам и селам со стариком-шарманщиком в качестве уличного певца, а позднее, выучившись плотницкому ремеслу, ходил вместе с отцом на заработки.

За время своих многолетних странствований он так хорошо изучил свой родной Пугачевский уезд, уральские степи, казачьи станицы и приволжские города, что с полным правом мог говорить: «Могу воевать с кззками без карты».

Тяжелая жизнь не сломила Чапаева, а, наоборот, закалила его характер и пропитала его жгучей ненавистью к богатым — кулакам и помещикам.

В империалистическую войну его забирают в солдаты.

И только революция открыла перед Чапаевым широкую возможность развития и применения блестящих природных способностей. Октябрьская социалистическая революция и последующие годы гражданской войны выдвинули из среды рабочих, солдат и крестьянства много талантливых организаторов и вдохновителей борьбы за советскую власть. Одним из наиболее блестящих представителей этой плеяды был Чапаев.

В своей книге тов. Кутяков показывает, как рос Чапаев, в ходе гражданской войны разворачивая свой незаурядный талант полководца.

Начав с организации в г. Пугачеве небольшого отряда, Чапаев постепенно создает 10 крепких партизанских отрядов с общим числом бойцов в 35 тысяч человек, из которых впоследствии образуется его знаменитая 25-я стрелковая дивизия — одна из ячеек регулярной Красной армии.

К партии большевиков Чапаев пришел не сразу. В Саратове по выходе из госпиталей он примыкает к местной группе

анархистов-коммунистов. Его стихийное бунтарство не мирилось вначале с железной партийной дисциплиной, с тем, что Чапаев на первых порах называл «Приказали свыше». И только под влиянием большой политико-воспитательной работы партии и в частности тов. Фурманова, под чьим непосредственным руководством шел внутренний процесс роста Чапаева, процесс его политического самосознания, Василий Иванович становится членом партии.

Существенным недостатком книги является то обстоятельство, что автор уделит мало внимания выяснению пути, которым шел и пришел в партию Чапаев. О Фурманове, например, автор только бегло упоминает. Об этом можно пожалеть особенно потому, что именно тов. Кутякову как близкому другу Чапаева было легче это сделать чем кому-либо другому.

В книге дается яркое описание боев, в которых принимала участие 25-я дивизия под руководством Чапаева.

Тов. Кутяков подробно разбирает военную и социальную обстановку всех наиболее важных кампаний и отдельных боев, в которых принимали участие Чапаев и его дивизия: походы на Уральск, бои с чехословаками и колчаковцами, освобождение Уральска, бои чапаевской дивизии, уже после гибели Чапаева, с белополяками — вот славный путь Чапаева и его дивизии.

5 сентября 1919 года Чапаев был убит под Лбищенском, когда он, тяжело раненый, пытался переплыть реку Урал. Нет никакого сомнения, что Чапаев, погибший в расцвете своих сил и способностей (всего 34 года от роду), выработался бы в крупнейшего полководца.

В чем же был секрет успеха Чапаева? Он объяснялся целым рядом качеств, очень удачно сочетавшихся в нем. Природный ум, решительный и настойчивый характер, исключительное личное мужество, способность быстро ориентироваться в сложной обстановке, чуткое отношение к бойцам и знание их нужд и потребностей, внимательное отношение к окружающему трудовому населению — вот основные качества Чапаева как полководца, организатора и человека.

Бойцы и соратники-командиры любили Чапаева за его открытый характер, за его простое товарищеское отношение. Ему верили, он пользовался большим авторитетом, за ним охотно шли тысячи рядовых бойцов на самое трудное и опасное дело. Все эти особенности Чапаева и его боевой работы ярко показаны в книге.

Книга написана простым и ясным языком. Хорошему усвоению материала способствует также и оформление: схемы отдельных боев, фотографии Чапаева, его семьи и близких товарищей — соратников.

К. Поль

К ИТОГАМ РАБОТЫ КУРСОВ УЧИТЕЛЕЙ ИСТОРИИ

1

Для того чтобы помочь учителям истории осуществить в их педагогической работе замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспект учебников по истории и решения партии и правительства о преподавании истории в школе, Наркомпрос организовал в Москве в начале апреля курсы для учителей истории средних школ РСФСР, на которые был привлечен и ряд преподавателей истории педагогических институтов.

На открытие курсов, кроме съехавшихся с мест товарищей, присутствовали все учителя истории Москвы. Курсы открыл вступительной речью зам. наркома просвещения Б. М. Волин, который сказал следующее:

«Товарищи, курсы, которые начинают сегодня работу, открываются в период, когда по указаниям товарища Сталина и решениям партии и правительства созданы все необходимые условия для подлинного подъема исторического образования и развития марксистско-ленинской исторической науки в Советском союзе.

Между тем у нас в школе нет учебников истории, нет учебных пособий по истории, отсутствуют в значительной степени необходимые методические указания по преподаванию истории.

Недопустимость такого состояния, создавшегося в школах Наркомпроса, особенно очевидна в свете указаний ЦК и СНК на то, что развитие марксистско-ленинской исторической науки и подъем исторического образования в СССР имеют важнейшее значение для нашего государства, для нашей партии и для обучения подрастающего поколения.

Каковы задачи преподавания истории в наших школах, каковы задачи учебника по истории для наших школ? Партия и правительство дали ясные, исчерпывающие директивы по этим вопросам.

Во-первых, необходимо так преподавать историю, чтобы учащиеся прочно усвоили курс истории.

Во-вторых, необходимо строго соблю-

дать историко-хронологическую последовательность в изложении исторических событий.

В-третьих, необходимо обязательно закрепить в памяти учащихся важнейшие исторические явления, важнейших исторических деятелей, хронологические даты и проч.

В-четвертых, в преподавании истории необходимы доступность, наглядность и конкретность исторического материала.

В-пятых, необходимы правильный разбор и правильное обобщение исторических событий.

В-шестых, необходимо учитывать возрастные особенности учащихся.

В-седьмых, необходимо, чтобы изложение было ярким, интересным, художественным и доступным для учащихся.

В-восьмых, именно путем такой работы необходимо и возможно подведение учащихся к марксистскому, ленинско-сталинскому пониманию истории.

Таковы непреложные директивы нашей партии и нашего правительства, но не такова, к сожалению, наша школьная практика. В противоположность ясным и точным указаниям ЦК партии и правительства, в школах учащимся преподаются абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя таким образом связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами.

Почему это так происходит? Потому что, как указывают ЦК партии и правительство, «среди некоторой части наших историков, особенно историков СССР, укоренились антимарксистские, антиленинские, по сути дела ликвидаторские, антинаучные взгляды на историческую науку».

Где корни этих неоднократно вскрытых партией, явно несостоятельных исторических определений и установок?

Совнарком и ЦК партии подчеркнули, что эти вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки связаны в первую очередь с распространением среди некоторых наших историков ошибочных взглядов, свойственных так называемой исторической школе Покровского.

Преодолеть ошибки и вредные взгляды этой школы является необходимой предпосылкой к составлению необходимых нам учебников, к росту марксистско-ленинской науки и к подъему исторического образования в нашей среде.

Вам, здесь собравшимся, больше чем кому бы то ни было известно недопустимое положение с преподаванием истории в школах нашей страны. В этом деле, как и во многих других участках нашей школы, сказывается осужденная нашей партией и правительством глупая, антиленинская теория отмирания школы. История как наука ликвидирована в большей части наших школ.

Учителей истории.

На лекции.

веденная Бюро успеваемости при эмпросе анкета по истории обнару- а вопиющую путаницу в головах ря- ащихся, их невежество в вопросах ории и невысокий подчас уровень ний ряда учителей.

Учителя истории, естественно, ждут по- ци от Наркомпроса и его органов на тах.

Первой помощью являются вот эти от- вающиеся сегодня курсы.

Основное, конечно, это учебник. Лич- : указания товарища Сталина, реше- ЦК и СНК, конкурс на учебник ис- ии для начальных школ наверняка ут учебники, столь необходимые для их школ.

умаю, что и лекции, которые будут чены на наших курсах, и знания, ко- ле будут вами здесь приобретены, згут преподавателям истории в наших лах улучшить и донести дело препо- ния истории по пути, который указан стными решениями партии и прави- ства.

ркомпрос, наши лекторы, а также и слушатели наших курсов,— все мы ем все необходимое, чтобы в обла- преподавания истории по-большеви- выполнить и провести в жизнь свя- ые и обязательные для всех нас ния нашего вождя и учителя — то- да Сталина.

грамма курсов была построена в етствии с их основной научно-по- кой задачей. Главное внимание уделено истории СССР, но наряду

с этим был дан более краткий цикл лек- ций по новой истории.

Значительное место было уделено уг- лубленной проработке постановлений партии и правительства о преподавании истории в школе и конкретной критике ошибок М. Н. Покровского.

Этому были посвящены первые 3 лек- ции: «История в советской школе» (тов. Радек), «Критика исторических воззре- ний Покровского» (проф. Горин), «Кри- тика работ Покровского по истории СССР XIX и XX веков» (проф. Панкра- това).

Затем, следовали лекции по ряду ос- новных вопросов истории СССР: «Киев- ское государство» (акад. Греков), «Тата- ры и их господство в Восточной Европе» (проф. Дроздов), «Образование Москов- ского государства» (акад. Греков), «Кре- стьянская война и польское вторжение начала XVII века» (проф. Пионтексовский), «Преобразования Петра» (проф. Дроздов) и «Царизм как жандарм Европы» (проф. Ваняг).

Ряд лекций был посвящен основным этапам истории народов, вошедших в со- став СССР: лекции по истории Белору- сии (акад. Щербаков), лекции о народах Поволжья (проф. Худяков), о Грузии (проф. Сванидзе) и о Средней Азии (проф. Штейнберг). Лекцию об Украине, предусмотренную в программе, к сожале- нию, не удалось провести.

Директор Эрмитажа акад. Орбели прочел лекцию об основных источниках по истории народов Закавказья.

Цикл по истории СССР закончился

лекцией об Октябрьской социалистической революции как освободительнице угнетенных царизмом народов (проф. Диманштейн) и двумя лекциями тов. Радека «Основные этапы внешней политики СССР».

По новой истории были прочитаны лекции о французской буржуазной революции и ее принципиальном отличии от революции социалистической (проф. Фридлянд), лекции «Классовая борьба в Германии в годы империалистической войны» (тов. Польш), «Германский фашизм у власти» (тов. Радек), «Польша в послевоенный период» (тов. Зарецкий), «Революционное движение в Индии в послевоенный период» (проф. Рейснер), «Основные этапы китайской революции» (проф. Иолк), «История Монгольской народной республики» (тов. Соркин) и две лекции о внутренней и внешней политике Японии в период империализма (тов. Жуков).

Кроме того акад. Орбели прочел лекцию «Вещественные памятники как исторические источники», иллюстрируя ее диапозитивами с ряда хранящихся в Эрмитаже памятников, и проф. Кудряшев — лекцию «Историческая карта и работа с ней в школе».

Наряду с лекциями были организованы экскурсии в Музей Ленина и Исторический музей. Многие курсанты посетили также Музей изобразительных искусств и Третьяковскую галерею.

При курсах была организована выставка исторических учебных пособий и материалов отдельных школ по преподаванию и внешкольной работе по истории. В помещении курсов был организован книжный киоск и слушатели приобрели много исторической литературы, а также ряд наглядных пособий по истории.

2

Потребность в курсах была так велика, что краевые и областные отделы народного образования выполнили данную им Наркомпросом разверстку на 118%. На курсы прибыли 103 учителя истории средних школ от всех краев и областей РСФСР, 23 учителя из всех автономных республик, кроме Каракалпакии, Киргизии и Якутии, и 23 преподавателя педагогических институтов.

Кроме того курсы посещали 12 научных работников Института повышения квалификации, 6 преподавателей истории в школах для взрослых и около 30 учителей истории средних школ Москвы.

По просьбе ПУР на курсы были допущены 29 преподавателей истории военных школ из разных городов СССР.

На курсы были командированы, согласно указаниям Наркомпроса, лучшие учителя истории, со значительным педагогическим стажем, чтобы они смогли по возвращении на места оказать наиболее действенную помощь другим учителям истории. Из 130 слушателей, заполнивших анкеты, было 48 членов и 9 канди-

датов партии, 31 комсомолец и 42 беспартийных.

Слушателями владело одно основное стремление — получить знания, необходимые для проведения в жизнь сталинских указаний о преподавании истории. И они расценивали каждую лекцию и всю работу курсов с точки зрения выполнения этой основной задачи. Жажда слушателей получить необходимые им знания особенно ярко проявилась в том, что, по их настоянию, на курсах состоялось в течение 12 дней вместо 56 лекционных часов, полагавшихся по программе, 79 часов и состоялась трехчасовая консультация по истории народов Поволжья.

Огромный подъем среди слушателей вызвали апрельские постановления партии и правительства об учителе. Слушатели на своих собраниях в простой и яркой форме выразили свою радость и благодарность за сталинскую заботу об учителе и послали письмо товарищу Сталину.

По инициативе слушателей пятеро из них выступило по радио и рассказало, что переживают учителя истории в связи с этими замечательными постановлениями и что они сделают, чтобы поднять преподавание истории на высоту, требуемую партией и правительством.

Нарком просвещения РСФСР тов. Бубнов провел продолжительную беседу со слушателями, поставил им ряд вопросов о положении на местах, заслушал их сообщения и пожелания, ответил на волновавшие их вопросы об испытаниях, об учебниках, о подготовке к новому учебному году.

Особенно интересовался тов. Бубнов тем, как отделы народного образования руководят преподаванием истории и помогают учителям, в чем выражается помощь учителям истории со стороны исторического факультета отдельных университетов, в частности Саратовского и ряда исторических отделений педагогических институтов, как учителя обеспечены исторической литературой, интересуются ли историей учащиеся и т. д.

Тов. Бубнов подчеркнул, что при подготовке к новому учебному году необходимо уделить особенно серьезное внимание истории, вплотную заняться повышением квалификации учителей истории, подготовкой новых кадров и изданием пособий по истории.

Тов. Бубнов указал, что необходимо провести на основе опыта данных курсов такого же рода курсы в Ленинграде и Саратове, а также в Ростове, Свердловске, Горьком и других городах, где имеются исторические отделения педагогических институтов.

Кроме того необходимо организовать в Москве, при Центральном институте повышения квалификации кадров народного образования, непрерывные курсы для учителей истории с месячным сроком обучения.

Курсы учителей истории.

На занятиях.

3

Как сами слушатели характеризовали итоги курсов?

Они отмечали, что программа соответствовала запросам учителей истории, что на курсы были привлечены наиболее квалифицированные лекторы и что курсы дали много ценного фактического материала и методологических установок для проведения в преподавательской работе указаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников.

Учитель Сафронов из Белгорода сказал: «Эти курсы были очень необходимы. Я здесь произвел проверку своих знаний, проверил, насколько я правильно работаю. Мы получили здесь такое гармоническое сочетание, как лекции, посещение музеев и театров. Это большая зарядка для всех, кто приехал на курсы».

Учитель из Дагестана говорил: «Мы предоставлены самим себе, и эти курсы были первой большой помощью в моей педагогической практике. Я получил от них неизмеримо много».

Учительница Кормильцева из Рязани говорила: «Мы имеем такой драгоценный клад, как указания товарищей Сталина, Кирова и Жданова на конспекты учебников. Мы получили на курсах Наркомпроса фактические знания, которые помогут нам провести эти указания в жизнь. Я работник почти с 30 летним стажем, который пришел из начальной школы и начал работать в средней шко-

ле только со времени советской власти. Я преподаю историю только три года и сейчас чувствую, как расту в области своей дисциплины. Забота партии и правительства нашла свое выражение и в организации настоящих курсов. Посмотрите, с каким вниманием относятся к качественной постановке работы курсов. Я чувствую, как во мне пробуждается научный интерес к моей дисциплине. А это имеет огромное значение для улучшения качества преподавания».

Тов. Панин сказал тов. Бубнову от имени преподавателей истории военных школ: «Товарищу народному комиссару хорошо известна высокая организованность Красной армии. Однако нужно прямо сказать, что работа этих краткосрочных курсов дала образец того, как надо помогать учителю истории, и этому нужно поучиться и нам — красноармейским работникам».

Одновременно слушатели подчеркивали, что они все же не получили на курсах ответа на некоторые трудные и неясные для них вопросы и что курсы должны стать началом систематической помощи учителям истории со стороны Наркомпроса и научных работников.

Учительница Козырева из Казани заявила: «Мы, учителя истории, чувствуем огромную ответственность, которая на нас возложена. Роль истории достаточно ярко видна из того количества постановлений, из того внимания, которое оказывается преподаванию истории партией и правительством. Особенно значительна ответственность преподавателей по

историю в национальных республиках. Мы должны хорошо знать историю своей республики и историю братских республик. Мы должны на конкретных примерах своей республики показать ребятам царскую Россию как тюрьму народов и показать им героическую борьбу пролетариата и крестьянства России и угнетенных национальностей против царизма и капитализма. Мы должны воспитать наших ребят подлинными интернационалистами и смелыми, высококультурными строителями коммунистического общества. Я думаю, что выражу мнение всех учителей, когда скажу, что курсы Наркомпроса должны стать началом систематической работы по повышению квалификации учителей истории, работы в помощь учителям истории для того, чтобы мы своевременно получали все необходимое для образцовой постановки истории в школе».

Наряду с положительными сторонами курсы имели и ряд недостатков. Главным из них была большая перегрузка слушателей лекциями. Правда, эта перегрузка явилась следствием огромной жажды знаний со стороны самих слушателей и желания Наркомпроса оказать помощь учителям в существеннейших вопросах истории, но тем не менее эта перегрузка, несомненно, отрицательно повлияла на усвоение лекций. Организаторам курсов не удалось также добиться получения от большинства лекторов конспектов лекций и предварительно раздать их слушателям, а между тем это значительно облегчило бы слушателям углубленное усвоение лекций и производство записей.

Большое количество лекций, заслушанных на курсах, не дало возможности достаточно подробно и углубленно остановиться на основных вопросах. В дальнейшем, несомненно, необходимо проводить курсы со значительно более узкой тематикой, но зато более подробно и всесторонне изучать поставленные темы.

Благодаря перегрузке лекциями не осталось времени для индивидуальных консультаций, очень ценных на такого рода курсах. Не было также времени, чтобы организовать достаточно широко обмен методическим и организационным опытом.

Но несмотря на все эти и ряд других недостатков в работе курсов они не только оказали слушателям серьезную помощь, но и особенно наглядно показали, что необходимо сделать в ближайшее время для надлежащей подготовки к новому учебному году.

4

На курсах были проведены общие и индивидуальные беседы об опыте преподавания истории в текущем учебном году и о подготовке к новому учебному году.

Этот год был очень трудным и для учителей истории и для ребят. Учителя

чувствовали огромную научную и политическую ответственность за свою работу и одновременно не имели стабильных учебников и не получили от Наркомпроса ни методических разработок, ни даже настоящих программ по истории, а получили лишь «Примерное распределение учебного материала по истории» с указанием, какие темы надо пройти в отдельных классах и сколько часов надо отвести на каждую тему. В этих условиях учителям приходилось исключительно много работать и одновременно часто испытывать чувство неудовлетворенности и даже тревоги по поводу проведенной ими в школе работы.

Большие трудности при изучении истории испытывали в этом году и учащиеся, но несмотря на это учащиеся не только крупных центров, но и колхозные ребята живо интересуются историей. Учитель Сангаджиев, директор и преподаватель истории Долбанской неполной средней школы Калмыцкой автономной республики рассказывал, что когда в их селе в школе устраиваются дополнительные занятия по истории для отстающих ребят, то приходит весь класс. «Идите домой, вам тут нечего делать»,—говорит в таких случаях учитель истории наиболее способным ребятам. А они отвечают: «Нет, мы останемся, нам интересно».

Слушатели горячо обсуждали вопрос об исторических журналах и говорили, что журнал «История в средней школе» должен стать лучшим помощником учителя. Крайне желательно и по сути необходимо, чтобы журнал выходил ежемесячно и чтобы каждый учитель истории имел возможность подписаться на него, что в настоящее время ввиду небольшого тиража журнала, к сожалению, невозможно. Слушатели внесли много ценных предложений по улучшению работы журнала.

Беседы со слушателями подтвердили, что журнал «Борьба классов» пользуется у учителей истории большой любовью и популярностью. Журнал помогает им в их практической работе, расширяет их кругозор. Отдельные учителя сельских школ с большим удовлетворением сообщали что у них имеется полный комплект «Борьбы классов» и что они постоянно пользуются им. Надо было слышать, с какой болью говорили учителя Дальнего Востока, Калмыкии, Дагестана и других мест о том, что почтовые отделения не приняли от них подписки на «Борьбу классов» и «Историю в средней школе»! И слушатели очень просили, чтобы каждый учитель истории мог не только с нового года, а уже с июля 1936 года подписаться на оба эти журнала. Учителя живо откликнулись на призыв тов. Волина сотрудничать в обоих этих журналах.

Много говорили учителя о наглядных пособиях. Сообщение академика Орбели о работе государственного Эрмитажа в помощь учителям истории вызвало ожив-

ленный обмен мнений и ряд предложений. Учителя просили Эрмитаж и другие музеи срочно издать, хотя бы в форме открыток, снимки картин и скульптур, особенно ценных для преподавания истории, и хотя бы небольшое число стеновых картин с изображением наиболее ценных в историческом и художественном отношении произведений.

Они просили также музеи содействовать созданию серий диапозитивов по истории.

Выяснилось, что многие музеи, и больше всех Эрмитаж, уже активно и систематически помогают учителям истории. В Эрмитаже создана, как известно, специальная классная комната для занятий по истории, где подбираются памятники по очередным темам и проводится ряд классных занятий.

Свыше 200 учащихся работают в Эрмитаже под руководством его научных сотрудников и сами организуют небольшие тематические выставки. На основе знаний, полученных от работы в Эрмитаже, ученица 13 лет сделала недавно в ленинградском Дворце пионеров очень интересный, по отзыву академика Орбели, доклад о культуре Греции в эпоху Перикла.

Необходимо изучить опыт ряда музеев в деле помощи преподаванию истории и добиться того, чтобы в эту работу включались все музеи.

Учителя сильно жаловались на отсутствие исторической литературы, а также художественной исторической литературы для учащихся и подчеркивали, что в связи с повышением заработной платы учителя прежде всего будут стремиться приобрести хорошую библиотеку по истории. И первой книгой, которую хотят получить учителя, является «История гражданской войны», создаваемая под руководством товарища Сталина. Слушатели очень просили срочно вы-

пустить первый том этой работы дополнительным массовым тиражом.

Наркомпросу и отделам народного образования предстоит таким образом сделать в ближайшие месяцы очень большую работу в области улучшения преподавания истории.

Для того чтобы эта работа была сделана качественно хорошо и своевременно, необходимо, чтобы в ней приняли активное участие исторические исследовательские организации, научные работники, методисты и учителя.

Следует отметить те отзывчивость и активность, которые проявили наши историки при организации курсов. Они сразу откликнулись на призыв Наркомпроса и отнеслись к курсам с той ответственностью, которой требовала эта важная работа. Академик Орбели дважды приезжал из Ленинграда, чтобы прочесть лекции на курсах. Академик Щербаков специально приезжал на курсы из Белоруссии. Тов. Радек прочел 4 лекции, которые были прослушаны с большим интересом. Лекции эти проводились вечером и обслужили, наряду со слушателями курсов, всех учителей истории и сотни студентов Москвы. Профессор Сванидзе не только прочел лекцию, но немедленно прислал в Наркомпрос тщательно исправленную стенограмму. Надо надеяться, что все лектора последуют его примеру.

На заключительном вечере профессора Фридлянд, Панкратова и Ванаг по своей инициативе обязались с нового учебного года включиться в преподавание истории в средней школе, чтобы лучше узнать школу и лучше помогать ей.

Исключительное внимание, уделяемое партией и правительством и лично товарищем Сталиным вопросам преподавания истории, требует объединения всех сил для того, чтобы обеспечить с нового учебного года мощный подъем исторического образования в нашей стране.

1) «Ленин о молодежи». Издание второе, исправленное и дополненное. «Молодая гвардия». 1935.

В сборнике «Ленин о молодежи» собраны все высказывания Ленина о молодежи. Сборник состоит из 4 частей: 1) Ленин об учащейся молодежи до и в период революции 1905 года, 2) Ленин об участии трудящейся молодежи в революционном движении и социалистическом строительстве, 3) Ленин о труде и положении детей и подростков при капитализме, 4) Ленин о школе, всеобщем обучении и политехническом образовании подрастающего поколения.

Сборник является главным руководящим пособием в практической работе и учебе каждого комсомольца.

2) «В. И. ЛЕНИН, И. В. СТАЛИН «О молодежи». Партиздат ЦК ВКП(б). 1936.

Прекрасно изданный сборник «В. И. Ленин, И. В. Сталин «О молодежи» содержит все высказывания Ленина и Сталина о молодежи. Первая часть посвящена высказываниям В. И. Ленина и включает весь материал, вошедший в сборник «Ленин о молодежи», изданный «Молодой гвардией» в 1935 году.

Особый интерес представляет вторая часть сборника, где собраны все высказывания товарища Сталина о молодежи, вплоть до речи товарища Сталина на Всесоюзном совещании стахановцев 17 ноября 1935 года.

Сборник является прекрасным подарком X съезду ВЛКСМ и должен стать настольной книгой каждого комсомольца и всей трудящейся молодежи нашей великой родины.

3) Н. П. ПОЛЕТИКА «Возникновение мировой войны». Под ред. И. Ерухимовича. Соцэкгиз. 1935.

Книга Н. П. Полетика «Возникновение мировой войны» на большом материале разоблачает работу империалистической дипломатии в июльские дни 1914 года. Автор анализирует дипломатическую подготовку империалистической войны Антантой и австро-германским блоком, характеризуя роль каждой из империалистических держав накануне войны и ее участие в развязывании мировой войны. Книга рассчитана на преподавателей, научных работников и учащихся, работающих по истории империализма.

4) «Таежные походы». Сборник эпизодов из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Под ред. М. Горького, П. Постышева, И. Минца. Государственное издательство «История гражданской войны». 1935.

Литературно-художественный сборник воспоминаний из истории гражданской войны на Дальнем Востоке «Таежные походы» написан руководителями и рядовыми участниками борьбы с интервента-

ми (главным образом японцами) и белогвардейцами на Дальнем Востоке в 1918—1920 годах. Материал расположен в сборнике по районам (Приморье, Амур и Забайкалье) в основном в хронологическом порядке.

Не пытайтесь заменить собой систематической истории гражданской войны на Дальнем Востоке—этому посвящен XIII том «Истории гражданской войны в СССР»,—сборник дает общее представление о героической борьбе под руководством большевистской партии, рабочих и крестьян Дальнего Востока с интервентами и контрреволюцией.

5) «Прошлое Казахстана в источниках и материалах». Сборник 1-й (V век д. н. э.—XVIII век н. э.). Под ред. проф. С. Д. Асфендиарова и проф. П. А. Кунте. Казахское краевое издательство. 1935.

Книга представляет собой подобранные и систематизированные по хронологическому и тематическому признакам отрывки из произведений греческих, китайских, французских, английских, шведских, голландских и русских географов и путешественников с V века до н. э. по XVIII век н. э.

Книга делится на семь разделов, каждому из которых предпослано введение исторического и библиографического характера.

В конце текста приложены указатели имен, географических названий и предметов, дающие читателю необходимые пояснения словарного типа.

Сборник содержит материалы, рисующие историю и быт казахов, взаимоотношения казахов с соседними государствами и народами, и историю первых десятилетий русской колониальной экспансии на восток. Эти материалы иллюстрируют также любопытную эволюцию сведений иностранцев о Казахстане, уровень этих сведений и степень их достоверности в различные эпохи.

Книга рассчитана на историков, студентов исторических факультетов и квалифицированных краеведов.

Книга может быть рекомендована широким кругам читателей интересующихся историей народов СССР и колониаторской политикой российского самодержавия.

6) «Крестьянская война в Московском государстве начала XVII века». Сборник документов подготовлен к печати Н. И. Ульяновым. Огиз. Соцэкгиз. 1935.

Издание представляет сборник документов, отрывков из летописей и из сказаний русских и иностранных авторов—современников крестьянской войны начала XVII века.

Сборник предназначен в качестве пособия, рассчитанного на студентов-историков, аспирантов и преподавателей истории.

И. К. Б.

Кабинет истории

СОДЕРЖАНИЕ

	ИСТОРИЯ СССР	
Т. РЫСКУЛОВ —Туркестан и Казахстан (1905—1907 годы)		1
П. ЕФРЕМОВ —Московское государство накануне социального кризиса начала XVII в.		16
И. ШАХНАЗАРОВ —„Пятницы“ Пётрашевского		28
	К ИСТОРИИ 1 МАЯ	
Я. МАЙОФИС —Первое мая 1890 г. в Германии (Борьба по вопросам первомайской тактики)		39
	ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СССР	
Ф. ШУЛУНОВ —Бурятские национал-демократы и гражданская война в Бурято-Монголии		49
	ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ	
В. ШМИДТ —У истоков социал-демократии Польши и Литвы		60
К. ГЕЙНЦ —Мартовские бои 1921 г. в Германии		70
	ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ	
В. СЕРГЕЕВ —Христианство в древнем Риме		81
	СРЕДНЯЯ ИСТОРИЯ	
И. АРСКИЙ —Феррарские войны в Испании в XV в.		94
	МАТЕРИАЛЫ И ДОКУМЕНТЫ	
Ф. ЭНГЕЛЬС о разложении феодализма и развитии буржуазии		110
	БИБЛИОГРАФИЯ	
А. КЛИНОВ —Антиисторический очерк истории СССР (Пионтковский. Очерки истории СССР XIX—XX вв.)		117
В. ЛОСЕВ —И. Кутяков. „Василий Иванович Чапаев“		121
	ХРОНИКА	
Н. ПОЛЬ —К итогам работы курсов учителей истории		122
	ПОЛКА КНИЖНЫХ НОВИНОК	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ: **Б. М. ВОЛИН** (отв. редактор), **А. М. ПАНКРАТОВА** (зам. отв. редактора), **О. С. ВЕЙЛАНД** (отв. секретарь), **С. С. БАНТКЕ**, **Т. М. ДУБЫНА**

ЗАВ. РЕДАКЦИЕЙ **В. П. СПЕНИЧ-ГНЕНЕНКО**

ЗАВ. ХУДОЖ. ОТД. **Ю. ЦИШЕВСКИЙ**

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды“, 24. Тел. Д 3-30-48. Прием в редакции от 11 до 5 дня
Уполномоченный Главлита № Б—23231 Издательский № 483 Заказ № 981 Тираж 32 000
Материал сдан в набор 5/V 1936 г. — Подписан к печати 11/V-1936 г. 4 бум. листа. 80 000 зн. в печати. листе

Типография газет „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.